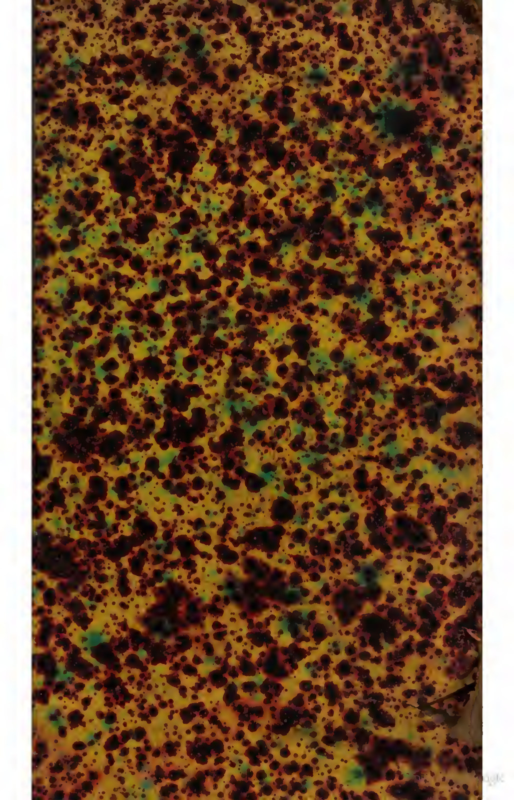
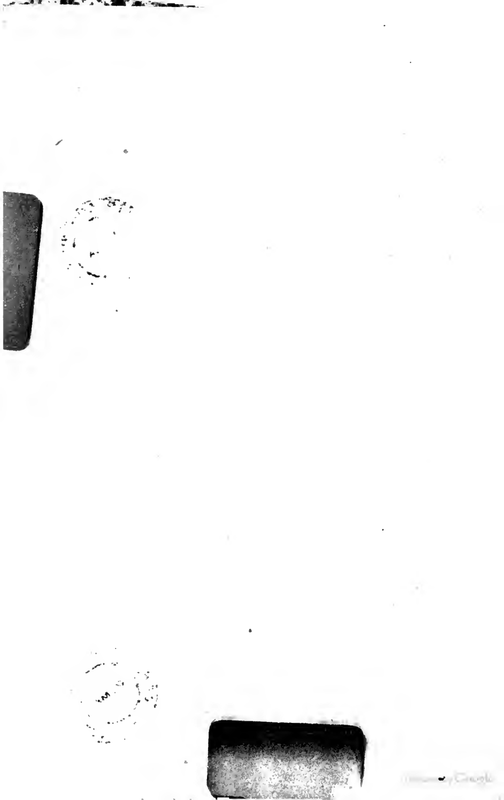

COMITATO COLONIA RUSSA
ROMA

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА.

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Печатать Позвозволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 10 Декабря 1833 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Вліяніе 18 Фруктидора на миръ.—Отъѣздъ изъ Милана.—Знамя Италіянской арміи.—Почести, оказанныя въ Мантуѣ Наполеону.—Замыселъ математика Мари.—Генералъ Гошъ и Виргилій.—Достопримѣчательное письмо.—Бонапарте на Моратскомъ полѣ сраженія.—Изрѣченіе его о Бургундцахъ.—Женева и Бернскіе депутаты.—Восторгъ въ Бернѣ.—Базель.—Бонапарте и Г. Коменжъ.—Г. Гринье-д'Еньи.—Прибытіе въ Растадтъ.—Письмо Директоріи.—Отъѣздъ изъ Растадта.—Козни братьевъ и сестеръ Наполеона противъ Іозефины.

День 18 Фруктидора, безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовалъ къ заключенію Кампо-Формійскаго мира. Съ одной стороны Директорія, до тѣхъ поръ мало расположенная къ миру, нанеся такъ называемый государственный ударъ,

чувствовала наконецъ необходимость оправдаться предъ недовольными доставя миръ Франціи; а въ тоже время Австрія, видя что козни Роялистовъ внутри Франціи совершенно ниспровергнуты, полагала что время заключить съ Французскою Республикою договоръ, который— не взирая на претерпѣнныя ею пораженія, дѣлалъ ее владычицею Италіи.

Притомъ же Италіянской походъ, столь изобильный знаменитыми воинскими подвигами, произвелъ не одну только славу; нѣчто великое являлось въ завоеваніяхъ онаго. Въ дѣлахъ общественныхъ произошелъ необычайный переворотъ и сильное нравственное вліяніе, плодъ побѣдъ и мира, было готово распространиться надъ всею Франціею. Республиканство не было уже кровожадно и свирѣпо, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Договариваясь на степени равенства съ Государями и съ ихъ Министрами, Бонапарте мало по малу пріучилъ Иностранные Дворы къ сношеніямъ съ Республиканскою Франціею, а Республику къ тому, чтобы не видѣть непремѣнныхъ враговъ во всѣхъ державахъ, управляемыхъ Государями.

При такихъ обстоятельствахъ, отъѣздъ Главнокомандующаго и скорое его прибытіе въ Парижъ, занимали всѣхъ и слабая Директорія увидѣла себя принужденною къ присутствію побѣдителя Италіи въ Парижѣ.

Для председательства надъ Французскимъ посольствомъ въ Расштадтѣ, Наполеонъ выѣхалъ изъ Милана 17 Ноября. Но предъ отъѣздомъ своимъ, онъ послалъ Директоріи одинъ изъ памятниковъ, могущихъ почесться баснословными, но который на этотъ разъ не имѣлъ нужды ни въ чемъ кромѣ истины. Памятникомъ симъ было ЗНАМЯ ИТАЛІЯНСКОЙ АРМІИ; Генералъ Жуберъ удостоился почетной обязанности представить оное главамъ Правительства.

На одной сторонѣ знамени было написано: ИТАЛІЯНСКОЙ АРМІИ, БЛАГОДАРНОЕ ОТЕЧЕСТВО; на другой находилось исчисленіе данныхъ битвъ, взятыхъ мѣстъ и въ особенности были замѣчательны слѣдующія надписи, служащія простымъ и великолѣпнымъ сокращеніемъ исторіи Италіянскаго похода: «150,000 плѣн«ныхъ;—170 знаменъ;—550 пушекъ;—600 поле«выхъ орудій;—5 понтонныхъ отрядовъ;—9 шес«тидесяти четырехъ пушечныхъ кораблей;—12 «тридцатидвухъ пушечныхъ фрегатовъ;—12 кор«ветовъ;—18 галеръ;—перемиріе съ Королемъ «Сардинскимъ;—договоръ съ Генуей;—перемиріе «съ Герцогомъ Пармскимъ;—перемиріе съ Коро«лемъ Неаполитанскимъ;—перемиріе съ Папою; «Леобенскія предварительныя условія;—Монте«бельскій договоръ съ Генуезскою Республикою; «—Кампо-Формійскій миръ съ Императоромъ.

«Дана свобода народамъ Болоньи, Феррары, «Модены, Масса-Каррары, Романіи, Ломбардіи, «Бресчіи, Бергама, Мантуи, Кремы, части Верон«ны, Чіавены, Барміо и Вальтелины; народамъ «Генуи, Императорскимъ ленамъ, народамъ об«ластей Корциры, Егейскаго Моря и Итаки.

«Отосланы въ Парижъ всѣ изящныя произве«денія Микель-Анжа, Гершена, Тиціена, Павла «Веронеза, Корреджія, Альбана, Карраша, Рафаи«ла и Леонарда Винчи.»

Такимъ образомъ, на знамени, коему предназначалось украшать присутственную залу Директоріи,—были исчислены военные подвиги Италіянскаго похода, политическія онаго послѣдствія и пріобрѣтеніе памятниковъ изящныхъ искуствъ.

Большая часть Италіянскихъ городовъ привыкли видѣть въ своемъ завоевателѣ—избавителя; столь волшебно имя свободы, раздававшееся отъ Альпійскихъ горъ до Апенинскихъ. При проѣздѣ чрезъ Мантуу, Генералъ былъ помѣщенъ во Дворцѣ, обители прежнихъ Герцоговъ. Бонапарте обѣщалъ Правителямъ Мантуи что ихъ область будетъ одною изъ самыхъ обширныхъ и далъ имъ почувствовать необходимость учредить безъ замедленія мѣстную стражу и привести въ исполненіе начертанные Математикомъ Мари планы для плаванія по рѣкѣ Минчіо отъ Мантуи до Пескіеры.

Пробывъ двое сутокъ въ Мантуѣ, онъ посвя-

тилъ слѣдующій день по своемъ прибытіи, вопервыхъ на отслуженіе панафиды въ честь Генерала Гоша, постигнутаго смертью, а потомъ для того, чтобы поощрить своимъ присутствіемъ работы, производившіяся въ Виргиліеннѣ, памятникѣ, воздвигаемомъ Виргилію. Такимъ образомъ, онъ въ тоже время воздавалъ честь Франціи и Италіи, новой и старой славѣ, лаврамъ войны и лаврамъ поэзіи.

Человѣкъ, никогда не видавшій Наполеона, увидѣлъ его тогда въ первый разъ и написалъ въ Парижъ письмо, въ коемъ онъ изображаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Съ живѣйшимъ участіемъ и съ величайшимъ вниманіемъ видѣлъ я этого необычайнаго человѣка, который свершилъ столь великія дѣла и который кажется возвѣщаетъ что поприще его не кончилось. Я нашелъ его очень сходнымъ съ портретомъ, малаго ростомъ, худощаваго, блѣднаго, имѣющаго видъ утомленный, но не больной, какъ то говорили. Мнѣ показалось что онъ слушалъ болѣе съ разсѣянностью, чѣмъ съ участіемъ и что онъ болѣе былъ занятъ тѣмъ о чемъ онъ думалъ, чѣмъ тѣмъ, что ему говорили. Въ физіономіи его много ума; на ней замѣтенъ видъ всегдашняго размышленія не открывающій ничего, во внутренности происходящаго. Въ этой углубленной въ размышленія головѣ, въ этой сильной душѣ, *невозможно не предполагать ка-*

кихъ либо смѣлыхъ замысловъ долженствую-щихъ имѣть вліяніе на судьбу Европы.

Особенно при послѣднихъ словахъ письма сего можно подумать, что оно написано послѣ событій;—оно было помѣщено въ журналѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1797 года, незадолго до прибытія Бонапарте въ Парижъ.

Родъ соотвѣтственности существуетъ между знаменитыми людьми и знаменитыми мѣстами. Посему было нельзя равнодушно видѣть что Бонапарте осматривалъ мѣсто Моратъ, гдѣ Карлъ Бургундскій, этотъ другой смѣльчакъ, видѣлъ въ 1746 году своихъ Бургундцевъ, падшихъ предъ усиліями Гельветической храбрости. Бонапарте ночевалъ наканунѣ въ Мудонѣ, гдѣ подобно какъ во всѣхъ мѣстахъ, имъ проѣзжаемыхъ, ему были оказаны наивеличайшія почести. Утромъ карета его сломалась, и мы продолжали путь пѣшкомъ въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ Офицеровъ и данной намъ стражи изъ мѣстныхъ драгунъ. Бонапарте, остановясь у складенныхъ въ груду костей, велѣлъ показать себѣ мѣсто, гдѣ было дано Моратское сраженіе: ему указали равнину противъ часовни. Одинъ изъ Офицеровъ, служившій во Франціи и тутъ находившійся, объяснилъ ему, какимъ образомъ Швейцарцы, спустившись съ окрестныхъ горъ, обошли лѣсомъ Бургундскую армію и опрокинули оную. «А какъ велика

«была эта армiя? спросилъ онъ. — Шестьдесятъ «тысячъ человѣкъ.—Шестьдесятъ тысячъ человѣкъ!» воскликнулъ онъ; «этимъ числомъ они «бы могли занять всѣ горы. — Нынѣшнiе «Французы лучше сражаются,» замѣтилъ Ланнъ, «одинъ изъ бывшихъ при немъ Офицеровъ.— «Въ это время,» съ живостью прервалъ Бонапарте, «Бургундцы не были еще Французами!»

Путешествiе Бонапарте чрезъ Швейцарiю, было не безъ пользы и присутствiе его утишило много безпокойствъ. Послѣ переворота, коему подверглись лежащiя за Альпами Государства, Швейцарцы страшились какого либо раздробленiя или покрайней мѣрѣ вторженiя, которое военныя обстоятельства дѣлаютъ возможнымъ. Повсюду Бонапарте старался успокоить умы. Прибывъ въ Генуу, онъ принялъ Бернскихъ посланныхъ и отпустилъ ихъ довольными его миролюбивыми увѣренiями. Желанiе видѣть его такъ было велико, что повсюду на дорогахъ держали день и ночь въ готовности десятка по три лошадей ему на перемѣну.

Бонапарте прiѣхалъ въ Расштадтъ чрезъ Э въ Савоiи, чрезъ Бернъ и Базель.

Проѣздъ его чрезъ Швейцарiю былъ настоящимъ торжествомъ. Очевидно было что это стремленiе его увидѣть, происходило не отъ почести, воздаваемой власти, но отъ удивленiя,

которое внушали его победы и отъ признательности, возбуждаемой миромъ, имъ заключеннымъ. Прибывъ въ Бернъ ночью, мы проѣхали посреди двойнаго ряда экипажей, отлично освѣщенныхъ и наполненныхъ прекрасными женщинами; всѣ кричали: *Да здравствуетъ Бонапарте, да здравствуетъ примиритель;* надобно было видѣть этотъ добровольный восторгъ для того, чтобы составить себѣ объ немъ настоящее понятіе.

Столь возвышенная степень въ обществѣ, на которую поставили его великія побѣды и миръ, сдѣлали для него несносными привычку говорить ему ты и короткость въ обхожденіи Бріеннскихъ соучениковъ; я находилъ это очень естественнымъ. Г. де Коменжъ, тотъ самый, который сопутствовалъ ему при переводѣ въ Парижскую Военную Школу и въ послѣдствіи выѣхалъ изъ Франціи,—находился въ Базелѣ. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, онъ запросто явился съ большимъ неприличіемъ и съ совершеннымъ забвеніемъ уваженія, слѣдуемаго столь много прославившемуся мужу. Бонапарте, весьма тѣмъ оскорбясь, не принялъ его и очень горячо со мною на этотъ счетъ объяснился. Усилія мои поправить бѣду, были тщетны. Это впечатлѣніе осталось и онъ никогда не сдѣлалъ для Г. Коменжа того, что ему бы дозволили его способы и его прежнія, дѣтскія связи; не легко даже

было заговорить объ немъ, не возбудивъ его досады.

Проѣзжая чрезъ Фрибургъ въ Брисгавѣ, я вспомнилъ что въ этомъ городѣ умеръ Г. Гринье д'Эньи, Капитанъ Арманьякскаго Полка, мой зять эмигрантъ, вступившій послѣ въ Дворянскую-Стражу. Живое участіе, которое я принималъ въ немъ и въ бѣдственномъ его положеніи, часто побуждали меня, при поѣздкахъ моихъ въ Германію, посылать ему бѣлье и деньги; ибо сестра моя едва было не лишилась жизни пославъ ему однажды въ Литтихъ письма и денежное пособіе.

Перемѣняя лошадей, я спросилъ у станціоннаго смотрителя о Г. д'Эньи; онъ отозвался объ немъ съ наивеличайшею похвалою и объявилъ мнѣ, что положеніе его не дозволило ему расплатиться за его содержаніе. «Я озаботился его «похоронами,» прибавилъ онъ, «и вы можете по«вѣрить что они были сдѣланы съ честью. По «его несчастіямъ и по дружбѣ его ко мнѣ, я «нисколько не жалѣю о томъ, что я для него «сдѣлалъ.» Я взялъ изъ мѣшка, наполненнаго Италіянскимъ золотомъ и служившаго для путевыхъ издержекъ, горсть монетъ; онъ распространился въ изъявленіяхъ своей признательности и въ похвалахъ Французскому великодушію. Генералъ Бонапарте вполнѣ одобрилъ сдѣланное мною.

Пріѣхавъ въ Расштадтъ, Наполеонъ нашелъ отъ Директоріи письмо, зовущее его въ Парижъ. Онъ съ радостью воспользовался этимъ приглашеніемъ дабы оставить мѣсто, гдѣ онъ зналъ что можетъ играть только незначительную ролю и которое онъ рѣшился поскорѣе оставить для того, чтобы ужъ болѣе туда не возвращаться. Черезъ нѣсколько времени по прибытіи его въ Парижъ, опираясь на необходимость его присутствія для разныхъ дѣлъ и приказаній, онъ потребовалъ дозволенія перевести изъ Расштадта часть его людей и пожитковъ, тамъ имъ оставленныхъ.

Какъ могли сказать, будто бы Директорія *держала Генерала Бонапарте въ удаленіи отъ великихъ дѣлъ производившихся въ Расштадтѣ.* Боже Всемогущій! она бы очень была рада, еслибъ могла туда его отправить и такъ легко избавиться отъ присутствія его въ Парижѣ; но ничто такъ не надоѣдало Наполеону какъ долгіе, безконечные переговоры: это не соотвѣтствовало его характеру. Ему ужъ довольно было и того, что онъ вытерпѣлъ въ Кампо-Форміо. Что же могли быть *эти великія дѣла, производившіяся въ Расштадтѣ,* въ сравненіи съ тѣми, которыхъ Пассеріано былъ свидѣтелемъ; Бонапарте не способенъ былъ пять лѣтъ переговариваться въ Расштадтѣ съ Германскою дипломатіею, подобно какъ Графъ д'Аво сдѣлалъ

сіе въ Мюнстерѣ и предпочелъ остановиться на послѣднемъ великомъ дѣлѣ своихъ дипломатическихъ порученій—опасности впутаться въ переговоры, которыхъ онъ основательно предвидѣлъ продолжительность и дурной оборотъ.

Увидѣвъ, что Генералъ Бонапарте рѣшился пробыть Раштадтѣ, лишь короткое время, я объявилъ ему твердое желаніе мое остаться въ Германіи. Я не зналъ еще тогда что исключеніе меня изъ списка эмигрантовъ воспослѣдовало 11 Ноября; извѣстіе о томъ пришло въ Оксерръ къ Комисару Исполнительной Директоріи не прежде какъ 17 Ноября, въ день нашего отъѣзда изъ Милана.

Жалкія затрудненія, столь долго существовавшія на счетъ исключенія меня изъ списка эмигрантовъ не взирая на неоднократныя просьбы побѣдоноснаго Генерала, заставляли меня опасаться, что при слабой и завистливой Пентархіи возобновятся ужасныя сцены Февраля 1796 года; Бонапарте сказалъ мнѣ съ негодованіемъ: «Поѣдемъ, переѣзжай черезъ Рейнъ безъ «опасенія: они не исторгнутъ тебя отъ меня; я «за тебя ручаюсь.»

Я нашелъ исключеніе меня изъ числа эмигрантовъ въ Парижѣ. Оно было сдѣлано 11 Ноября.

Тогда только усилія Генерала Бонапарте объ исключеніи меня изъ эмигрантскаго списка,

хотя и очень поздо, увѣнчались успѣхомъ; Сотенъ, Министръ Главной Полиціи объявилъ объ этомъ Генералу Бонапарте: изъ письма его читатели увидятъ странную причину моего исключенія, весьма различную съ тою, которая выставлена въ опредѣленіи.

КАНЦЕЛЯРІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Парижъ, 22 Брюмера, VI года Республики, единой и нераздѣльной.

МИНИСТРЪ ГЛАВНОЙ ПОЛИЦІИ РЕСПУБЛИКИ,

Гражданину Бонапарте, Главнокомандующему Англійскою арміею.

«Узнавъ, гражданинъ Генералъ, о просьбѣ гражданина Фовеле Буріенна, вашего Секретаря, я поспѣшилъ представить оную Исполнительной Директоріи. Изъ приложеннаго присемъ въ копіи опредѣленія вы увидите что окончательное исключеніе его изъ списка эмигрантовъ повелѣно Директоріею. Правительство, Гражданинъ Генералъ, не хотѣло оставить между людьми, измѣнившими отечеству, имя гражданина, приближеннаго къ завоевателю Италіи.

Долгомъ считаю сообщить вамъ, что гражданинъ Боттотъ, по возможности содѣйствовалъ скорѣйшему рѣшенію сего дѣла; чтоже касается до меня, то я радуюсь тому что споспѣшествовалъ къ оказанію сей справедливости и то-

му что это доставляетъ мнѣ случай увѣрить васъ, что я раздѣляю со всѣми друзьями Республики высокое уваженіе и почтеніе, пріобрѣтенное вами чрезъ подвиги и таланты, которые опережаютъ судъ потомства.

Поклонъ и братство

СОТЕНЪ.»

МИНИСТЕРСТВО ГЛАВНОЙ ПОЛИЦІИ

Республики.

Выписка изъ журнала засѣданій Исполнительной Директоріи.

Парижъ, 21 Брюмера, VI года Французской Республики, единой и нераздѣльной.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРІЯ,

Въ слѣдствіе просьбы Лудовика-Антона, Фовеле Буріенна, объ окончательномъ исключеніи его имени изъ списка эмигрантовъ.

По уваженію представленныхъ имъ документовъ, изъ коихъ явствуетъ что онъ не былъ эмигрантомъ,

ОПРЕДѢЛЯЕТЪ:

Статья 1-я

Имя Лудовика, Антона, Фовеле Буріенна окончательно исключить изъ всѣхъ эмигрант-

скихъ списковъ въ которые оно могло быть внесено.

Статья II-я.

Запрещеніе, наложенное на его движимое и недвижимое имѣніе будетъ снято если онъ не отецъ эмигрантовъ; и оныя будутъ возвращены въ его владѣніе съ выдачею ему доходовъ, могшихъ быть собранными приставами Республики, но съ обязательствомъ уплатить издержки по запрещенію, управленію и всѣ прочіе законные расходы.

Статья III-я.

Въ случаѣ еслибъ все его имѣніе или часть онаго была законнымъ образомъ продана, то ему будетъ выдано деньгами, по взысканіи съ него расходовъ при продажѣ.

Статья IV-я.

Опредѣленіе сіе не будетъ напечатано. Министрамъ Главной Полиціи и Финансовъ, поручается исполненіе онаго въ томъ что до каждаго изъ нихъ коснется.

Президентъ Директоріи *Л. М. РЕВЕЛЬЕРЪ—ЛЕПО.*

Главный Секретарь *ЛАГАРДЪ.*

Съ подлиннымъ вѣрно, Министръ Главной Полиціи *СОТЕНЪ.*»

Бонапарте сказалъ на островѣ Св. Элены, что

онъ привезъ съ собою изъ Италіи только триста тысячъ франковъ. Могу утвердительно объявить, что у него было въ эту эпоху болѣе трехъ миліоновъ. И какимъ образомъ трехъ сотъ тысячъ достало бы ему на большія поправки, на украшеніе и снабженіе мебелью дома его въ Шантеренской улицѣ? Какъ онъ могъ вести такой образъ жизни съ пятнадцатью тысячами дохода и со своимъ жалованьемъ? Одна поѣздка къ морскимъ берегамъ, о которой будетъ сказано ниже, стоила ему около двѣнадцати тысячъ золотомъ, которыя онъ вручилъ мнѣ на этотъ предметъ и которыя сколько мнѣ извѣстно, не были ему возвращены отъ Правительства. Притомъ же, для цѣли, которую онъ имѣлъ,— скрыть въ послѣдствіи свое богатство, совершенно не все ли равно, что онъ привезъ три миліона или триста тысячъ франковъ? Никто никогда не обвинитъ его въ лихоимствѣ. Онъ строго смотрѣлъ за управленіемъ; похищенія его раздражали и онъ преслѣдовалъ воровъ со всею силою своего характера. По *нашли* Идрійскіе рудники и войскамъ *поставлялась* говядина. Онъ хотѣлъ быть независимымъ и зналъ лучше всякаго другаго, что безъ денегъ нельзя успѣть въ томъ. *Вѣдь я не Капуцинъ*! говаривалъ онъ мнѣ на этотъ счетъ. Объявивъ, что у него было только триста тысячъ франковъ по возвращеніи его изъ богатой Италіи, гдѣ

успѣхи его не оставляли; напечатали что онъ имѣлъ двадцать милiоновъ, а другiе говорятъ даже вдвое по прiѣздѣ его изъ Египта, бѣдной страны, гдѣ мало наличныхъ денегъ и гдѣ неудачи безпрестанно исторгали у него прiобрѣтенныя побѣдами выгоды; все это ложно: читатели видѣли что онъ привезъ изъ Италiи; въ главѣ о Египтѣ будетъ показано, какое *сокросище* добылъ онъ въ землѣ Фараоновъ.

Братья Наполеона, желая владычествовать надъ умомъ его, старались уменьшить влiянiе, которое доставляла Iозефинѣ любовь ея мужа. Они старались возбудить его ревность воспользовавшись пребыванiемъ ея въ Миланѣ, послѣ нашего отъѣзда, съ дозволенiя Наполеона. Чувства его къ женѣ, поѣздка къ морскимъ берегамъ, безпрестанныя его занятiя для Египетскаго похода и кратковременное пребыванiе въ Парижѣ не дозволили ему предаться симъ подозрѣнiямъ. Я въ послѣдствiи возвращусь къ этимъ козням Наполеоновыхъ братьевъ и къ злобѣ, съ коею они старались погубить Iозефину въ умѣ его. Пользуясь короткостью у него и у нея, я былъ довольно счастливъ дабы воспрепятствовать этому злу или покрайней мѣрѣ многимъ уменьшить оное. Еслибъ Iозефина была жива, то она отдала бы мнѣ эту справедливость. Одинъ только разъ и то невольнымъ образомъ, я былъ противъ нея: по случаю брака

дочери ея Гортензiи. Iозефина не говорила еще мнѣ о своемъ намѣренiи; Бонапарте хотѣлъ выдать дочь ея за Дюрока; братья его старались содѣйствовать этому браку дабы отдѣлить Iозефину отъ Гортензiи, которую Наполеонъ нѣжно любилъ; Iозефина желала соединить ее бракомъ съ Лудовикомъ Бонапарте. Всякой отгадаетъ, что побудительною къ сему причиною была надежда устроить себѣ опору въ семействѣ, состоявшемъ изъ однихъ только ея непрiятелей: она одержала верхъ. Въ послѣдствiи увидятъ, какимъ образомъ произошло это дѣло.

ГЛАВА II.

Возвращеніе изъ Расштадта.—Празднества Директоріи. — Г. Талейранъ.—Рѣчь Генерала.—Краснорѣчіе Барраса.—Чувствительность Директоріи.—Праздникъ въ Луврѣ.—Опера, примѣненная къ обстоятельствамъ.—Поэтъ Лебрёнъ.—Непріятели Наполеона.—Вѣжливость съ Правительственными мѣстами.—Просьба о представленіи въ Комической Оперѣ. —Директоръ театра.—Убійство.—Сужденіе Наполеона о Парижѣ.— Отказъ въ торжественномъ представленіи.—Назначеніе членомъ Института.—Письмо къ Президенту Камусу.—Замыслы.—Размышленія.

Самыя пышныя приуготовленія были сдѣланы въ Люксембургѣ для принятія Наполеона. Главный дворъ сихъ палатъ былъ пышно украшенъ. Въ концѣ его, у самаго зданія устроили большой амфитеатръ, на коемъ засѣдали всѣ правительствующія особы: дворѣ наполнился любопытными; при такихъ случаяхъ въ нихъ никогда не бываетъ недостатка. Предъ главнымъ входомъ возвышался алтарь отечества, съ по-

ставленными на оном статуями Свободы, Равенства и Мира. При вступленiи Бонапарте, всѣ стояли съ открытыми головами. Окна были заняты прелестными женщинами. Не смотря на все это великолѣпiе, церемонiя происходила съ ужасною холодностью: всѣ какъ будто другъ за другомъ наблюдали и на всѣхъ лицахъ болѣе было замѣтно любопытства, чѣмъ радости и признательныхъ чувствъ. Должно сказать что несчастное приключенiе увеличило эту всеобщую холодность: правая часть дворца была не занята; въ ней производились большiя перестройки и по этому случаю было поставлено множество подмостокъ, а часовому приказано никого туда непускать. Одному чиновнику Директорiи удалось однакоже какъ то туда пробраться; но едва поставилъ онъ ногу на первую доску, какъ доска перекачнулась и неосторожный полетѣлъ съ высоты на дворъ. Этотъ случай возбудилъ общiй ужасъ: женщинамъ сдѣлалось дурно и большая часть оконъ опустѣла. Нѣкоторые насмѣшники, какихъ вездѣ много, подшучивали на счетъ этого паденiя говоря, что оно предвѣщаетъ тоже и Гг. Директорамъ.

Однакожъ, въ день принятiя Наполеона, Директорiя обнаружила всю Республиканскую пышность, на которую она была столь щедра при празднествахъ; особенно не пощадили для него рѣчей. Г. Талейранъ, Министръ Внѣшнихъ

Сношеній, коему поручено было представить Генерала Директоріи, говорилъ первый слѣдующимъ образомъ:

«Граждане Директоры,

«Имѣю честь представить Исполнительной Директоріи Гражданина Бонапарте, привезшаго ратификацію мирнаго договора, заключеннаго съ Императоромъ.

«Доставляя намъ сей вѣрный залогъ мира, онъ невольно напоминаетъ безчисленныя чудеса, произведшія сіе великое событіе; но да будетъ онъ спокоенъ: я умолчу нынѣ обо всемъ, что содѣлается честью исторіи и удивленіемъ потомства; я даже прибавлю дабы удовлетворить его нетерпѣливому желанію, что сія слава, озаряющая Францію столь великимъ блескомъ, принадлежитъ Революціи. Безъ нея, дѣйствительно, завоеватель Италіи пользовался бы однѣми только простонародными почестями. Она принадлежитъ Правительству, которое, происшедъ подобно ему отъ сего великаго переворота, ознаменовавшаго конецъ восемнадцатаго вѣка, умѣло отгадать Бонапарте и облечь его своею полною довѣренностью. Она принадлежитъ тѣмъ храбрымъ воинамъ, изъ коихъ свобода сдѣлала непобѣдимыхъ героевъ. Она принадлежитъ наконецъ всѣмъ Французамъ, достойнымъ сего имени: ибо нѣтъ сомнѣнія что также для пріобрѣтенія ихъ любви и ихъ великодушнаго уваженія, онъ ощущалъ

желанiе побѣдить; и радостные клики патрiотовъ дѣлались поруками новой побѣды. Такимъ образомъ всѣ Французы побѣдили въ Наполеонѣ; такимъ образомъ слава его есть общее достоянiе; такимъ образомъ, нѣтъ Республиканца, который не могъ бы требовать своей доли оной.

«Правда что ему должно предоставить этотъ взглядъ, похищавшiй все у случая, и эту предусмотрительность, дѣлавшую его властелиномъ будущаго, и это мгновенное вдохновенiе, которое ниспровергало неожиданными способами самыя ученыя соображенiя непрiятеля, и это искуство въ одну минуту оживлять колеблющуюся храбрость, нетеряя нисколько своего хладнокровiя; и эти черты высокой отваги, которая заставляла насъ трепетать о его жизни чрезъ долгое время послѣ того какъ онъ одержалъ уже побѣду; и это столь новое геройство, которое неоднократно побуждало его обуздывать побѣду въ то время, какъ она обѣщала ему прекраснѣйшiя, торжественныя свои пальмы. Все это конечно принадлежало ему; но и это было дѣломъ неутолимой любви къ отчизнѣ и къ человѣчеству; и это всегда открытая сокровищница, которую великiе подвиги, нимало не истощая, съ каждымъ днемъ болѣе наполняютъ, и изъ которой каждый будетъ всегда въ состоянiи извлекать сокровища добродѣтели, истиннаго величiя и великодушiя.

«Замѣтять, и можетъ быть съ нѣкоторымъ удивленіемъ, усилія мои въ эту минуту объяснить и какъ будто бы уменьшить славу Наполеона; онъ тѣмъ не оскорбится. Сказать ли? Я было страшился для него недовѣрчиваго безпокойства, которое въ раждающейся Республикѣ боится всего имѣющаго какой либо видъ посягательства на равенство; но я ошибался: личное величіе не только не вредитъ равенству, но есть прекраснѣйшее торжество онаго, и въ самый день сей, Французскіе Республиканцы должны всѣ чувствовать себя болѣе великими.

«И когда я представляю себѣ все что онъ дѣлаетъ для того, чтобы заставлять простить себѣ эту славу, эту древнюю склонность къ простотѣ, его отличающую; любовь его къ отвлеченнымъ наукамъ, его любимое чтеніе превосходнаго *Оссіана*, который кажется отдѣляетъ его отъ земли, тогда какъ всѣмъ извѣстно глубокое его презрѣніе къ блеску, къ роскоши и къ великолѣпію, этимъ презрительнымъ чувствамъ обыкновенныхъ душъ;—ахъ! не только не страшась того, что иной бы назвалъ его честолюбіемъ, я чувствую что намъ можетъ быть придется нѣкогда умолять его, дабы исторгнуть его отъ сладостей его прилѣжнаго уединенія. Вся Франція будетъ свободна: можетъ статься одинъ только онъ не воспользуется свободою: такова судьба его.

«Въ эту минуту, новый врагъ его призываетъ; онъ извѣстенъ своею глубокою ненавистью къ Французамъ и наглымъ своимъ владычествомъ надъ всѣми народами земнаго шара: пусть генiй Наполеона уничтожитъ то и другое и да предпишется наконецъ этимъ морскимъ тиранамъ —миръ, достойный всей славы Республики; да отмститъ онъ за Францiю и да обеспечитъ спокойствiе цѣлаго свѣта.

«Но, увлекаемый удовольствiемъ говорить о васъ, Генералъ, я слишкомъ поздно замѣчаю, что многочисленная публика, васъ окружающая, нетерпѣливо желаетъ васъ слышать; и вы также должны упрекнуть меня въ томъ, что я лишаю васъ удовольствiя слышать того, который имѣетъ право обратиться къ вамъ отъ имени цѣлой Францiи и удовольствiе говорить съ вами отъ имени давней дружбы.»

Послѣ этой рѣчи, выслушанной съ нѣкоторымъ нетерпѣнiемъ, ибо всѣ жаждали услыхать самого Бонапарте,—побѣдитель Италiи всталъ и со скромнымъ видомъ, но твердымъ голосомъ произнесъ слѣдующiя слова:

«Граждане Директоры,

«Французскому народу, для прiобрѣтенiя свободы предстояла война;

«Для полученiя Конституцiи, основанной на «разсудкѣ, ему слѣдовало побѣдить восемнадцать «вѣковъ предубѣжденiй;

«Конституція III года и вы, восторжествовали «надъ всѣми этими препонами;

«Вѣра, феодальныя права и Королевская власть «въ продолженіе двадцати вѣковъ, попеременно управляли Франціею; но миръ, вами заключенный будетъ эрою представительныхъ Правительствъ.

«Вы успѣли образовать великую Націю, коей «земли ограничены единственно потому что сама «Природа положила предѣлы онымъ;

«Вы сдѣлали болѣе;

«Двѣ прекраснѣйшія страны Европы, нѣкогда «столь знаменитыя науками, искуствами и ве«ликими людьми, коихъ онѣ были колыбелью «—видятъ съ наивеличайшими надеждами геній «свободы, излетающій изъ гробницъ ихъ пред«ковъ;

«Это два подножія, на коихъ Судьба поста«витъ двѣ могущественныя Державы.

«Имѣю честь представить вамъ договоръ, под«писанный въ Кампо-Форміо и утвержденный «Его Величествомъ Императоромъ.

«Когда благоденствіе Французскаго народа «учредится на лучшихъ органическихъ зако«нахъ, тогда вся Европа будетъ свободна.»

Баррасъ, бывшій тогда Президентомъ Директоріи, отвѣтствовалъ Генералу съ утомившимъ всѣхъ многословіемъ. Одни только первыя

слова его длинной рѣчи были замѣчательны; вотъ они:

«Гражданинъ Генералъ,

«Природа, скупая на чудеса, лишь изрѣдка «даруетъ землѣ великихъ людей; но она ревно«вала ознаменовать зарю свободы однимъ изъ «сихъ феноменовъ; и великая революція Фран«цузскаго народа, новая въ исторіи міра, дол«женствовала представить новаго генія въ исто«ріи знаменитыхъ людей. Прежде всѣхъ, Граж«данинъ Генералъ, вы сбросили съ себя иго «подобія прочимъ и тою же дланью, коею низ«ложили враговъ Республики, вы устранили со«перниковъ, представляемыхъ вамъ древностью.»

Окончивъ рѣчь свою, Баррасъ бросился въ объятія Генерала, который вовсе не любилъ такихъ выходокъ и далъ ему, такъ называемое тогда братское лобызаніе. Прочіе члены Директоріи, слѣдуя примѣру Президента, окружили Бонапарте, начали сжимать его въ своихъ объятіяхъ и каждый старался какъ можно лучше сыграть свою ролю въ этой чувствительной комедіи.

Шенье сочинилъ для праздника Директоріи гимнъ, который Мегюль положилъ на музыку. Черезъ нѣсколько дней дали въ Оперѣ примѣненную къ обстоятельствамъ піесу подъ названіемъ: *Паденіе Карѳагена*, заключавшую въ себѣ преждевременные намеки подвиговъ, коихъ

ожидали отъ побѣдителя Италіи, недавно назначеннаго вождемъ Англійской арміи. Стихотворцы наперерывъ старались воспѣть его; и Лебрёнъ, не имѣвшій большаго лирическаго дара, сочинилъ слѣдующее, не важное двоестишіе:

Heros cher à la paix, aux arts, à la victoire,
Il conquit en deux ans mille siècles de gloire (*).

Два Совѣта не захотѣли отстать отъ Директоріи; черезъ нѣсколько дней они также дали Генералу праздникъ въ Луврской галереѣ, вновь обогащенной сокровищами живописи, завоеванными въ Италіи.

Всѣ эти праздники были мукою для Бонапарте; онъ считалъ ихъ одною изъ невыгодъ своего положенія зная, что подпавъ неудачѣ, онъ скоро освободится отъ этого бича. Онъ говорилъ что обязанъ только любопытству и новизнѣ за всѣ эти всенародныя ласкательства, которыя могутъ быть примѣнены ко всякому, перемѣнивъ только число, званіе и имя. Даже послѣднему посланнику Африканскаго пирата въ эти послѣднія времена расточали самыя нелѣпыя, самыя странныя рѣчи и выбивали для него медали, долженствовавшія увѣковѣчить высокую честь, сдѣланную намъ Махмудомъ Тунисскимъ.

(*) Герой, драгоцѣнный миру, искуствамъ и побѣдѣ,
Онъ въ два года завоевалъ тысячу вѣковъ славы.

Однакожъ, съ самаго прибытія своего въ Парижъ, Бонапарте показывалъ большую скромность во всѣхъ дѣлахъ своей жизни; такъ напримѣръ, при посланной къ нему отъ Начальниковъ Сенскаго Департамента депутаціи для узнанія въ какой день и часъ его можно застать дома—онъ самъ отнесъ имъ отвѣтъ, въ сопровожденіи Генерала Бертье. Замѣтили также, что когда Мирный Судья того округа, въ коемъ жилъ Генералъ, явился къ нему вечеромъ въ самый день его пріѣзда, 6 Декабря, то онъ на другой же день отплатилъ ему за сіе своимъ посѣщеніемъ. Эта внимательность, повидимому ничтожная, имѣла вліяніе на умы Парижскихъ жителей.

Побѣды Генерала Бонапарте, заключенный имъ миръ и сдѣланный ему блистательный пріемъ, заставили нѣсколько забыть Вандеміеръ. Всѣ жаждали увидѣть юнаго героя, коего поприще начиналось съ такимъ блескомъ. Онъ жилъ очень уединенно, но часто бывалъ въ Театрѣ. Однажды поручилъ онъ мнѣ съѣздить попросить отъ его имени чтобы дали двѣ изъ прекраснѣйшихъ піесъ того времени, въ которыхъ играли Елевіу, Г-жи Сент-Обень, Филлисъ и другіе отличные актеры. Онъ желалъ сего представленія въ такомъ только случаѣ, если это *возможно*. Директоръ отвѣчалъ мнѣ что нѣтъ ничего *невозможнаго* для желаній побѣ-

дителя Италіи, который давно исключилъ изъ Словаря это слово. Бонапарте очень смѣялся надъ этою вѣжливостью Директора. Поелику по расчетамъ его и по правиламъ, онъ желалъ какъ можно менѣе показываться, то онъ по обыкновенію сѣлъ въ самомъ заду ложи, за женою, посадивъ меня рядомъ съ нею. Партеръ и ложи вскорѣ узнали что онъ находится въ Театрѣ и начали громогласно его требовать. Это сильное желаніе увидѣть его, неоднократно обнаруживалось, но все было тщетно: онъ не показался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ находился въ Театрѣ Художествъ на второмъ представленіи Горація Коклеса и хоть онъ сѣлъ въ заду ложи втораго яруса, но скоро провѣдали что онъ въ залѣ: онъ тотчасъ былъ привѣтствованъ всеобщими кликами; но онъ по возможности скрывался и сказалъ человѣку, находившемуся въ сосѣдней съ нимъ ложѣ: «Еслибъ я зналъ, что ложи такъ открыты, то я бы сюда не пріѣхалъ.»

Въ продолженіе пребыванія Бонапарте въ Парижѣ, одна женщина прислала предупредить его что хотятъ посягнуть на жизнь его и что для этого будетъ употребленъ ядъ. Бонапарте велѣлъ задержать принесшаго это извѣстіе, который повелъ мирнаго судью къ женщинѣ, сообщившей ему оное. Ее нашли распростертою

на полу и обагренною кровью. Люди, коихъ она подслушала и открыла разговоръ, привели ее въ это ужасное положенie. На исцарапанной, изрѣзанной ея шеѣ видны были слѣды ихъ лютой мести, послѣ чего убiйцы закололи ее нѣсколькими ударами остраго оружiя.

Бонапарте жилъ въ небольшомъ своемъ домикѣ подъ No. 6 въ Шантеренской улицѣ, которая въ ночи съ 10 на 11 Нивоза по Департаментскому указу получила названie улицы Побѣды. Клики: *да здравствуетъ Бонапарте* и фимiамъ, ему возжигаемый не перемѣняли его положенiя. Бывъ завоевателемъ и владыкою Италiи, а теперь сдѣлавшись подданнымъ людей, нисколько не уважаемыхъ, и видѣвшихъ въ немъ соперника, онъ говорилъ мнѣ: «*Въ Парижѣ ничего не помнятъ. Если я долго останусь безъ дѣла, то погибну. Въ этомъ обширномъ Вавилонѣ одна слава замѣщаетъ другую; если меня раза три увидятъ въ Театрѣ то больше и смотрѣть на меня не будутъ: а потому я рѣдко буду туда ѣздить.*» Когда онъ бывалъ тамъ, то всегда въ ложѣ съ рѣшеткою. Оперное Управленie предложило дать для него торжественный спектакль; но онъ отказался. Когдаже я замѣчалъ ему, что для него должно быть прiятно видѣть своихъ согражданъ такимъ образомъ толпами предъ нимъ сбиравшихся: *Вотъ еще! народъ съ такимъ же лю-*

бопытствомъ тотился бы предо мною, еслибъ меня вели на эшафотъ.

Бонапарте былъ сдѣланъ 28 Декабря Членомъ Института по отдѣленію наукъ и искуствъ. Онъ показалъ себя очень чувствительнымъ къ этому торжественному выбору ученымъ сословіемъ и написалъ слѣдующее письмо къ Камусу, бывшему тогда Президентомъ отдѣленія наукъ и искуствъ:

«Гражданинъ Президентъ,

«Я высоко цѣню честь, сдѣланную мнѣ отличными мужами, Институтъ составляющими;

«Очень чувствую что прежде чѣмъ сравняюсь съ ними, я долго буду ихъ ученикомъ.

«Еслибъ можно было болѣе выразительнымъ образомъ засвидѣтельствовать имъ мое уваженіе, то я бы это исполнилъ.

«Истинныя побѣды, единственныя, не оставляющія по себѣ никакого огорченія, суть тѣ, «которыя одерживаются надъ невѣжествомъ.

«Занятіе, самое почетное, равно какъ самое «полезное для народовъ, состоитъ въ содѣйствіи «къ распространенію человѣческихъ познаній.

«Истинное могущество Французской Республики долженствуетъ впредь состоять въ недозволеніи, чтобы существовала какая либо «новая мысль, не ей принадлежащая.

БОНАПАРТЕ.

Онъ возобновилъ, но безуспѣшно, сдѣланную

имъ до 18 Фруктидора попытку получить исключеніе на счетъ лѣтъ своихъ для того чтобы сдѣлаться Директоромъ; видя что нельзя ожидать удачи, онъ сказалъ мнѣ 29 Генваря 1798 года:—*Буріеннъ, я не хочу здѣсь оставаться, мнѣ тутъ нечего дѣлать. Они ничему не внимаютъ. Вижу что если я останусь, то меня скоро погубятъ. Все здѣсь проходитъ и у меня ужъ нѣтъ славы; эта маленькая Европа не довольно оной доставляетъ. Надобно ѣхать на Востокъ: вся великія славы оттуда проистекаютъ. Однакожъ мнѣ хочется прежде объѣхать берега, дабы лично удостовѣриться въ томъ что можно предпринять. Я возьму съ собою тебя, Ланна и Сулковскаго. Если успѣхъ высадки въ Англію покажется мнѣ сомнительнымъ, какъ я сего опасаюсь, то Англійская армія сдѣлается Восточною и я поѣду въ Египетъ.*

Этотъ разговоръ, подобно какъ многіе другіе, даетъ настоящее понятіе о его характерѣ. Онъ всегда считалъ войну и завоеванія самыми благородными и самыми неистощимыми источниками его славы.

Славу сію онъ любилъ страстно: его ужасала мысль что она можетъ увянуть посреди Парижскаго бездѣйствія между тѣмъ какъ новыя пальмы росли для нея въ далекихъ странахъ. Воображеніе заранѣе чертило имя его на сихъ

исполинскихъ памятникахъ, единственныхъ можетъ быть изъ всѣхъ твореній человѣческихъ, которыя имѣютъ свойство вѣчности. Уже провозглашенный знаменитѣйшимъ изъ современныхъ полководцевъ, онъ искалъ въ древнихъ временахъ именъ соперниковъ, которыя можно было бы изгладить своимъ. Если Цесарь далъ пятьдесятъ сраженій, то онъ хочетъ дать сто; если Александръ отправился изъ Македоніи къ храму Аммона, то онъ хочетъ отправиться изъ Парижа къ порогамъ Нила. Между тѣмъ какъ онъ будетъ такимъ образомъ распространять о себѣ славу,—обстоятельства во Франціи, долженствовали по его мнѣнію принять такой оборотъ чтобы возвращеніе его сдѣлалось необходимымъ и благопріятнымъ; мѣсто его будетъ готово и онъ явится требовать онаго не такъ какъ человѣкъ забытый или неизвѣстный.

++

ГЛАВА III.

Отъѣздъ Наполеона изъ Парижа. — Ложное извѣстіе въ Монитёрѣ. — Сѣверные города. — Замѣчанія Бонапарте. — Возвращеніе въ Парижъ. — Замыслы касательно Египта. — Г. Талейранъ. — Пуссіельгъ. — Генералъ Дезе. — Предпріятіе противъ Мальты. — Недоумѣніе Директоріи. — Прилѣжность Бонапарте къ работѣ. — Бернская казна.

Бонапарте отправился на сѣверъ 10 Февраля 1798 года, но онъ не получилъ *приказанія* туда ѣхать, какъ я вездѣ читалъ, *для сдѣланія распоряженій касательно высадки въ Англію*; онъ во все этимъ не занимался: восьми дней было бы недостаточно. Путешествіе его къ морскимъ берегамъ было сдѣлано только для быстраго обзора: онъ не пробылъ въ отсутствіи нѣсколько недѣль. Поѣздка продолжалась восемь дней: насъ было четверо въ его каретѣ, онъ, Ланнъ, Сулковскій и я. Мустанъ былъ нашимъ курьеромъ. Бонапарте не мало удивился, прочи-

тавъ въ Монитёрѣ 10 Февраля статью, придающую небольшой его поѣздкѣ важность, которой она не имѣла. Вотъ что говорилъ Монитёръ

«Генералъ Бонапарте отправился въ Дюнкирхенъ съ нѣсколькими Инженерными и Морскими Офицерами. Они осмотрятъ берега и сдѣлаютъ предварительныя распоряженія для высадки: можно замѣтить, что онъ не возвратится въ Расштадтъ и что Конгрессъ приближается къ концу.

«Какъ бы ни поступили Государи Европы, а мы ихъ опередимъ. Всѣ крѣпости лѣваго берега Рейна будутъ въ нашей власти и тогда пусть кто хочетъ на насъ нападаетъ.»

Читатели видѣли выше истину.

Бонапарте посѣтилъ Етапль, Амбльтёзъ, Булонь, Кале, Дюнкирхенъ, Фурнъ, Невпортъ, Остенде и Островъ Вальхеренъ. Онъ собралъ въ этихъ портахъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія съ тѣмъ терпѣніемъ, съ тѣмъ присутствіемъ духа, со знаніемъ, сметливостью и прозорливостью, коими онъ въ столь высокой степени обладалъ. Онъ слушалъ до полуночи матросовъ, корабельщиковъ, контрбандистовъ и рыбаковъ. Онъ дѣлалъ возраженія и внимательно слушалъ ихъ отвѣты (*).

(*) Съ чего взялъ Шотландскій писатель, будто бы *съ дѣятельностью приготовлялись ко вторженію* и будто бы сдѣланы были *огромныя приуготовленія?* Все ограничилось

Мы возвратились въ Парижъ чрезъ Антверпенъ, Брюссель, Лиль и Сенъ-Кантенъ.

Цѣль нашего путешествiя была достигнута по прiѣздѣ нашемъ въ первый изъ сихъ городовъ. *Скажите, Генералъ*, спросилъ я у него, *что вы думаете о вашей поѣздкѣ? Что касается до меня, то признаюсь вамъ что я не нашелъ большихъ способовъ и большихъ надеждъ во всемъ, что я видѣлъ и слышалъ.* Бонапарте отвѣчалъ мнѣ съ нѣкоторою живостью, сдѣлавъ отрицательное движенiе головою: *Это слишкомъ опасная попытка, я не пущусь на нея. Не хочу такимъ образомъ играть судьбою прекрасной Францiи.* Это былъ единственный отвѣтъ его. Я увидѣлъ себя въ Каирѣ.

Возвратясь въ Парижъ, Бонапарте немедленно занялся въ военномъ и ученомъ отношенiи, устройствомъ Экспедицiи, которую онъ хотѣлъ отправить на берега Нила и о которой столь много обнародовано несправедливостей. Она давно уже занимала его воображенiе. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно для доказательства сего.

Онъ писалъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1797 года,

одною перепискою, разговорами и собранными свѣдѣнiями. Никогда не существовало, хоть это и часто повторяли, *настоящаго* намѣренiя ни со стороны его, ни со стороны Директорiи для сего вторженiя. Вальтеръ-Скотту нужно было увеличить тутъ опасность для того чтобы оправдать существенный страхъ волновавшiй Англiю въ эту эпоху.

что *недалеко время когда мы почувствуемъ, что для настоящаго истребленія Англіи надобно овладѣть Египтомъ.* Онъ писалъ въ томъ же мѣсяцѣ Г. Талейрану, замѣстившему Карла Лакруа по Внѣшнимъ Сношеніямъ, *что должно овладѣть Египтомъ, который не принадлежитъ Султану.* Этотъ искусный Министръ отвѣтствовалъ ему, *что мысли его о Египтѣ велики и что польза оныхъ вскорѣ будетъ ощущена;* что онъ будетъ писать ему *пространнѣе* объ этомъ предметѣ.

Исторія будетъ говорить о Г. Талейранѣ столько же добра, сколько современники говорили объ немъ худаго. Когда на длинномъ, трудномъ поприщѣ, государственный человѣкъ пріобрѣлъ и сохранилъ множество вѣрныхъ друзей и вооружилъ противъ себя лишь малое число непріятелей, то должно признать въ немъ умное, умѣренное поведеніе, почетный характеръ и глубокое искуство. Невозможно коротко узнать Г. Талейрана не сдѣлавшись ему преданнымъ! Всѣ тѣ, которые имѣли эту выгоду, безъ сомнѣнія одинаково со мною думаютъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, Бонапарте послалъ Пуссіельга подъ предлогомъ *осмотра Левантскихъ пристаней* для того чтобы окончательно распорядиться на счетъ замысла, который имѣли противъ Мальты.

Генаралъ Дезе, коему Бонапарте по довѣрчивой своей дружбѣ сообщилъ свои намѣренія при свиданіи ихъ въ Италіи, послѣ предварительныхъ Леобенскихъ условій, писалъ ему изъ Аффенбурга по возвращеніи своемъ въ Германію, *что онъ съ большимъ участіемъ видитъ этотъ Корфусскій флотъ. Если онъ когда либо будетъ употребленъ на великія предпріятія, о которыхъ вы говорите, то прошу васъ не забыть меня.* Бонапарте вовсе не имѣлъ въ мысляхъ его забывать.

Директорія сначала охуждала военную экспедицію противъ Мальты, о которой сообщалъ ей Бонапарте до подписанія Кампо-Формійскаго договора. Эту экспедицію объявляли для насъ невозможною. Поелику Мальта строго соблюдала нейтралитетъ и даже неоднократно спасала наши корабли и мореходцевъ, то мы не имѣли никакого предлога начинать съ нею войну; говорили что конечно Законодательный Корпусъ неблагопріятнымъ окомъ увидитъ враждебныя дѣйствія противъ сего острова. Это мнѣніе, не долго существовавшее, очень не понравилось Наполеону. Это была одна изъ причинъ, по которымъ онъ дурно принялъ Баррасова Секретаря Боттота, въ началѣ Октября 1797 года. Онъ сказалъ ему въ жаркомъ разговорѣ пожавъ плечами; *Но, Боже мой, Мальта вѣдь продается!* Ему отвѣчали черезъ нѣсколько времени:

Мальта продается, пріобрѣтеніе ея дорого цѣнять; не пропустите его. Наконецъ, Г. Талейранъ, тогдашній Министръ Внѣшнихъ Сношеній, написалъ ему въ послѣднихъ числахъ Сентября 1797 года, что Директорія уполномочиваетъ его давать приказанія Адмиралу Брюесу на счетъ обеспеченія себѣ Мальты. Онъ послалъ ему письма для сего острова, ибо Наполеонъ говорилъ, что *тамъ необходимо приготовить мнѣніе.*

Бонапарте трудился день и ночь надъ исполненіемъ своего плана. Я никогда не видалъ въ немъ столько дѣятельности. Онъ устроилъ все тамъ, гдѣ ничего не было. Онъ зналъ почти всѣхъ Генераловъ и ихъ личныя способности. Ему извѣстна была сила всѣхъ отрядовъ арміи. Приказы и наставленія слѣдовали съ необычайною быстротою. Если ему надобенъ былъ указъ Директоріи, то онъ летѣлъ въ Тюлієри дабы поднести его для подписанія одному изъ Директоровъ. Это почти всегда дѣлалъ Мерленъ де Дуе, какъ наиболѣе работящій, наиболѣе прилѣжный и наиболѣе исправный при своемъ мѣстѣ. Лагардъ, Генералъ-Секретарь не скрѣплялъ ничего, касавшагося до этой экспедиціи; ибо Наполеонъ не хотѣлъ чтобы онъ объ ней зналъ; Бонапарте приказалъ перевезть въ Тулонъ взятую въ Бернѣ казну, которую Директорія ему предоставила. Въ ней заключалось нѣсколь-

ко болѣе трехъ миліоновъ франковъ. Въ эти времена безпорядковъ и разстройства, финансы были очень дурно управляемы; доходы забирались впередъ и ихъ такъ расхватывали, что никогда въ казнѣ не находилось столь значительной суммы.

++

ГЛАВА IV.

Истина о замыслѣ Египетскаго похода. — Виды Наполеона касательно Востока. — Европа слишкомъ мала. — Разговоры съ Монжемъ. — Ничтожность Директоріи.— Дѣятельность Генерала.— Женидьба Мармонта и Ла Валетта.— Проэктъ учрежденія колоній. — Походная библіотека. — Орооградическія ошибки.—Закупка вина.—Досада на Директорію.—Отъѣздъ изъ Парижа. — Прибытіе въ Тулонъ. — Осужденіе одного старика. — Бонапарте спасаетъ ему жизнь.—Симонъ.

И такъ было рѣшено, чтобы Бонапарте отправился на Востокъ попытать счастія въ Экспедиціи необычайной для новѣйшей Европы. Сознаюсь что двѣ вещи поддерживали меня въ это, чрезвычайно тягостное время: дружба и удивленіе, питаемое мною къ талантамъ побѣдителя Италіи равно какъ лестная надежда побывать въ этихъ древнихъ странахъ, о коихъ историческіе и духовные разсказы занимали мою молодость.

Что сказать, послѣ вышенаписаннаго о *по-*

четной ссылкѣ или объ остращизмѣ, на который Директорія будто бы хотѣла осудить Бонапарте? Это мнѣніе подтверждалось во многихъ сочиненіяхъ, изданныхъ въ разныхъ земляхъ и ему вѣрили очень умные люди. Такойли Бонапарте былъ человѣкъ чтобы его можно было отправить въ ссылку? Правда что предположеніе учредить колоніи въ Египтѣ, этой древней и плодоносной странѣ—было не ново, и говорить что Бонапарте изобрѣлъ оное было бы глупостью и низкою лестью; но съ тѣхъ поръ какъ послѣдовательныя Правительства оставили проэктъ сей, предложенный Лудовику XV Герцогомъ Шуазелемъ, онъ дремалъ, подобно столькимъ другимъ, въ пыли картоновъ. Мысль возобновить его принадлежитъ вполнѣ Наполеону.

Въ Пассеріано, видя приближающійся конецъ подвиговъ своихъ въ Европѣ, онъ не шутя обратилъ свои взоры на Востокъ. На продолжительныхъ своихъ вечернихъ прогулкахъ въ Пассеріано, въ великолѣпномъ паркѣ, онъ любилъ воспоминать всѣ достопамятности странъ сихъ, говорить о столькихъ знаменитыхъ государствахъ, которыя исчезли ниспровергая другъ друга но о коихъ воспоминаніе живетъ еще въ памяти людей. *Европа кротовал нора*, говаривалъ онъ; *великія Державы и великіе перевороты существовали только на Востокѣ, гдѣ обитаютъ шесть сотъ миліоновъ человѣкъ!* Онъ

находилъ тамъ колыбель всѣхъ вѣръ, всѣхъ метафизическихъ сумазбродствъ. Предметъ сей былъ столькоже занимателенъ, какъ и неистощимъ; а потому онъ всякой день заводилъ объ немъ рѣчь со своими приближенными Генералами, съ Адъютантами и со мною. Монжъ почти всегда участвовалъ въ разговорахъ. Этотъ ученый мужъ, имѣя пламенный умъ и сердце, сходствовалъ въ понятіяхъ съ Главнокомандующимъ и живостью ума своего еще болѣе воспламенялъ живое воображеніе Наполеона. Всѣ приставали къ тому же мнѣнію. А потому повторяю, что Директорія нимало не участвовала въ возобновленіи проэкта сего достопамятнаго предпріятія, коего однакоже развязка не соотвѣтствовала, ни великимъ видамъ, его устроившимъ, ни смѣлости плана. При другомъ Правительствѣ, успѣхъ былъ бы вѣренъ.

Директорія, на счетъ ея личнаго распоряженія, столько же была чужда отъѣзда Генерала Бонапарте, какъ и его возвращенія, чѣму доказательства будутъ въ свое время представлены. Она была только исполнительницею воли Наполеона; Директорія вносила ее въ указы, когда формы управленія того требовали. Ему стольже мало предписали завоеваніе Египта, какъ и начертали планъ исполненія. Онъ устроилъ Восточную армію, досталъ денегъ, назначилъ начальниковъ, собралъ корабли, фрегаты и суда для перевоза.

Онъ возъимѣлъ счастливую и благородную мысль присоединить къ экспедиціи людей, отличныхъ въ наукахъ и въ искуствахъ, и коихъ общіе труды сдѣлали извѣстнымъ настоящее и прежнее положеніе страны сей, коей имя никогда не произносилось не возбуждая великихъ воспоминаній. Что осталось бы отъ этой экспедиціи безъ сего послѣдствія, несоразмѣрнаго однакоже съ тѣмъ, чего стоило пріобрѣтеніе онаго. Бонапарте избралъ людей, долженствовавшихъ привезти въ эту землю, поверженную вновь временемъ въ невѣжество и варварство, —сокровища просвѣщенія и промышленности которыя одни только могутъ смягчить въ этомъ мірѣ печальный жребій людей.

Повелѣнія Наполеона пролетали съ быстротою молніи по чертѣ отъ Тулона до Чивита-Векхіи. Онъ съ удивительною точностью назначилъ сборныя мѣста, однимъ передъ Мальтою а другимъ передъ Александріею. Всѣ эти повелѣнія были диктованы имъ мнѣ въ его кабинетѣ. Онъ торопилъ экспедицію, а не Директорія, какъ это часто говорили. Она вполнѣ содѣйствовала Наполеону, ибо страшась его знаменитости и славы, Директорія съ удовольствіемъ видѣла его удаленіе и ни въ чемъ ему не отказывала; но не должно приписывать эту покорность желанію видѣть увеличеніе его славы или любви къ отечеству. Слава его напро-

тивъ того ихъ ослѣпляла. Объ немъ столько говорили, что объ нихъ уже болѣе не упоминали; Директорамъ извѣстны были строгія его порицанія, суровость его презрительныхъ рѣчей, владычество, которое онъ старался прiять надъ ними; и они угадывали его честолюбивую будущность, которую онъ не всегда скрывалъ отъ всѣхъ глазъ.

Скажемъ однимъ словомъ: возобновленіе плана, соображенія—все принадлежитъ Наполеону. Онъ одинъ въ то время, могъ осмѣлиться пуститься на это огромное предпріятіе, которое требовало великихъ военныхъ и политическихъ талантовъ: онъ обладалъ ими въ высшей степени; — оно требовало молодости: ему не было двадцати девяти лѣтъ;—великой воинской славы: на это отвѣтствовали поля Италіи.

Въ томъ положеніи, въ которомъ начала въ эту эпоху находиться Франція относительно Европы съ Кампо-Формійскаго трактата,—Директоріи, вмѣсто того чтобы споспѣшествовать и ускоривать эту экспедицію, слѣдовало бы оной воспротивиться. Для ея личнаго существованія и для Франціи, побѣда на Адижѣ болѣе принесла бы пользы, чѣмъ побѣда на Нилѣ. Судя по видѣнному мною, я думалъ что желаніе и радость видѣть удаляющимся изъ Франціи и пускающимся на опасное предпріятіе молодаго честолюбца, коего побѣды поставили

столь высоко въ общемъ мнѣніи, который затруднялъ ихъ и тревожилъ,—легко превозмогли очевидную опасность лишить себя на неопредѣленное время отличной арміи, и по справедливости знаменитыхъ Генераловъ, столь часто водившихъ ее къ побѣдамъ и закрыли предъ глазами ихъ, болѣе чѣмъ вѣроятную опасность Французскаго флота. Что касается до Бонапарте, —онъ находился въ полномъ убѣжденіи что ему предстоитъ только выборъ между этимъ опаснымъ подвигомъ и погибелью. Египетъ казался ему способнымъ поддержать его славу и возвысить еще болѣе блескъ его имени.

12 Апрѣля 1798 года, онъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ Восточной арміи, въ тотъ же день созданной.

Въ эту то эпоху Мармонтъ женился на дѣвицѣ Перрего а Адъютантъ Ла Валеттъ на дѣвицѣ Богарне (*).

Незадолго до отъѣзда, спросилъ я у Бонапарте, сколько лѣтъ онъ хочетъ пробыть въ Египтѣ.—«Нѣсколько мѣсяцевъ или шесть лѣтъ: все зависитъ отъ обстоятельствъ. Я заведу въ этой землѣ колоніи; отправлю туда художниковъ, всякаго рода ремесленниковъ, женщинъ,

(*) Вальтеръ-Скоттъ говоритъ будто бы Іозефина, сдѣлавшись Императрицею устроила бракъ своей племянницы съ этимъ Адъютантомъ. Онъ думаетъ что пишетъ Историческій романъ. Мы ниже увидимъ еще тому доказательства.

актеровъ и проч. Мнѣ двадцать девять лѣтъ; тогда будетъ только тридцать пять; это еще не старость; шести лѣтъ мнѣ достаточно, если все пойдетъ успѣшно, для достиженія Индіи. Говори всѣмъ, кто тебя будетъ спрашивать, что ты ѣдешь въ Брестъ; говори это даже роднымъ твоимъ.» Я исполнилъ сіе дабы доказать ему мою скромность и истинную къ нему привязанность.

Бонапарте, желая имѣть небольшую походную библіотеку въ 18 долю, составилъ ей роспись и отдалъ мнѣ для покупки книгъ. Роспись сія, написанная его собственною рукою, покажетъ что онъ предпочиталъ въ наукахъ и въ литературѣ.

ПОХОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1. Науки и искуства.
2. Географія и путешествія.
3. Исторія.
4. Поэзія.
5. Романы.
6. Политика и Мораль.

НАУКИ И ИСКУСТВА.

Міры Фонтенеля	1 *Часть.*
Письма къ одной Нѣмецкой Принцессѣ	2
Курсъ Нормальной-Школы.	6
Руководство къ Артиллеріи	1
Фортификація	3

Искуство фейерверковъ 1

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Географія Берклея 12
Путешествія Кука 3
Французскія путешествія Ла Гарпа . . 24

ИСТОРІЯ.

Плутархъ 12
Тюреннъ 2
Конде 4
Вилларъ 4
Люксембургъ 2
Дюгекленъ 2
Саксъ 3
Записки Маршаловъ Франціи 20
Президентъ Гено 4
Хронологія 2
Марлборугъ 4
Принцъ Евгеній 6
Философическая Исторія Индіи . . . 12
Германіи 2
Карлъ XII 1
Опытъ о нравахъ народовъ 6
Петръ Великій 1
Полибій 6
Юстинъ 2
Арріенъ 3
Тацитъ 2

Тить-Ливій	
Өукидидъ	2
Верто	4
Денина	8
Фридрихъ II	8

ПОЭЗІЯ.

Оссіанъ	1
Тассъ	6
Аріостъ	6
Гомеръ	6
Виргилій	4
Генріада	1
Телемакъ	2
Сады	1
Образцовыя произведенія Французскаго Театра	20
Избранныя легкія Стихотворенія	10
Ла Фонтенъ	

РОМАНЫ.

Вольтеръ	4
Элоиза	4
Вертеръ	1
Мармонтель	4
Англійскіе Романы	40
Ле Сажъ	10
Прево	10

ПОЛИТИКА.

Ветхій Завѣтъ.

Новый Завѣтъ.

Коранъ.

Ведамъ.

Миѳологія.

Монтескіё.

Духъ Законовъ.

Изъ сего видно что онъ помѣстилъ сочиненія о вѣрѣ въ разрядъ политики.

Я уже замѣтилъ что собственноручныя бумаги Наполеона наполнены самыми непостижимыми орѳографическими ошибками; происходитъ ли это отъ того что онъ дурно учился правописанію въ Бріеннѣ; или это слѣдствіе удивительной быстроты его чертить на бумагѣ свои мысли; или должно сіе приписать тому что онъ мало уважалъ эту статью тщательнаго воспитанія? Въ приведенныхъ уже мною его рукописяхъ и въ тѣхъ, которыя ниже будутъ помѣщены, я тщательно исправилъ правописаніе. Родъ *снимка* былъ бы несносенъ съ его сокращеніями и пропусками; но не могу не замѣтить какимъ образомъ, зная такъ хорошо требуемыхъ имъ авторовъ, онъ могъ написать: Ducecling.—Océan. — Чтобы догадаться что это Оссіанъ, ужъ конечно надобно было хорошо знать любимую страсть его къ этому Каледонскому Барду.

Бонапарте закупилъ для себя передъ отъѣздомъ значительное количество Бургонскихъ винъ: нѣкто *Жамъ* изъ Дижона, поставилъ ему оное. Торгъ былъ заключенъ съ большою правотою. При этомъ случаѣ скажу, что мы могли удостовѣриться въ томъ что хорошія, перецѣженныя и крѣпко закупоренныя въ бочкахъ Бургонскія вина, не теряютъ доброты своей отъ переѣзда чрезъ море. Многіе ящики вина сего два раза были перевозимы чрезъ степь Суэцскаго перешейка на верблюдахъ. Мы привезли нѣсколько остатковъ онаго въ Фрежюсъ и оно было столь же хорошо какъ при отъѣздѣ. Жамъ поѣхалъ съ нами въ Египетъ. Объ немъ еще будетъ ниже упомянуто.

Остальное время пребыванія нашего въ Парижѣ не заключаетъ въ себѣ ничего достойнаго быть приведеннымъ, исключая словъ, сказанныхъ мнѣ Наполеономъ за нѣсколько дней до отъѣзда въ Тулонъ. Онъ ѣхалъ со мною въ коляскѣ въ Люксембургъ, везя для подписанія нѣсколько указовъ, ему необходимыхъ. Онъ былъ очень молчаливъ. Проѣзжая по *Анненской* улицѣ, я спросилъ у него безъ всякаго намѣренія, единственно для того чтобы сказать что нибудь и прервать это длинное молчаніе,—все ли онъ еще находится въ твердой рѣшимости оставить Францію? «*Да, я все испыталъ. Они не хотятъ меня.* (Онъ вѣрно разумѣлъ подъ этимъ Дирек-

торское мѣсто). *Ихъ надобно бы низвергнуть и сдѣлаться самому Государемъ; но объ этомъ еще нельзя думать, дворяне никакъ не согласятся: я изъѣздалъ почву; время еще не пришло; я буду одинъ. Этихъ людей надобно еще поморочить.* Я ничего не отвѣчалъ, кромѣ словъ: *Такъ мы поѣдемъ въ Египетъ*, и перемѣнилъ разговоръ.

Происшествie съ Бернадотомъ въ Вѣнѣ замедлило двумя недѣлями отъѣздъ нашъ. Этотъ случай могъ имѣть самыя пагубныя послѣдствiя для судьбы эскадры и флота, котораго Нельсонъ вѣрно бы сталъ ожидать между Мальтою и Сициліею, еслибъ онъ прибылъ туда прежде насъ (*).

Несправедливо сказали будто бы онъ имѣлъ мысль отказаться отъ сего предпріятія въ слѣдствіе случая съ Бернадотомъ въ Вѣнѣ; письмо, написанное имъ къ Брюесу, 28 Апрѣля 1798, доказываетъ противное.

«Нѣкоторыя, происшедшія въ Вѣнѣ смятенія, «сдѣлали необходимымъ присутствіе мое на нѣ-

(*) Не странно ли что, безъ всякаго основанія, Шотландскій писатель говоритъ, будто бы *даже въ самую послѣднюю минуту предъ отправленіемъ, Бонапарте хотѣлъ сложить съ себя начальство надъ этою сомнительною, даже отчаянною экспедиціею подъ предлогомъ того что произошло въ Вѣнѣ.* Это должно причислить къ баснямъ, равно какъ таинственное посѣщеніе Барраса для извѣщенія его о перемѣнѣ назначенія и остракизмъ или почетную ссылку, въ которую Директорія хотѣла отправить Бонапарте.

«нѣсколько дней въ Парижѣ; но это ни чего не «перемѣняетъ относительно экспедиціи. Съ этимъ «же курьеромъ я посылаю войскамъ, находя-«щимся въ Марсели, приказъ сѣсть на суда и «отправиться въ Тулонъ. 30 числа вечеромъ я «пошлю къ вамъ курьера съ повелѣніемъ итти «съ эскадрою и съ конвоемъ въ Генуу, куда я «къ вамъ пріѣду.

«Полагаю, что происшедшее чрезъ этотъ слу-«чай замедленіе доставило вамъ возможность «какъ слѣдуетъ снарядиться.»

Мы выѣхали изъ Прижа 3 Маія 1798 года. За десять дней до отъѣзда Генерала Бонапарте, отправлявшагося для завоеванія Египта и Сиріи, убѣжалъ изъ Тампля плѣнникъ, долженствовавшій въ послѣдствіи столь сильно содѣйствовать его неудачамъ. Побѣгъ, самъ по себѣ столь простой, сдѣлался въ послѣдствіи виною нис-проверженія самыхъ исполинскихъ замысловъ и самыхъ смѣлыхъ соображеній. Бѣгство сіе имѣло большое вліяніе на будущность, поелику ложный приказъ Французскаго Министра Полиціи воспрепятствовалъ революціи Востока. Ищите же послѣ этого важныхъ причинъ важнымъ происшествіямъ.

Мы находились въ Тулонѣ 8 числа; Бонапарте зналъ по движеніямъ Англичанъ, что нельзя терять ни минуты; но противные вѣтры задержали насъ десять дней, которые онъ употре-

билъ на самыя мелочныя подробности по флотской части.

Бонапарте, почти безпрестанно занимаясь своею арміею, сказалъ слѣдующую рѣчь, написанную мною со словъ его:

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ,

«Два года какъ я принялъ надъ вами начальство; въ эту эпоху вы находились въ величайшей нищетѣ, претерпѣвая во всемъ недостатокъ, пожертвовавъ даже часами своими для своего пропитанія; я обѣщалъ прекратить ваши бѣдствія и повелъ васъ въ Италію; тамъ вы получили все; . . . Не сдержалъ ли я предъ вами моего слова?»

На это было отвѣтствовано всеобщимъ крикомъ: *Да!*

«И такъ! узнайте что вы еще не довольно сдѣлали для отечества и что отечество не довольно еще сдѣлало для васъ!

«Я поведу васъ теперь въ такую страну гдѣ, вашими будущими подвигами вы превзойдете тѣ, которымъ свѣтъ теперь удивляется и окажете отечеству услуги, коихъ оно въ правѣ ожидать отъ непобѣдимаго воинства.

«Обѣщаю каждому солдату, что по возвращеніи изъ сего похода онъ будетъ въ состояніи купить себѣ шесть акровъ (десятинъ) земли.

«Вы подвергнетесь новымъ опасностямъ, которыя раздѣлите съ братьями вашими, моряка-

ми. Это оружіе, до сихъ поръ не содѣлалось еще страшнымъ непріятелю; подвиги ихъ не сравнялись еще съ вашими: но храбрость мореходцевъ таковаже какъ ваша: они желаютъ восторжествовать и успѣютъ въ томъ съ вами.»

«Сообщите имъ этотъ непреодолимый духъ, который повсюду дѣлаетъ васъ побѣдоносными; содѣйствуйте ихъ усиліямъ; живите на корабляхъ въ томъ согласіи, которое отличаетъ людей чисто одушевленныхъ и посвятившихъ себя благу одного дѣла: они подобно вамъ пріобрѣли права на народную признательность въ трудномъ морскомъ искуствѣ.

«Пріучитесь къ дѣйствіямъ на судахъ; содѣлайтесь грозою вашихъ непріятелей на сушѣ и на морѣ; подражайте въ этомъ Римскимъ воинамъ, которые умѣли въ тоже время побѣдить Карѳагенъ на полѣ и Карѳагенцевъ на ихъ флотѣ.»

Клики: Да здравствуетъ безсмертная Республика, и воинственные гимны воспослѣдовали за этою рѣчью.

Кто зналъ Госпожу Бонапарте, тому извѣстно, что мало существовало женщинъ столь любезныхъ; Бонапарте любилъ ее страстно и дабы долѣе насладиться пріятностью ея общества, онъ привезъ ее съ собою въ Тулонъ. Могъ ли онъ знать, при этой разлукѣ, когда онъ съ нею увидится и даже увидится ли когда либо? А потому могу увѣрить что прощанье ихъ было

до чрезвычайности трогательно. Оставивъ Тулонъ, Іозефина отправилась къ Пломбіерскимъ водамъ. Я помню что во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, она едва было не погибла отъ одного опаснаго случая. Однажды находилась она со своимъ обществомъ на балконѣ своего дома, какъ вдругъ балконъ обрушился и всѣ бывшіе на немъ упали на улицу; Госпожа Бонапарте довольно сильно ушиблась, но ушибъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій.

По прибытіи въ Тулонъ, Бонапарте узналъ, что законъ, осуждающій на смерть эмигрантовъ, царствуетъ во всей своей ужасной строгости; и что недавно одинъ осмидесятилѣтній старикъ былъ разстрѣлянъ. Вознегодовавъ за такое варварство, онъ съ гнѣвомъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо:

Главная — квартира Тулонъ, 27 Флореаля VI года (16 Мая 1798).

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА.

Военнымъ Коммисіямъ девятой дивизіи, учрежденнымъ въ силу закона 19 Фруктидора.

«Съ величайшимъ огорченіемъ узналъ я, Граждане, что семидесяти и осмидесяти лѣтніе «старцы, бѣдныя женщины, беременныя или «окруженныя малолѣтными дѣтьми, были разстрѣляны по обвиненію въ эмигранствѣ.

«Не ужели витязи свободы сдѣлались палачами?

«Не ужели сострадание, которое они обнаружи-
«вали даже въ битвахъ, умерло въ ихъ сердцахъ?

«Законъ 19 Фруктидора учрежденъ для обще-
«ственнаго блага. Цѣль его состояла въ томъ,
«чтобы разить заговорщиковъ а не бѣдныхъ
«женщинъ и дряхлыхъ стариковъ.

«А посему убѣждаю васъ, Граждане, каждый
«разъ когда законъ представитъ вамъ стариковъ,
«имѣющихъ болѣе шестидесяти лѣтъ или жен-
«щинъ,—объявлять что даже въ бояхъ вы ща-
«дили старцевъ и женъ вашихъ непріятелей.

«Военный, подписывающій приговоръ противъ
«человѣка, которой неспособенъ носить оружіе,
«есть подлецъ.

Подписано *БОНАПАРТЕ.*

Письмо сіе спасло жизнь одному человѣку, находившемуся въ томъ разрядѣ, о которомъ говорилъ Генералъ. Но по слогу этого воззванія, видно уже какое онъ имѣлъ понятіе о своей власти. Онъ взялъ на себя, конечно по самымъ благороднымъ побудительнымъ причинамъ, воспретить исполненіе закона, конечно очень лютаго, но который въ эти времена слабости, безпорядка и безначалія, тѣмъ не менѣе считался закономъ. Покрайней мѣрѣ на этотъ разъ могущество его имени, было благороднымъ образомъ употреблено. Это письмо произвело сильное удовольствіе въ приготовлявшейся къ походу арміи.

Нѣкто Симонъ, выѣхавшiй съ господами своими за границу и боявшiйся чтобы къ нему не примѣнили этого закона, узналъ что я ищу слугу. Пришедъ ко мнѣ, онъ объявилъ мнѣ о своемъ положенiи, понравился мнѣ и я взялъ его къ себѣ. Онъ очень боялся чтобы его не схватили тогда какъ онъ пойдетъ въ гавань для того, чтобы сѣсть на корабль. Генералъ Бонапарте, которому я это сообщилъ и который представилъ блистательное доказательство отвращенiя своего къ этимъ жестокимъ поступкамъ, сказалъ мнѣ съ добротою: «Дай ему мой портфель и пусть онъ находится при тебѣ.» Слова *Бонапарте, Главнокомандующiй Восточною армiею* были крупно написаны золотомъ на зеленомъ сафьянѣ. Этотъ ли портфель спасъ Симона отъ задержанiя, или то что онъ при насъ находился, я не знаю, но онъ свободно прошелъ. Я побранилъ его за то, что онъ съ насмѣшкою издѣвался надъ тѣми людьми, которымъ было поручено задержать его. Онъ очень вѣрно служилъ мнѣ, и даже иногда былъ полезенъ Генералу Бонапарте; въ послѣдствiи увидятъ *очень рѣдкое* доказательство его признательности.

✦✦

ГЛАВА V.

Отправленіе эскадры. — Прибытіе въ Мальту.—Сношенія на этомъ островѣ.—Доломіё.—Генералъ Бараге-д'Иліе. — Нападеніе на западную часть острова. — Изрѣченіе Кафарелли.—Возстановленіе истины.—Освобожденіе Турецкихъ плѣнныхъ.—Ложный путь Англійской эскадры.

Эскадра вступила подъ паруса 19 Маія. *Востокъ*, по огромному грузу своему очень глубоко сидѣвшій, сѣлъ на мель. Его съ трудомъ стащили, но это не причинило никакой бѣды, никакой порчи и никакого значительнаго замедленія. Нѣкоторые люди съ предчувствіями, говорили *до* Абукирской битвы что этотъ неважный случай предвѣщаетъ для экспедиціи несчастіе потому, что Адмиральскій корабль сѣлъ на мель. Другіе, утверждали *послѣ* Абукирскаго сраженія, что *Востокъ* непремѣнно долженъ былъ взлетѣть на воздухъ потому что

за два мѣсяца передъ тѣмъ вступая подъ паруса, онъ сѣлъ на мель. Съ сожалѣніемъ присовокупляю что я много слыхалъ такихъ глупостей даже отъ разсудительныхъ людей.

Мы пришли къ Мальтѣ 10 числа. Ожиданіе нѣскольнихъ транспортовъ задержало насъ дня два; они прибыли въ Мальту.

Сношенія, устроенныя изъ Европы въ продолженіе Кампо-Формійскихъ переговоровъ и послѣ оныхъ, не были до такой степени успѣшны, чтобы вдругъ открыть намъ врата сего знаменитаго острова. Бонапарте очень разсердился на людей, посланныхъ изъ Европы для того чтобы это дѣло устроить; однакожъ одинъ изъ нихъ Г. Доломіё раскаялся въ принятой имъ на себя порученности, за которую Сицилійцы дурно обошлись съ нимъ. Г. Пуссіельгъ сдѣлалъ все что могъ въ этой попыткѣ къ подкупу, но не имѣлъ совершеннаго успѣха. Произошли нѣкоторыя недоразумѣнія, а въ послѣдствіе оныхъ сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Бонапарте былъ очень доволенъ службою Генерала Бараге-д'Иліе въ Италіи. Онъ также съ похвалою отзывался о военномъ и политическомъ его поведеніи въ Венеціи, когда менѣе чѣмъ въ годъ, онъ взялъ ее и занялъ по его приказанію. Генералъ Бараге-д'Иліе присоединился къ намъ со своею дивизіею, которая сѣла на транспорты, вышедшіе

изъ Генуи. Главнокомандущій приказалъ ему сдѣлать высадку и атаковать западную часть острова; онъ исполнилъ это приказаніе съ благоразуміемъ, съ искуствомъ и къ полному удовольствію Наполеона. Поелику для тѣхъ, которые знали существо дѣла, все это было только для вида, то сіи непріязненные приступы не имѣли послѣдствій. Хотѣли только спасти честь Мальтійскихъ кавалеровъ и вотъ все; ибо людямъ, которые видѣли или увидятъ Мальту, покажется непостижимымъ, чтобы островъ, окруженный столь грозными укрѣпленіями и находящійся въ такомъ превосходномъ состояніи, сдался черезъ два дня флоту, который не могъ терять времени, поджидая непріятеля, его преслѣдовавшаго; непріятель сей могъ ежеминутно застичь его въ жалкомъ безпорядкѣ и совершенно его истребить. Неприступная крѣпость Мальта такъ безопасна отъ нечаяннаго на оную нападенія, что Генералъ Кафарелли, внимательно разсмотрѣвъ ея укрѣпленія, сказалъ при мнѣ Главнокомандующему: *Право, Генералъ, мы очень счастливы что въ городѣ нашелся хоть кто нибудь для того чтобы отворить намъ ворота.* И вотъ что писатели назвали *удивительною* побѣдою, *чудомъ!* между тѣмъ какъ это была одна только измѣна (*).

(*) Смотри офиціяльное донесеніе въ концѣ книги. Любопытно сравнить этотъ разсказъ съ истиною.

Сличая столь справедливое изрѣченіе Генерала Кафарелли съ тѣмъ что было сказано о Египетской экспедиціи и о Мальтѣ, можно надлежащимъ образомъ оцѣнить слова Наполеона на островѣ Св. Элены . . . .

Взятіе Мальты произведено не чрезъ какіе либо особенныя сношенія, но чрезъ прозорливость Главнокомандующаго. Въ Мантуѣ взялъ я Мальту. Очень извѣстно что значитъ *Мальта, взятая въ Мантуѣ чрезъ прозорливость;* но тѣмъ не менѣе справедливо что я писалъ со словъ его множество наставленій для этихъ *особенныхъ сношеній.* Развѣ Наполеонъ не сказалъ также на Островѣ Св. Элены другому, благородному спутнику своего изгнанія: *Мальта конечно имѣла огромные физическіе способы сопротивленія, но никакихъ нравственныхъ средствъ. Рыцари не сдѣлали ничего постыднаго: ни отъ кого нельзя требовать невозможнаго.* Такъ, но они предались; успѣхъ взятія Мальты былъ уже обеспеченъ до выхода изъ Тулона. Лучше было взять островъ сей посредствомъ интригъ, чѣмъ чрезъ пролитіе крови. Многіе люди, а въ особенности Бальи де Теньи, достаточно ихъ обнаружили. Англичане, въ послѣдствіи, не смотря на всѣ ихъ усилія, не могли взять Мальту иначе какъ голодомъ.

Главнокомандующій отправился туда гдѣ содержались Турки, взятые въ плѣнъ Рыцарями

вѣры. Отвратительныя галеры были опростаны. Тѣже правила, на коихъ чрезъ нѣсколько времени долженствовали основаться воззванія Наполеона къ Египтянамъ, руководствовали его въ этомъ благоразумномъ и человѣколюбивомъ поступкѣ.

Онъ нѣсколько разъ прогуливался въ садахъ Гросмейстера, прекрасно содержанныхъ и украшенныхъ великолѣпными апельсинными деревьями. Мы съ удовольствіемъ лакомились ихъ фруктами, казавшимися намъ при чрезвычайномъ жарѣ еще болѣе вкусными.

Распорядивъ съ большимъ искуствомъ и дѣятельностью управленіе и защиту острова, Генералъ, 19 Іюня, оставилъ Мальту вовсе не думая, что онъ взялъ ее для Англичанъ, которые очень дурно отплатили ему за эту услугу; многіе Рыцари сего Ордена поѣхали съ нимъ вступивъ въ военную и въ гражданскую службу.

Англійская эскадра, ночью 22 Іюня, почти насъ настигла; она прошла миляхъ въ шести отъ Французскаго флота. Нельсонъ, узнавъ въ Мессинѣ о взятіи Мальты въ тотъ самый день какъ мы оставили этотъ островъ, направилъ путь прямо въ Египетъ къ Александріи не подаваясь къ сѣверу. Онъ считалъ этотъ городъ цѣлью нашего назначенія, а посему избравъ кратчайшій путь, прибавивъ парусовъ для вознагражденія потеряннаго времени и слѣдуя безъ

транспортовъ, безъ препятствій,—онъ пришелъ предъ Александрію 28 Іюня, тремя днями раньше Французскаго флота, который однако же прежде его оставилъ высоты Мальты. Французская эскадра, направила путь свой къ Кандіи; и усмотрѣвъ оную 25 Іюня, поворотила къ югу при попутномъ вѣтрѣ, постоянно дувшемъ въ это время года. Эта различная дорога и этотъ обходъ спасли Французскій флотъ, который прибылъ предъ Александрію только 30 Іюня.

++

ГЛАВА VI.

Изрѣченіе Наполеона.—Разговоры на кораблѣ.—Монжъ и Бертолетъ.—Вопросы Адмиралу Брюесу.—Употребленіе Наполеономъ времени.—Приглашенія къ обѣду.—Вершина Альпъ.—Воспоминаніе и надежда.—Словесныя пренія.—Вѣра.—Сны.—Іосифъ.—Впечатлѣніе, произведенное видомъ Крита.—Миносъ и Юпитеръ.—Музыка и охота.—Человѣколюбіе Наполеона.—Упавшая въ море часть мяса.—Приказъ по арміи.—Строгость и дисциплина.—Дѣятельность Бонапарте.—Воззваніе.—Вѣра Магомета.—Строгое постановленіе.—Несправедливые упреки.—Адмиралъ Брюесъ.—Его образъ мыслей.—Мальта.—Нельсонъ.—Избѣжаніе отъ Англійскаго флота.—Твердость Наполеона.—Опасная высадка.—Дурная погода.—Генералъ Кафарелли.—Бонапарте и судьба его.—Взятіе Александріи въ одно утро.—Клеберъ раненъ.—Начало моей связи съ Клеберомъ.—Вступленіе Бонапарте въ Александрію.—Горе одного солдата.—Дезе.

Бонапарте, выходя однажды изъ школы, имъ посѣщенной и гдѣ онъ дѣлалъ нѣкоторымъ ученикамъ вопросы, сказалъ имъ: *Молодые люди, каждый потерянный часъ готовитъ несчастіе въ будущемъ!* Это достопримѣчательное изрѣче-

ніе было правиломъ его поведенія ибо можетъ быть никто лучше его не постигалъ цѣну времени; а посему можно сказать что даже и самые часы отдыха были у него работою. Я видѣлъ тому доказательства особенно во время нашего переѣзда. Если дѣятельность ума его не находила достаточнаго занятія предметами положительными, то онъ замѣнялъ сіе, или давая свободу своему воображенію, или слушая разговоры принадлежащихъ къ экспедиціи свѣдущихъ людей; ибо Бонапарте умѣлъ слушать и онъ можетъ статься былъ единственный человѣкъ, котораго скука никогда не одолѣвала. Страстно любя славу Франціи, и свою собственную, онъ однакоже оставлялъ въ дѣятельной душѣ своей большое мѣсто для Іозефины, которую онъ тогда обожалъ и о которой почти всегда со мною толковалъ въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ.

Находясь на Востокѣ, онъ часто любилъ разговаривать съ Монжемъ и съ Бертолетомъ; эти разговоры большею частью имѣли предметомъ химію, математику и вѣру. Генералъ Кафарелли коего разговоръ, обогащенный событіями, отличался въ тоже время живостью, умомъ и веселостью,—былъ однимъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ охотнѣе бесѣдовалъ. Сколько расположенія онъ ни показывалъ Бертолету, а легко было видѣть, что онъ предпочиталъ ему Монжа

потому что Монжъ, одаренный пылкимъ воображенiемъ хоть и не былъ совершенно набоженъ, но имѣлъ нѣкоторую склонность къ набожности, согласовавшуюся съ понятiями Наполеона; на этотъ счетъ Бертолетъ смѣялся иногда надъ его неразлучнымъ Монжемъ; а притомъ холодное воображенiе Бертолета, и безпрестанно устремлявшiйся къ изслѣдованiямъ и отвлеченностямъ умъ его склонялся къ матерiялизму, который всегда очень неправился Генералу.

Иногда Бонапарте разговаривалъ съ Адмираломъ Брюесомъ, обнаруживая постоянное желанiе узнать различныя движенiя и ничто столько не удивляло Адмирала, какъ прозорливость его вопросовъ. Я помню, что однажды Бонапарте спросилъ, какимъ образомъ снимаютъ койки при атакѣ; и на отвѣтъ его отозвался что въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ всѣмъ покидать въ море свои чемоданы.

Бонапарте проводилъ большую часть времени въ своей каютѣ, на кровати, поставленной ножками на четырехъ подвижныхъ шарикахъ, что дѣлало для него менѣе чувствительною, причиняемую качкою дурноту, коею онъ очень страдалъ. Я почти все время находился у него въ каютѣ, читая ему какую нибудь изъ любимыхъ его книгъ, изъ которыхъ онъ составилъ свою походную библiотеку. Часто также онъ по цѣлымъ часамъ разговаривалъ съ Капита-

нами встрѣчаемыхъ нами судовъ. Онъ непремѣнно разспрашивалъ у нихъ откуда и куда они идутъ; съ кѣмъ они встрѣчались и по какимъ морямъ плавали. По удовлетворенїи такимъ образомъ своему любопытству, онъ дозволялъ имъ продолжать путь свой, взявъ съ нихъ обѣщанїе, что они никому не скажутъ о встрѣчѣ со Французскою эскадрою.

Политика Францїи часто его занимала и онъ въ особенности любилъ обращать свои взоры на блескъ ея послѣднихъ кампанїй, стараясь прочесть въ минувшихъ ея торжествахъ счастливое предвѣщанїе будущихъ побѣдъ.

Пока мы пробыли въ морѣ, онъ рѣдко вставалъ ранѣе десяти часовъ. *Востокъ* представлялъ почти городъ только безъ женщинъ и этотъ пловучїй городъ населялся двуми тысячами обитателей, въ числѣ коихъ находилось множество знаменитыхъ людей; а потому Бонапарте каждый день приглашалъ къ своему столу нѣсколько человѣкъ, не считая Брюеса, Бертье, Полковниковъ и своихъ приближенныхъ, которые всегда обѣдали за столомъ Главнокомандующаго. Когда хорошая погода позволяла, то онъ выходилъ на палубу, которая, своею обширностью дѣйствительно уподоблялась гульбищу. Я помню что однажды, когда мы съ нимъ прохаживались плывя чрезъ Сицилїйское море, мнѣ показалось при захож-

деніи солнца, что я вижу вершину Альпъ. Бонапарте очень шутилъ и насмѣхался надо мною; онъ позвалъ Адмирала Брюеса, который взявъ трубу, вскорѣ удостовѣрилъ его въ истинѣ сказаннаго мною. Альпы!... при этомъ словѣ я какъ будто смотрю еще на Бонапарте; бывъ долго неподвижнымъ и потомъ вышедъ изъ своего упоенія онъ сказалъ: *Не могу видѣть безъ восторга землю Италіи! Вотъ Востокъ; я туда ѣду. Опасное предпріятіе меня ожидаетъ. Эти горы господствуютъ надъ равнинами, гдѣ я имѣлъ счастіе столько разъ водить Французовъ къ побѣдамъ. Съ ними я еще буду побѣждать.*

Однимъ изъ самыхъ большихъ удовольствій Наполеона въ продолженіе переѣзда было то, чтобы послѣ обѣда назначать двухъ или трехъ человѣкъ для поддержанія какого либо предложенія и столькихъ же для того чтобы оное оспаривать. Эти пренія имѣли цѣль: Генералъ познавалъ чрезъ нихъ умъ тѣхъ людей, съ которыми ему нужно было обстоятельно познакомиться для того чтобы послѣ поручить имъ такія должности, къ коимъ они обнаруживали наиболѣе способностей по свойству ума своего. —Не удивительно покажется тѣмъ кто жилъ въ короткомъ кругу Наполеона, что послѣ этой борьбы ума, онъ отдавалъ преимущество тѣмъ, которые искусно защищали нелѣпое предложе-

ніе; и не одно только превосходство ума имѣло вліяніе на судъ его, ибо онъ дѣйствительно предпочиталъ того, который хорошо защищалъ нелѣпость тому, который столь же хорошо доказывалъ разсудительное предложеніе. Онъ всегда самъ задавалъ предметъ пренія; чаще всего онъ избиралъ для сего вопросы о вѣрѣ, о различныхъ родахъ Правительствъ, о стратегіи. Иногда онъ спрашивалъ, — обитаемы ли планеты; въ другой разъ, — давно ли существуетъ міръ; потомъ задавалъ предметомъ для разсужденій —вѣроятность разрушенія земнаго шара водою или огнемъ; наконецъ справедливость или ложность предчувствій и истолкованія сновъ. Я помню, что къ послѣднему изъ этихъ предложеній ему подало поводъ воспоминаніе объ Іосифѣ, о которомъ онъ заговорилъ, какъ почти обо всемъ, относящемся къ землѣ, куда мы плыли и коею управлялъ искусный Министръ сей.

Никакая земля не представлялась нашимъ взорамъ безъ того чтобы историческія воспоминанія не возникали въ памяти Наполеона. При проходѣ мимо острова Кандіи, воображеніе его воспламенилось и онъ съ восторгомъ выразился объ этомъ древнемъ Критѣ и о колоссѣ, коего баснословная знаменитость пережила всѣ мірскія славы. Онъ много говорилъ объ упадкѣ Восточной Имперіи, столь мало походившей

на все, что Исторія сохранила намъ объ этихъ прекрасныхъ странахъ, такъ многократно обагренныхъ человѣческою кровью. Остроумныя басни Миѳологіи также представлялись уму его, придавая его рѣчамъ нѣчто поэтическое и такъ сказать, вдохновенное. Видъ царства Миносова приводилъ его къ разсужденію о наилучшихъ законахъ для управленія людьми, а колыбель Юпитера напоминала ему о необходимости вѣры для народовъ. Этотъ одушевленный разговоръ продолжался до тѣхъ поръ пока попутный вѣтръ съ сѣвера, гнавшій облака къ равнинѣ Нила, скрылъ у насъ изъ вида островъ Кандію.

Находившіеся на *Востокѣ* музыканты играли иногда, но только на палубѣ; Бонапарте еще не столько любилъ музыку, чтобы слушать ее въ своей каютѣ; можно сказать что склонность его къ этому искуству возрасла у него въ соразмѣрности съ его могуществомъ подобно какъ и вкусъ къ охотѣ возникъ у него по возвышеніи его въ санъ Императора; какъ будто бы онъ хотѣлъ тѣмъ доказать что въ немъ существуетъ, не только геній Государя для того чтобы повелѣвать людьми, но и врожденная склонность къ тѣмъ аристократическимъ удовольствіямъ, наслажденіе коими народъ считаетъ въ числѣ Царскихъ принадлежностей.

Невозможно чтобы при такомъ далекомъ

плаванiи не произошло какой бѣды, чтобы нѣсколько человѣкъ не упало въ море. Это не разъ случалось на *Востокѣ* и тогда можно было видѣть, сколько человѣколюбiя заключала въ себѣ душа сего мужа, который въ послѣдствiи такъ расточалъ кровь своихъ ближнихъ на бранномъ полѣ и который пролилъ рѣки оной въ томъ самомъ Египтѣ, куда мы плыли. Когда человѣкъ падалъ въ море, то Главнокомандующiй не могъ успокоиться до тѣхъ поръ пока его спасали. Онъ тотчасъ приказывалъ приводить корабль въ дрейфъ, и изъявляя живѣйшее безпокойство до тѣхъ поръ пока несчастнаго вытаскивали, поручалъ мнѣ щедро награждать тѣхъ людей, которые посвящали себя на спасенiе упавшаго въ море; когда между ними находился матросъ, бывшiй подъ наказанiемъ за какую либо по службѣ вину, то онъ прощалъ ему оное, давая ему еще деньги. Я помню, что однажды въ темную ночь послышалось какъ будто бы человѣкъ упалъ въ море: Бонапарте тотчасъ приказалъ лечь въ дрейфъ до тѣхъ поръ пока предполагаемый несчастливецъ будетъ избавленъ отъ вѣрной смерти. Всѣ засуетились, употребили всѣ средства и наконецъ вытащили . . . . чтоже? . . . . четверть мяса, оторвавшуюся изъ запаснаго магазина.— Что сдѣлалъ Бонапарте? Онъ приказалъ мнѣ еще щедрѣе обыкновеннаго наградить матросовъ,

дѣйствовавшихъ при этомъ случаѣ, сказавъ: *Это могъ быть человѣкъ и эти честные люди столько же показали усердія и мужества.*

По прошествіи тридцати лѣтъ, всѣ эти вещи столь же живо представляются уму моему, какъ будто бы онѣ только что случились. Такъ проводилъ Бонапарте время находясь на Востокѣ въ продолженіе переѣзда. Тогда то онъ продиктовалъ мнѣ знаменитое воззваніе и приказъ, здѣсь помѣщаемые.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ. Главная квартира на кораблѣ *ВОСТОКѢ* 4 Мессидора VI года.

«СОЛДАТЫ,

«Вамъ предстоитъ завоеваніе, коего вліяніе на «просвѣщеніе и торговлю міра,—неисчислимо. «Вы нанесете Англіи самый вѣрный, самый чув«ствительный ударъ въ ожиданіи того, пока вы «поразите ее смертью.

«Мы сдѣлаемъ нѣсколько утомительныхъ пе«реходовъ, дадимъ много сраженій; всѣ предпрія«тія наши увѣнчаются успѣхомъ: судьбы за насъ. «Мамелюкскіе Беи, которые исключительно бла«гопріятствуютъ Англійской торговлѣ, обижаютъ «нашихъ купцевъ и тиранствуютъ надъ несча«стными обитателями Нила,—чрезъ нѣсколько «дней послѣ нашего прибытія престанутъ су«ществовать.»

«Народы, съ коими мы будемъ жить—Маго-

«метане; ихъ первый символъ вѣры есть: *Нѣтъ «Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его.* «Не противорѣчьте имъ; поступайте съ ними «какъ мы поступали съ Жидами, съ Италiянца-«ми; имѣйте такое же уваженiе къ ихъ Муфтiямъ «и Иманамъ, какое вы оказывали Раввинамъ и «Эпископамъ; оказывайте обрядамъ, предписы-«ваемымъ Алкораномъ, и мечетямъ туже терпи-«мость, которую вы имѣли къ монастырямъ, къ «синагогамъ, къ вѣрѣ Моисея и Iисуса Христа.

«Римскiе легiоны покровительствовали всѣмъ «вѣрамъ. Вы найдете здѣсь обычаи, отличные «отъ Европейскихъ: вамъ должно къ нимъ при-«выкнуть.

«Народы, къ коимъ мы придемъ, поступаютъ «съ женщинами не такъ, какъ мы; но во всѣхъ «земляхъ, тотъ, который насильствуетъ, есть чу-«довище.

«Грабежъ обогащаетъ только малое число «людей; онъ насъ позоритъ, разрушаетъ наши «способы и дѣлаетъ насъ врагами народовъ, ко-«ихъ для насъ выгодно прiобрѣсть дружбу!

«Первый городъ, который мы увидимъ, «построенъ Александромъ: мы на каждомъ шагу «встрѣтимъ великiя воспоминанiя, достойныя воз-«будить соревнованiе Французовъ.

БОНАПАРТЕ.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ,
Предписываетъ:

Статья 1. Всякій, принадлежащій къ арміи, который окажется виновнымъ въ грабежѣ или въ насильствѣ, будетъ разстрѣлянъ.

2. Всякій, принадлежащій къ арміи, который самопроизвольно наложитъ контрибуцію на города, деревни или на лица, или исторгнетъ какіе либо поборы, будетъ разстрѣлянъ.

3. Когда люди какой либо Дивизіи произведутъ безпорядки, то вся Дивизія подвергнется за оные отвѣтственности. Если виновные извѣстны, то Начальникъ Дивизіи объявитъ о томъ въ приказѣ; еслижъ они останутся не открытыми, то изъ слѣдуемыхъ Дивизіи денегъ будетъ удержана сумма, достаточная для вознагражденія жителей за ущербъ, ими понесенный.

4. Если люди какого либо Полка учинятъ безпорядки, то весь Полкъ за оные отвѣтствуетъ: если Полковому Командиру извѣстны виновные, то онъ доноситъ объ нихъ Дивизіонному Генералу, который приказываетъ ихъ разстрѣлять; еслижъ они не извѣстны, то Полковой Командиръ объявляетъ въ приказѣ, чтобы ему объ оныхъ донесли; еслиже они останутся неоткрытыми, то изъ слѣдуемыхъ Полку денегъ бу-

детъ удержана сумма, достаточная для вознагражденія жителей за ущербъ, ими понесенный.

5. Никому въ арміи не дозволяется дѣлать требованія и сбирать подати, не имѣя уполномочія отъ Генералъ-Интенданта, даннаго по приказанію Главнокомандующаго.

6. Въ необходимыхъ случаяхъ, часто на войнѣ встрѣчающихся, если Главнокомандующій и Генералъ-Интендантъ удалены отъ Дивизіи, то Начальнику оной дозволяется уполномочивать Дивизіоннаго Интенданта къ собранію необходимыхъ поборовъ.

Дивизіонный Начальникъ тотчасъ отправитъ къ Главнокомандующему копію съ даннаго имъ уполномочія, а Дивизіонный Интендантъ представитъ Генералъ-Интенданту копію со списка вещей, имъ вытребованныхъ.

7. Дозволяется требовать только вещи, необходимыя для солдатъ, для госпиталей, для перевозки и для артиллеріи.

8. По учиненіи побора, вытребованныя вещи долженствуютъ быть сданы коммиссіонерамъ разныхъ управленій, которые обязаны дать въ оныхъ росписку и получить таковую же отъ тѣхъ, кому оныя выдадутъ, для законной отчетности; такъ что ни въ какомъ случаѣ Офицеры и солдаты не должны прямо принимать вытребованныя вещи.

9. Всякія деньги, золото или серебро, полу-

чаемыя отъ сборовъ, контрибуцій или инымъ образомъ, должны въ продолженіе двѣнадцати часовъ быть сданы Дивизіонному казначею; еслижъ онъ будетъ находиться далеко, то Полковому Квартермистру.

10. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть Коменданты, никакой сборъ не можетъ быть сдѣланъ прежде чѣмъ Коммиссіонеръ не донесетъ Коменданту, по чьему приказанію сборъ производится: а Комендантъ обязанъ немедленно донести о томъ Главному Штабу.

11. Тѣ которые окажутся виновными противъ 5, 6, 7, 8, 9 и 10 статей, будутъ разжалованы и заключены на два года въ оковы.

12. Главнокомандующій предписываетъ Начальнику Главнаго Штаба, Дивизіоннымъ Генераламъ и Генералъ-Интенданту наблюдать за исполненіемъ сего приказа ибо онъ не желаетъ, чтобы принадлежащая арміи казна доставалась какимъ либо лицамъ: она должна быть употребляема на общую пользу.

«Подписано *БОНАПАРТЕ.*»

Здѣсь я долженъ помѣстить замѣчаніе относительно приведеннаго мною воззванія и другихъ, которыя въ послѣдствіи будутъ изложены въ моемъ разсказѣ по порядку времени. Иные находили въ нихъ мѣста, будто бы противныя Христіанскому ученію; надобно было этимъ людямъ имѣть большую страсть къ ис-

толкованію всего въ дурную сторону. Очемъ идетъ дѣло?—О томъ, чтобы вступить въ Египетъ. А чтобы могло быть нелѣпѣе, какъ явиться туда съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ гоненія въ другой произнося угрозы противъ Исламизма? Политика и самый здравый разсудокъ повелѣвали съ большою осторожностью говорить о вѣрѣ жителей; не уважить оной была бы непростительная ошибка: побѣдители дѣлали иногда оную, но время религіозныхъ переворотовъ уже миновалось. Воззванія Наполеона имѣли счастливое послѣдствіе.

Въ продолженіе плаванія, особенно между Мальтою и Александріею, я часто разговаривалъ съ храбрымъ и несчастнымъ Адмираломъ Брюесомъ. Получаемыя нами отъ времени до времени извѣстія, еще болѣе увеличивали его безпокойство. Я имѣлъ счастіе пріобрѣсть довѣренность этого превосходнаго и столь вѣрнаго въ дружбѣ человѣка. Онъ горько жаловался на устройство флота, на стѣсненіе людьми кораблей и фрегатовъ, а въ особенности *Востока*, па великое число транспортовъ, на дурное вооруженіе кораблей и на недостатокъ людей въ экипажахъ. Онъ увѣрялъ меня, что надобно было имѣть много мужества для того чтобы вести флотъ, столь дурно снаряженный; и нѣсколько разъ повторялъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, онъ ни за что не отвѣчаетъ. Движе-

нія на палубѣ весьма трудно было бы исполнять. Стѣсненіе судовъ огромнымъ количествомъ гражданскихъ и военныхъ вещей, которыя везли съ собою и которыя всякой бы захотѣлъ спасти, замедлили бы и помѣшали бы дѣйствію. «Въ случаѣ нападенія на насъ»—прибавлялъ Брюесъ—«даже эскадры меньшей въ числѣ, смятеніе и безпорядокъ между такимъ множествомъ людей, произвели бы неизбѣжную гибель. Наконецъ, если бы Англичане явились только съ десятью кораблями, то Адмиралъ не ручался за счастливую развязку. Онъ считалъ побѣду вещью невозможною и даже при одержаніи побѣды, что будетъ съ экспедиціею? *Дай Богъ,* говорилъ онъ вздыхая, *чтобы мы прошли не встрѣтясь съ Англичанами.*» Онъ казалось предвидѣлъ то, что долженствовало съ нимъ случиться, не въ открытомъ морѣ, но въ положеніи, которое онъ считалъ гораздо болѣе благопріятнымъ для обороны.

Экспедиція прибыла 1 Іюля утромъ къ Африканскому берегу и колонна Септимія Севера указала намъ городъ Александрію. Наше положеніе и состояніе умовъ нашихъ не дозволяли намъ видѣть въ этой отдаленной точкѣ—града Птоломеевъ и Цесарей съ его двойною гаванью, съ его маякомъ и съ исполинскими памятниками его древняго величія. Воображеніе наше далеко не было такъ настроено.

Адмиралъ Брюесъ послалъ впередъ фрегатъ *Юнону* за Г. Магаллономъ, Французскимъ Консуломъ. Онъ прибылъ около четырехъ часовъ и на морѣ была большая зыбь. Онъ донесъ Главнокомандующему, что Нельсонъ былъ предъ Александріею 28 Іюня, и тотчасъ отправилъ бригъ за извѣстіями къ Англійскому Агенту. По возвращеніи сего брига, Нельсонъ немедленно повелъ свою эскадру на сѣверо-востокъ. Еслибъ не замедленіе, которое причинилъ намъ Чивита-Векхійскій транспортъ, то мы бы сошлись съ Нельсономъ въ этихъ странахъ. Чѣмъ болѣе видишь, чѣмъ болѣе принимаешь участія въ событіяхъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что отъ самыхъ маловажныхъ причинъ происходятъ послѣдствія, счастливыя или несчастныя, совершенно непредвидѣнныя человѣческою мудростью.

Кажется что Нельсонъ полагалъ насъ уже предъ Александріею, когда онъ туда прибылъ. Онъ основательно расчитывалъ, что мы оставили Мальту 19 числа между тѣмъ какъ онъ вышелъ изъ Мессины 21. Не нашедъ насъ, и будучи увѣренъ, что мы тутъ находимся, онъ оставилъ этотъ берегъ и пошелъ къ Александреттѣ Сирійской, думая что мы тамъ намѣрены сдѣлать нашу высадку, дабы отправиться въ Азію. Эта ошибка вторично спасла нашу экспедицію.

Бонапарте, пораженный и убѣжденный, какъ можно себѣ представить, подробностями, сообщенными ему Французскимъ Консуломъ, и нѣсколько разъ по желанію его, ему повторенными,—рѣшился немедленно произвесть высадку. Адмиралъ Брюесъ представилъ ему трудности и опасности этой высадки, силу волненія, дальность берега (*), множество подводныхъ камней, наступающую ночь и совершенное невѣдѣніе о мѣстахъ, способныхъ для приставанья. Адмиралъ представлялъ ему что надобно обождать до утра т. е. около двѣнадцати часовъ и что Нельсонъ еще нѣсколько дней не могъ возвратиться изъ похода своего въ Сирію. Бонапарте слушалъ эти представленія съ нетерпѣніемъ и досадою. Онъ сердито отвѣчалъ: *Адмиралъ, намъ нельзя терять времени, фортуна даетъ мнѣ только три дня; если я ими не воспользуюсь, то мы погибнемъ.* Онъ очень надѣялся на свою фортуну; эта химерическая мысль имѣла всегда вліяніе на его предпріятія.

Поелику Генералъ Бонапарте имѣлъ главное начальство надъ сухопутною и морскою силами, то Адмиралъ долженъ былъ уступить его волѣ.

Я свидѣтельствую объ этихъ обстоятель-

(*) Разстояніе было около трехъ миль и мы не стали на якорь на Абукирской рейдѣ, какъ предполагаетъ Вальтеръ-Скоттъ.

ствахъ, происходившихъ при мнѣ и коихъ ни малѣйшая подробность не могла отъ меня ускользнуть. Совершенно ложно, будто бы по случаю усмотрѣннаго судна, котораго я по крайней мѣрѣ не видалъ, онъ воскликнулъ: *Фортуна, неужели ты меня оставишь? я прошу у тебя только пять дней!* Какъ могъ Генералъ Бертье, написавшій по его приказанію и почти со словъ его, офиціяльное изображеніе Египетскаго похода,—забыть такое обстоятельство? И Адмиралъ Брюесъ, неужели не упомянулъ бы объ немъ въ донесеніяхъ своихъ Морскому Министру? Въ продолженіе всего времени, которое я находился при Бонапарте, я часто слыхалъ его говорящаго о своей фортунѣ, но никогда не слыхалъ, чтобы онъ обращался *къ* фортунѣ съ просьбами. Причислимъ это къ прочимъ сказкамъ сего рода. Фрегатъ *Юстиція* былъ очень извѣстенъ; онъ присоединился къ намъ въ Кандіи и что притомъ могъ сдѣлать одинъ фрегатъ противъ эскадры, состоявшей изъ четырнадцати кораблей?

Адмиралъ Брюесъ, отведя меня въ сторону, сообщилъ мнѣ свои опасенія, особенно на счетъ отвѣтственности Главнокомандующаго. Получивъ отъ меня отказъ возобновить представленія, ибо мнѣ очень хорошо была извѣстна твердость Наполеона, и притомъ я раздѣлялъ

его мнѣніе, Брюесъ съ огорченіемъ далъ сигналъ къ высадкѣ.

Посаженіе войскъ на шлюбки было сдѣлано съ большимъ трудомъ и опасностями. Море сильно волновалось и надобно было спускаться съ корабля на веревкѣ вися до тѣхъ поръ, пока волна опять подкидывала шлюбку, ею опущенную. Мы приняли къ себѣ на руки Генерала Каффарелли, которому деревянная нога не позволила вскочить въ шлюбку въ минуту ея поднятія.

Во второмъ часу ночи съ 1 на 2 Іюля, ступили мы на землю Египта, въ Марабу, въ трехъ миляхъ на западъ отъ Александріи. Нѣсколько перевозныхъ судовъ погибло; но по всему можно бы ожидать гораздо бо̀льшихъ несчастій.

Главнокомандующій самъ двинулся въ туже ночь, въ три часа утра къ Александріи съ дивизіями Клебера, Бона и Морана. Бедуинскіе Арабы, разсыпанные у насъ въ правѣ и въ тылу, похитили нашихъ отсталыхъ и тѣхъ, которые отдалились отъ отряда.

По достиженіи Александріи на ружейный выстрѣлъ, полѣзли приступомъ на валъ и Французская храбрость вскорѣ восторжествовала надъ всѣми препонами.

Первая кровь, которую я увидѣлъ текущую на войнѣ, была Генерала Клебера; онъ былъ раненъ пулею въ голову, не взбираясь на стѣну,

но распоряжая приступомъ; Клеберъ всегда подвергался первымъ ударамъ: его можно было назвать храбрымъ изъ храбрыхъ. Онъ отправился къ Помпеевой колонѣ, гдѣ собрались многiе чины Главнаго Штаба и откуда Главнокомандующiй надзиралъ за приступомъ. Тутъ я въ первый разъ говорилъ съ Клеберомъ и съ этого дня началась наша дружба. Я имѣлъ счастiе нѣсколько содѣйствовать къ оказанiю ему необходимыхъ пособiй, которыя по мѣсту, гдѣ мы находились, не легко было доставить. Съ огорченiемъ говорю, что чувства, тогда мною ощущенныя, вскорѣ ослабѣли: эгоизмъ заступилъ мѣсто благорасположенiя къ несчастiю, свойственнаго юности.

Взятiе Александрiи, павшей чрезъ нѣсколько часовъ, хотѣли сдѣлать важнымъ подвигомъ. Главнокомандующiй самъ писалъ, что городъ сей былъ взятъ послѣ нѣкоторой перестрѣлки; на плохо вооруженныя стѣны скоро взобрались. Александрiя не была отдана на разграбленiе, какъ говорили и повторяли. Это было бы очень неловкимъ приступомъ къ завоеванiю Египта, не имѣвшаго крѣпостей, которыя слѣдовало бы устрашить великимъ примѣромъ. Могъ ли Бонапарте предать смерти городскихъ жителей, которымъ онъ объявлялъ волю свою избавить ихъ отъ ига Мамелюковъ? Онъ напротивъ того ознаменовалъ вступленiе свое въ

Александрію кротостью и великодушіемъ. Бертье, въ своемъ офиціяльномъ повѣствованіи, говоритъ на этотъ счетъ совершенную истину.

Бонапарте вступилъ въ городъ съ нѣсколькими человѣками по узкому переулку, по которому едва можно было итти по два въ рядъ. Я былъ съ нимъ. Насъ остановили ружейные выстрѣлы, производимые изъ низкаго окна мужчиною и женщиною: нѣсколько разъ они возобновляли огонь свой. Сопровождавшіе Генерала Вожатые начали стрѣлять въ этотъ покой; мужчина и женщина пали подъ ихъ ударами и мы безопасно прошли, ибо городъ сдался.

На другой день вступили съ Арабами въ переговоры объ освобожденіи людей, захваченныхъ ими наканунѣ; ихъ выкупили за сотню піастровъ: одинъ изъ нихъ, отличавшійся отъ другихъ своими ухватками, былъ потребованъ Главнокомандующимъ, который очень желалъ пріобрѣсть какія либо свѣдѣнія объ этихъ полудикихъ ордахъ. При первомъ вопросѣ о томъ, какъ съ нимъ обошлись, этотъ человѣкъ залился слезами: «О чемъ ты плачешь?» Онъ рыдая объяснилъ что съ нимъ поступили, какъ обыкновенно водится на Востокѣ. «Ахъ ты оселъ, такъ тебѣ очень больно! экая важность. Ты заплатилъ за свою неосторожность: тебѣ должно было оставаться при своемъ полку. Благодари

Бога что ты еще такъ дешево отдѣлался. Полно плакать и отвѣчай мнѣ.» Немногiе часы, проведенные имъ съ Арабами и поступокъ ихъ съ нимъ воспрепятствовали ему сдѣлать малѣйшее наблюденiе. Отъ него ничего нельзя было допытаться.

Бонапарте употребилъ шесть дней, проведенные имъ въ Александрiи на устройство города и области съ тою дѣятельностью, и съ тѣмъ изумительнымъ искуствомъ, которымъ я никогда не могъ довольно надивиться и на распоряженiя къ походу армiи чрезъ область Богагире. Онъ послалъ Дезе съ четырью тысячами пятью стами человѣкъ и шестидесятью всадниками въ Беду на Дамангурской дорогѣ. Онъ-то первый вкусилъ лишенiя и страданiя. Высокiй духъ его и преданность къ Наполеону, казалось были готовы уступить препонамъ. 15 Iюля онъ уже писалъ изъ Богагире. «Ради Бога «не оставляйте насъ въ этомъ положенiи. Вой«ско теряетъ бодрость и ропщетъ. Велите намъ «быстрѣе итти впередъ или отступить: деревни «не что иное какъ опустошенныя хижины.»

Въ этихъ обширныхъ равнинахъ, пожигаемыхъ прямыми лучами пламеннаго, тропическаго солнца, оспориваютъ другъ у друга воду, столь вездѣ обыкновенную; скрываютъ отъ поисковъ странника колодцы и источники, эти

тайныя сокровища пустыни, и часто, послѣ утомительныхъ переходовъ, ничего не находишь для утоленія нестерпимой жажды кромѣ воды, отвратительной по ея соленому вкусу.

++

ГЛАВА VII.

Древняя и новая Александрія.—Объявленія Главнокомандующаго Мѣстному Правительству.—Странное дѣйствіе отраженія.—Наѣзды Арабовъ.—Пагубная ошибка.—Пирамиды.—Дезе въ авангардѣ.—Бѣдность одного богача.—Бой подъ окномъ Генерала.—Адъютантъ Круазье.—Суровость Генерала.—Отчаяніе Адъютанта.—Храбрый Перре.—Я разстаюсь съ Генераломъ.—Флотилія на Нилѣ.—Недостатки и опасности.—Походъ Наполеона къ югу.—Ужасное зрѣлище.—Сраженіе при Хенбрессѣ.—Разбитіе Мамелюковъ.—Я пріѣзжаю къ Генералу.—Веселое расположеніе Наполеона.—Письмо къ Лудовику Бонапарте.

Какая разница между градомъ Александра, какимъ исторія намъ оный представляетъ и печальною нынѣшнею Александріею! Гдѣ нѣкогда толпилось девять сотъ тысячъ жителей, тамъ нынѣ считается едва девять тысячъ. Мы нашли этотъ городъ, прежде столь великолѣпный, безъ укрѣпленій и такъ сказать, безъ памятниковъ; видно лишь нѣсколько колоннъ, исторгнутыхъ изъ развалинъ древняго города и употре-

бленныхъ безъ вкуса въ новѣйшихъ постройкахъ. Самая пристань старой гавани, составлена изъ однихъ обломковъ гранитныхъ и мраморныхъ колоннъ. Только два памятника явились намъ цѣлыми и стоящими на мѣстахъ своихъ: колонна Помпея и обелискъ Клеопатры; но мы нашли едва нѣкоторые признаки временъ Цесарей и никакого остатка гробницы Александра.

Прежде овладѣнія Египетскою землею, Бонапарте писалъ 12 Мессидора Египетскому Пашѣ, а на другой день начальнику Каравеллы, отъ 13 Мессидора съ корабля *Востока* слѣдующія письма:

Главная квартира, на кораблѣ *Востокѣ*, 12 Мессидора, VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ПАШѢ ЕГИПЕТСКОМУ.

«Исполнительная Директорія Французской Республики неоднократно обращалась къ Высокой Портѣ съ просьбою о наказаніи Беевъ, которые причиняли ущербъ Французскимъ купцамъ.

«Но Высокая Порта объявила, что Беи, люди своенравные и жадные, не внимаютъ правиламъ справедливости, и что не только она не одобряла оскорбленій, наносимыхъ ими ея добрымъ стариннымъ друзьямъ, Французамъ; но что она даже лишала ихъ своего покровительства.

«Французская Республика рѣшилась послать

сильную армiю для того чтобы положить конецъ разбойничеству Египетскихъ Беевъ, подобно тому какъ она неоднократно принуждена была дѣлать то въ нынѣшнемъ столѣтiи противъ Деевъ Тунисскаго и Алжирскаго.

«Ты, который долженствовалъ бы повелѣвать Беями и котораго они не взирая на то, держатъ безъ всякой власти и могущества въ Каирѣ,— ты долженъ видѣть мой приходъ съ удовольствiемъ.

«Тебѣ ужъ конечно извѣстно, что я не намѣренъ дѣлать ничего противъ Корана и Султана; ты знаешь что Французская держава есть одна и единственная союзница, которую Султанъ имѣетъ въ Европѣ.

«А потому изыди ко мнѣ на встрѣчу и прокляни вмѣстѣ со мною нечестивое племя Беевъ.

«БОНАПАРТЕ.»

По прибытiи въ Александрiю, онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее воззванiе:

Въ Александрiи, 24 Мессидора VI Республиканскаго года, мѣсяца Мугарема, лѣта эгиры 1215.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦIОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩIЙ ФРАНЦУЗСКОЮ АРМIЕЮ.

«Довольно давно уже Беи, управляющiе Египтомъ, оскорбляютъ Французскую державу и наносятъ ущербъ купцамъ ея; часъ наказанiя наступилъ.

«Давно уже эта горсть рабовъ, купленныхъ на Кавказѣ и въ Арменіи, тиранствуетъ надъ прекраснѣйшею частью міра; но Богъ, отъ коего все зависитъ, повелѣлъ владычеству ихъ прекратиться.

«Народъ Египта; скажутъ что я пришелъ ниспровергнуть твою вѣру: не вѣрь этому! отвѣтствуй что я пришелъ возвратить тебѣ права твои, наказать хищниковъ и что я болѣе чѣмъ Мамелюки чту Бога, Пророка его и Алкоранъ. Скажи имъ, что всѣ люди равны предъ Богомъ; только мудрость, таланты и добродѣтели полагаютъ между ими различіе. Какая же мудрость, какіе таланты, какія добродѣтели отличаютъ Мамелюковъ для того, чтобы они исключительно пользовались всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ жизнь любезною и пріятною?

«Если Египетъ у нихъ на откупу, то пусть они покажутъ данную имъ Богомъ на владѣніе онымъ грамоту. Но Богъ правосуденъ и милосердъ для народа.

«Всѣ Египтяне будутъ призваны для занятія различныхъ мѣстъ; мудрѣйшіе, добродѣтельнѣйшіе, болѣе свѣдущіе станутъ управлять и народъ будетъ счастливъ.

«Нѣкогда были у васъ большіе города, большіе каналы, большая торговля; кто все это уничтожилъ если не скупость, несправедливости и тиранство Мамелюковъ?

«Кадiи, Шейки, Иманы, Шорбадгисы скажите народу что мы друзья истинныхъ Мусульманъ. Не мы ли уничтожили Папу, который говорилъ, что должно воевать съ Мусульманами? Не мы ли уничтожили Мальтiйскихъ Кавалеровъ, безумцевъ, полагавшихъ что Богъ повелѣваетъ имъ воевать съ Мусульманами? Не мы ли всегда были друзьями Султана (да исполнитъ Богъ его желанiя) и врагами враговъ его? Мамелюки же, напротивъ того бунтовали противъ власти Султана, и донынѣ ими непризнаваемой. Они руководствуются только своими прихотями.

Трижды счастливы тѣ, которые будутъ съ нами! они процвѣтутъ въ чинахъ и въ богатствѣ. Счастливы тѣ, которые не пристанутъ ни къ которой сторонѣ! они будутъ имѣть время узнать насъ и перейдутъ къ намъ. Но горе! трижды горе тѣмъ, которые, ополчась за Мамелюковъ, сразятся съ нами. Для нихъ нѣтъ надежды: они погибнутъ.

«Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

«Беи причинили великiе ущербы нашимъ купцамъ: я пришелъ требовать за это удовлетворенiя.

«Я завтра буду въ Александрiи; вамъ не должно ничего опасаться; вы принадлежите другу нашему Султану; ведите себя сообразно съ тѣмъ. Но если вы окажете малѣйшую вражду Фран-

цузской арміи, то я поступлю съ вами, какъ съ непріятелями и вы сами будете виноваты, ибо это далеко отъ моихъ намѣреній и отъ моего сердца.

БОНАПАРТЕ.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего Генералъ продиктовалъ мнѣ къ Директоріи письмо (*), въ которомъ онъ отдавалъ отчетъ о плаваніи отъ Мальты до Египта и о первыхъ подвигахъ арміи. 7 Іюля онъ оставилъ Александрію и отправился въ Дамангуръ.

Обширныя равнины Богаире, которыя не степь, какъ это всегда твердятъ,—каждую минуту представляли намъ обманчивое зрѣлище приводящихъ въ отчаяніе воздушныхъ обмановъ, которыя представляютъ взорамъ пространныя воды тамъ гдѣ по приближеніи находишь только безплодную, глубокую растрескавшуюся землю; эти отраженія назвали *пагубными*; — они только *обманчивы*, потому что никому не дѣлаютъ зла. Деревни, которыя издали кажутся окруженными водою, представляютъ по приближеніи только возвышенность, часто искуственную, на которой выстроена деревня для предохраненія отъ разлива Нила тогда какъ рѣка сія наводняетъ равнину. Этотъ обманъ отраженія безпрестанно возобновляется и онъ тѣмъ болѣе вѣроломенъ что совершенно пред-

(*) Смотри въ концѣ книги.

ставляетъ настоящую воду, въ ту минуту когда ощущаешь въ ней наивеличайшую нужду. Отраженіе сіе такъ велико въ Пелузской равнинѣ, что, вскорѣ по восхожденіи солнца, предметы кажутся до такой степени обезображенными что ихъ не возможно узнать: этотъ феноменъ былъ замѣчаемъ и въ другихъ земляхъ. Квинтъ-Курцій говоритъ, что въ степяхъ Согдіанскихъ, *туманъ* исходящій изъ распаленнаго лона земли, затемняетъ свѣтъ и равнина кажется обширнымъ моремъ. Причина сего обманчиваго призрака нынѣ совершенно извѣстна и объяснена. Ученый Монжъ удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ въ этомъ отношеніи и изъ наблюденій его слѣдуетъ что это отраженіе должно быть встрѣчаемо почти во всѣхъ земляхъ, лежащихъ между тропиками, при мѣстности того же свойства.

Арабы безпрестанно дразнили армію; они заваливали и заражали водохранилища и колодцы, и безъ того уже рѣдкіе въ степяхъ. Солдатъ, съ перваго перехода началъ ощущать нестерпимую жажду, очень плохо утоляемую соленою, мутною и испорченною водою. Армія перешла чрезъ Богаирскую степь съ быстротою молніи, едва нашедъ въ ней столько воды чтобы напиться. Колодцы, однажды исчерпанные, наполнялись не иначе какъ чрезъ долгое время.

Войска часто обнаруживали свои страданія ропотомъ уныния.

Въ эту ночь случилось недоразумѣніе, могшее сдѣлаться пагубнымъ для Главной Квартиры. Мы шли въ темнотѣ съ небольшимъ прикрытіемъ и почти всѣ спали на лошадяхъ своихъ. Вдругъ раздались сдѣланные по насъ два выстрѣла изъ ружей: всѣ очнулись, собрались, осмотрѣлись и къ великому удовольствію узнали, что одинъ только вожатый былъ легко раненъ въ руку. Это была дивизія Дезе, которая, составляя авангардъ армiи, приняла насъ за непріятеля и начала стрѣлять. Вскорѣ мы узнали что нашъ небольшой передовой отрядъ Главной Квартиры не слыхалъ оклика передовыхъ постовъ Генерала Дезе.

По прибытіи въ Дамангуръ, Главная Квартира была учреждена у Шейка. Домъ его, вновь выбѣленный, имѣлъ снаружи довольно красивый видъ; но внутренность была въ непостижимомъ упадкѣ. Все показывало величайшую нищету: ни одной цѣльной чашки; вмѣсто стульевъ нѣсколько грубыхъ цыновокъ, замаранныхъ и изорванныхъ. Ничего, совершенно ничего нельзя было найти для житейскаго удобства. Бонапарте зналъ что хозяинъ богатъ; снискавъ нѣсколько его довѣренность, онъ спросилъ у него чрезъ переводчика, за чѣмъ имѣя достатокъ, онъ отказывалъ себѣ во всемъ и

увѣрилъ его что признаніе не будетъ имѣть для него никакихъ дурныхъ послѣдствій. *Взгляните на мои ноги*, отвѣчалъ онъ, *нѣсколько лѣтъ тому назадъ поправилъ я домъ свой и купилъ нѣкоторыя для него вещи: объ этомъ узнали въ Каирѣ и потребовали денегъ, ибо это доказывало что я богатъ. Я отказалъ; меня прибили; надобно было платить. Съ тѣхъ поръ я ограничиваюсь самою строгою необходимостью и ничего болѣе не исправляю.* Дѣйствительно старикъ съ трудомъ ходилъ отъ побоевъ, имъ перенесенныхъ. Несчастливъ въ этой землѣ тотъ, котораго подозрѣваютъ въ достаткѣ: сотни шпіоновъ готовы на него донести. Однимъ только наружнымъ видомъ бѣдности можно избѣгнуть отъ грабежа правительства, отъ жадности его и варварства.

Небольшой отрядъ конныхъ Арабовъ осмѣлился сдѣлать наѣздъ наГлавную Квартиру. Бонапарте, сидѣвшій у окна Шеикова дома, раздраженный этою отвагою, оглянувшись увидѣлъ молодаго Круазье, одного изъ своихъ Адъютантовъ, бывшаго дежурнымъ: *Круазье, возьми нѣсколько вожатыхъ и прогони эту сволочь.* Черезъ минуту Круазье явился въ долинѣ съ пятнадцатью вожатыми: небольшая стычка завязалась; мы видѣли бой изъ окна. Въ нашихъ рядахъ и въ приступѣ, обнаружилось какое-то колебаніе, котораго Главнокомандующій не могъ постигнуть.

Онъ кричалъ изъ окна, какъ будто бы его можно было услыхать. «Въ передъ же! ударить на нихъ!» Наши всадники уступали, какъ только Арабы возвращались. Наконецъ эти последніе спокойно отступили после довольно упорнаго боя, не понеся никого урона и не будучи потревожены въ ихъ отступленіи. Бонапарте не могъ удержать гнѣвъ свой: онъ безъ мѣры излилъ его на Круазье, когда этотъ послѣдній возвратился. Онъ такъ сурово обошелся съ нимъ что Адъютантъ вышелъ отъ него въ слезахъ. Бонапарте приказалъ мнѣ итти въ слѣдъ за нимъ и его успокоить. Все было тщетно. *Я не переживу этого*, сказалъ онъ мнѣ, *я пойду на смерть при первомъ случаѣ, который представится; я не могу жить обезчещеннымъ.* Слово трусъ было произнесено. Круазье не могъ найти смерти прежде какъ подъ Сен-Жанд'Акрою, какъ читатели увидятъ сіе въ эпоху этой осады.

Главная квартира прибыла 10 Іюля въ Рамаганье и оставалась тамъ 11 и 12 число. Въ этомъ мѣстѣ начинается каналъ, вырытый по волѣ Александра для проведенія воды въ новый градъ его и для удобнѣйшей торговли Востока съ Европою.

Флотилія, подъ предводительствомъ храбраго начальника Дивизіи Перре, пришла изъ Розетты. Перре находился на шебекѣ *Оленѣ*; Бона-

парте имѣлъ къ нему большую довѣренность; онъ испыталъ его тогда какъ онъ начальствовалъ подъ нимъ въ 1797 году морскими силами въ Адріатическомъ морѣ.

Бонапарте помѣстилъ на *Оленѣ* и на другихъ судахъ этой флотиліи тѣхъ, которые не носили оружія, которые не могли быть ему полезными въ сраженіяхъ и на лошадей коихъ можно было посадить нѣсколько человѣкъ.

Главнокомандующій направилъ путь свой, ночью 14 Іюля, къ югу, слѣдуя по лѣвому берегу Нила. Флотилія поплыла вверхъ по рѣкѣ равняясь съ лѣвымъ флангомъ арміи; но сильные вѣтры, обыкновенно дующіе въ это время года отъ Средиземнаго моря въ Нильской долинѣ, заставили флотилію опередить армію, которую она долженствовала собою подкрѣпить, состоя и сама подъ ея защитою. Оставшись при одной только своей силѣ, флотилія сошлась съ семью Турецкими канонерскими лодками, вышедшими изъ Каира съ 24 и съ 36-ю фунтовыми пушками и подверглась совокупному огню этихъ лодокъ, равно какъ Мамелюковъ, Феллаговъ и Арабовъ, появившихся на обоихъ берегахъ рѣки и имѣвшихъ на верблюдахъ небольшія пушки.

Начальникъ Перре приказалъ стать на якорь и сраженіе, начавшееся 14 Іюля въ девять часовъ утра, продолжилось до половины перваго.

Въ тоже время Главнокомандующій встрѣтилъ четырехъ-тысячный отрядъ Мамелюковъ и напалъ на нихъ; намѣреніе его, какъ онъ мнѣ послѣ сказывалъ, состояло въ томъ, чтобы обойти этотъ отрядъ лѣвою стороною деревни Шебреиссы и прижать его къ Нилу.

Около одиннадцати часовъ утра, Начальникъ Дивизіи Перре сказалъ мнѣ, что время проходитъ безъ всякой для насъ пользы; что Турки больше причиняютъ намъ вреда, чѣмъ мы имъ; что у него скоро недостанетъ снарядовъ; что армія отдалилась отъ рѣки и что если она не сдѣлаетъ движенія въ лѣво, то намъ нѣтъ никакихъ средствъ.

Уже многія суда были взяты на абордажъ Турками, которые умерщвляли экипажъ при нашихъ глазахъ показывая намъ съ варварскою свирѣпостью головы, держимыя ими за волосы. Начальникъ Дивизіи Перре послалъ съ большою опасностью нѣсколько человѣкъ къ Главнокомандующему дабы увѣдомить его объ отчаянномъ положеніи Флотиліи. Сильная пальба, которую онъ слышалъ съ утра и взрывъ одной Турецкой канонерской лодки, произведенный артиллеріею шебеки, наконецъ заставили его побояться что наше положеніе дѣйствительно опасно. Онъ рѣшился двинуть свою армію въ лѣво къ Нилу и къ Шебреиссѣ, разбилъ Мамелюковъ и принудилъ ихъ отступить къ Каиру. При видѣ

Французскихъ войскъ, Начальникъ Турецкой флотиліи снялся съ якоря и поплылъ вверхъ по Нилу. Оба берега рѣки очистились и флотилія наша спаслась отъ погибели, казавшейся неизбѣжною. Есть историки, написавшіе будто бы Турецкая флотилія истреблена въ этомъ бою. Она много нанесла намъ вреда, но сама почти ничего не потерпѣла. У насъ было двадцать человѣкъ ранено и нѣсколько убитыхъ. Съ той и съ другой стороны произведено болѣе полуторы тысячи пушечныхъ выстрѣловъ.

Генералъ Бертье именуетъ, въ своемъ описаніи Египетскаго похода, особъ, которыя, не будучи военными, содѣйствовали Начальнику Дивизіи Перре въ этомъ неравномъ и опасномъ бою. Онъ приводитъ Монжа, Бертолета, Андреосси, Казначея Жюно и Буріенна, Секретаря Главнокомандующаго. Я читалъ будто бы Генералъ-Интендантъ Сюси былъ тяжело раненъ, мужественно защищая канонерскую лодку, нагруженную съѣстными припасами: читатели увидятъ ниже, что это не справедливо. Онъ былъ раненъ не при Шебреиссѣ.

Мы пробыли безъ всякаго сообщенія съ арміею до 23 Іюля. 22 числа мы усмотрѣли пирамиды. Намъ сказали что мы недальше какъ миль за десять отъ Гизы, гдѣ онѣ воздвигнуты. Слышимая нами пушечная пальба, которая усиливалась по мѣрѣ какъ сѣверный вѣтеръ сти-

халъ, возвѣстила намъ о важной битвѣ и въ тотъ же день мы увидѣли берега Нила покрытые трупами, совершенно обнаженными, и гонимыми волнами въ великомъ числѣ къ морю. Это страшное зрѣлище, безмолвіе деревень, до сихъ поръ противъ насъ возстававшихъ, и невѣроятное спокойствіе нашего плаванія, которое не было болѣе тревожимо съ обоихъ береговъ ружейными выстрѣлами,—заставили насъ навѣрное предположить что произошла пагубная для Мамелюковъ битва. Но мы имѣли нужду получить достовѣрное извѣстіе. Бѣдствіе, претерпѣнное нами въ продолженіе сего плаванія отъ Рамаганіе до Гизы, не можетъ быть описано. Въ продолженіе одиннадцати дней мы принуждены были питаться только арбузами и водою, ежеминутно подвергаясь выстрѣламъ Арабовъ и Феллаговъ. Мы еще довольно дешево отдѣлались нѣсколькими убитыми и ранеными. Разливъ Нила только что начинался. Мелкость рѣки сей при приближеніи къ Каиру, побудила насъ сойти съ шебеки и пересѣсть на джерму въ тринадцати миляхъ отъ Гизы, куда мы прибыли 23 Іюля въ три часа вечера.

Едва поздоровался я съ Главнокомандующимъ, котораго я двѣнадцать дней уже не видалъ, какъ онъ встрѣтилъ меня этими словами: «А! вотъ вы наконецъ! Вы виноваты что я не одержалъ успѣха въ бою при Шебреиссѣ, для спа-

сенія тебя, Монжа, Бертолета и прочихъ, посаженныхъ мною на флотилію, я поспѣшилъ сдѣлать движеніе мое въ лѣво къ Нилу прежде, чѣмъ правый флангъ мой обошелъ Шебреиссу, откуда ни одинъ Мамелюкъ бы не спасся.— Благодарю васъ за себя,» отвѣчалъ я ему; «однакожъ по совѣсти, могли ли вы насъ оставить, отобравъ у насъ лошадей и посадивъ насъ противъ воли на шебеку?» Онъ засмѣялся а потомъ сказалъ, какъ его огорчаетъ рана, полученная Генералъ-Инстендантомъ и смерть полезныхъ людей, которыхъ ему некѣмъ будетъ замѣнить.

Онъ приказалъ мнѣ написать къ брату его Лудовику слѣдующее письмо:

Гражданину Лудовику Бонапарте, Адъютанту Главнокомандующаго въ Александріи.

Главная Квартира Гиза, 6 Термидора.

«Главнокомандующій поручаетъ мнѣ, любезный Лудовикъ, извѣстить тебя о побѣдѣ, одержанной имъ 3 числа сего мѣсяца надъ Мамелюками. Она была совершенна и одержана въ Ембабе противъ Булака. Уронъ, понесенный непріятелемъ полагаютъ убитыми и ранеными въ 2000 человѣкъ, 40 пушекъ и множество лошадей. Наша потеря была посредственна. Беи убѣжали въ верхній Египетъ. Генералъ ѣдетъ сегодня вечеромъ въ Каиръ.

«Онъ поручилъ мнѣ также сообщить тебѣ

чтобы ты отправился изъ Александріи со всѣми его пожитками, съ экипажами и съ Мальтійскими лошадьми, и съ Чивита Векхскою каретою въ Розету, гдѣ ты найдешь баталіонъ 89 полка, Генералъ-Адъютанта Альмейраса, и лодки, на которыхъ ты доплывешь по Нилу до Каира. Изъ всѣхъ его вещей, ты оставишь въ Александріи только прекрасную его дорожную карету.

«Не забудь, любезный другъ, всѣхъ пожитковъ, оставленныхъ нами въ Александріи; мы всѣ въ нихъ очень нуждаемся. Не забудь также взять все вино, книги и два ящика съ бумагами, на которыхъ написаны имена Генерала и Колло.

«Обнимаю тебя

«*БУРІЕННЪ.*»

Занятіе Каира было непосредственнымъ слѣдствіемъ Ембабегской побѣды, стоившей Мамелюкамъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Бонапарте учредилъ свою Главную квартиру въ домѣ Ельфи-Бея на большой Есбекіейской площади.

ГЛАВА VIII.

Побѣды Французской арміи.—Великодушіе Главнокомандующаго.—Распоряженія по управленію.—Милостивое воззваніе.—Покровительство, оказанное жителямъ.—Торжественное вступленіе въ Каиръ.—Адъютантъ Жюліенъ.—Депеша Клебера. — Бѣдность въ монетѣ, изобиліе въ съѣстныхъ припасахъ.—Недостатокъ багажа. — Порученіе.—Трагическая смерть Жюліена.—Блистательное мнѣніе.—Мундирная пуговица.—Учрежденіе Гражданскаго управленія въ Каирѣ. —Письмо Генерала къ брату его Іосифу.—Способы Египта.—Проэктъ заведенія колоній.—Собственноручная записка.—Порохъ.—Пушки.—Ружья.—Снаряды.—Труппа актеровъ и проч.

Походъ Французской арміи къ Каиру былъ безпрерывною цѣпью успѣховъ. Одержавъ побѣду при Рамаганіе, при Шебреиссѣ и при Пирамидахъ, разбивъ Мамелюковъ и принудивъ вождя ихъ Мурадъ-Бея бѣжать въ Верхній-Египетъ—Бонапарте не видѣлъ болѣе препонъ ко

вступленію своему въ столицу Египта послѣ двадцатидневнаго похода

Никакой завоеватель, можетъ быть, не наслаждался столько какъ Бонапарте побѣдою; но никто не былъ менѣе его способенъ употреблять во зло торжество свое.

Послѣ успѣха битвы при Пирамидахъ, Бонапарте, учредивъ свою Главную-Квартиру въ Гизѣ, издалъ предъ вступленіемъ своимъ въ Каиръ слѣдующее письмо и воззваніе:

Главная Квартира Гиза, 4 Термидора
VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ШЕЙКАМЪ И ИМЕНИТЫМЪ ГРАЖДАНАМЪ КАИРА.

«Изъ приложеннаго при семъ воззванія вы увидите, какія чувства меня одушевляютъ.

«Вчера большая часть Мамелюковъ убита или обращена въ бѣгство и я преслѣдую немногихъ, еще оставшихся.

«Переведите на эту сторону суда, на вашемъ берегу находящіяся, пришлите мнѣ пословъ съ изъявленіемъ вашей покорности; приготовьте хлѣба, говядины, соломы и овса для моей арміи; и будьте спокойны, ибо никто не желаетъ столько какъ я содѣйтвовать вашему благополучію.

Подписалъ *БОНАПАРТЕ.*»

Главная квартира Гиза, 4 Термидора,
VI года Французской Республики

БОНАПАРТЕ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩIЙ, НАРОДУ КАИРА.

«Народъ Каира, я доволенъ твоимъ поведенiе; ты хорошо сдѣлалъ, что не ополчился противъ меня. Я пришелъ для того, чтобы истребить племя Мамелюковъ, оказывая покровительство торговлѣ и уроженцамъ земли сей. Да успокоятся всѣ питающiе страхъ; да возвратятся въ свои домы всѣ, изъ оныхъ удалившiеся; да свершается молитва по обыкновенiю, какъ я желаю чтобы оная всегда свершалась. Не страшитесь ничего для семействъ вашихъ, для домовъ, для имущества и въ особенности для вѣры Пророка, мною любимаго. По необходимости управы для того чтобы спокойствiе не было нарушено,—учредится Диванъ, составленный изъ семи особъ, которыя будутъ сбираться въ *Верской* мечети; двое изъ нихъ будутъ всегда находиться при Начальникѣ города а четверо займутся обеспеченiемъ общественнаго спокойствiя и Полицейскимъ надзоромъ.»

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*»

На другой день, прежде выступленiя въ походъ со своею армiею для торжественнаго вшествiя къ Каиръ, Главнокомандующiй написалъ еще къ Пашѣ сего великаго града.

Главная квартира Гиза, 5 Термидора, VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, КАИРСКОМУ ПАШѢ.

«Намѣреніе Французской Республики при занятіи Египта, состояло въ томъ, чтобы изгнать Мамелюковъ, которые были вмѣстѣ и бунтовщиками противъ Порты и явными врагами Французскаго Правительства.

«Нынѣ, овладѣвъ онымъ чрезъ знаменитую побѣду, одержанную ея арміею, она намѣрена сохранить Пашѣ Султана, его доходы и существованіе.

«Прошу васъ увѣрить Порту что она не понесетъ никакой потери и что я буду наблюдать, дабы она продолжала получать подать, прежде ей платимую.

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*»

Черезъ четыре дня по вступленіи нашемъ въ Каиръ, Бонапарте отправилъ Адъютанта своего Жюльена съ нижепомѣщенными депешами къ Генералу Клеберу, который за раною остался въ Александріи.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАНОКОМАНДУЮЩІЙ, ДИВИЗІОННОМУ ГЕНЕРАЛУ КЛЕБЕРУ.

Главная квартира Каиръ, 9 Термидора VI года.

«У насъ въ Каирѣ, Гражданинъ Генералъ, прекрасная монета. Намъ нужны всѣ оставлен-

ные въ Александріи слитки для отдачи за наличныя деньги, коими купцы насъ снабдили. Посему я прошу васъ, собравъ всѣхъ купцевъ, коимъ были отданы вышеупомянутые слитки, взять у нихъ оные обратно. Вмѣсто того я дамъ имъ рису и хлѣба, имѣющихся у насъ въ большомъ количествѣ.

«Бѣдность наша въ наличныхъ деньгахъ равняется съ богатствомъ нашимъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что мы должны пріобрѣсть отъ торговцевъ какъ можно болѣе слитковъ и денегъ въ обмѣнъ на съѣстные припасы.

«Я не получалъ отъ васъ извѣстій со времени отправленія моего изъ Александріи; до васъ вѣрно дошло много ложныхъ слуховъ, васъ тревожившихъ. Я часто писалъ къ вамъ съ обывателями; но опасаюсь что Арабы ихъ перехватили также какъ я полагаю что и ваши посланные ими перехвачены. Я ожидаю отъ васъ увѣдомленія съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Вы ужъ конечно имѣете извѣстія изъ Франціи.

«Мы выдержали болѣе утомленія чѣмъ сколько могли перенести многіе люди. Но въ эту минуту мы отдыхаемъ въ Каирѣ, представляющемъ много способовъ. Всѣ Дивизіи тамъ собраны.

«Главный Штабъ увѣдомилъ уже васъ о военномъ дѣлѣ, предшествовавшемъ вступленію нашему въ Каиръ; оно было довольно блиста-

тельно: мы побросали въ Нилъ тысячи двѣ Мамелюкскихъ всадниковъ.

Армія очень нуждается въ своихъ багажахъ. Я послалъ Генералъ-Адъютанта Альмейраса съ баталіономъ 85 полка и съ большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ для эскадры въ Розетту. Ему поручено при возвращеніи нагрузить всѣ принадлежащія арміи вещи и проводить ихъ до Каира.

«Предпишите Начальникомъ надъ запасными Депо отправить ихъ въ Розетту. Пришлите намъ наши типографіи Арабскую и Французскую. Позаботьтесь объ отправкѣ всѣхъ винъ, водки, палатокъ, башмаковъ и проч. Пришлите всѣ эти вещи водою въ Розетту, откуда по приливѣ Нила онѣ удобно дойдутъ до Каира.

Ожидаю увѣдомленія о вашемъ здоровьѣ; желая чтобы оно скорѣе возстановилось и чтобы вы безъ замедленія къ намъ прибыли.

«Я писалъ къ Лудовику, чтобы онъ отправился въ Розетту со всѣми моими вещами.

«Сію минуту нашелъ я въ одномъ изъ Мамелюкскихъ садовъ письмо Лудовика отъ 21 Мессидора, что доказываетъ мнѣ, что одинъ изъ вашихъ курьеровъ былъ перехваченъ Мамелюками.

Поклонъ,

БОНАПАРТЕ.»

Несчастный Жюльенъ, Офицеръ, внушавшій къ себѣ большое участіе и подававшій великія надежды, сѣлъ на мель у Либійскаго берега Нила и былъ зарѣзанъ съ пятнадцатью солдатами, его сопровождавшими. Когда черезъ мѣсяцъ послѣ того, узнали по слухамъ о мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, то Главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ:

«Узнавъ что жители деревни Алькама умертвили Адъютанта Жюльена и пятнадцать Французовъ, его сопровождавшихъ,—предписываю сжечь эту деревню; для исполненія чего Генералу Ланну отправиться въ Алькамъ съ пятью стами человѣкъ и съ проводникомъ. Если ему удастся захватить Шейковъ, то онъ представитъ ихъ заложниками въ Каиръ. Онъ предастъ деревню на разграбленіе такъ, чтобы ни одинъ домъ не остался въ цѣлости. Онъ объявитъ воззваніемъ всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, что Алькамъ сожженъ за умерщвленіе Французовъ, плывшихъ по Нилу.»

Алькамъ сожгли и разграбили; но не нашли другихъ слѣдовъ сего роковаго событія кромѣ жилетной пуговицы въ пыли одной пустой хижины, находящейся далеко отъ Алькама. Все было пусто, всѣ обратились въ бѣгство, предвидя мщеніе. На пуговицѣ былъ изображенъ номеръ полка, давшаго прикрытіе.

Главнокомандующій немедленно занялся граж-

данскимъ и военнымъ устройствомъ этого края. Его надобно было видѣть въ это время, когда онъ находился во всей силѣ юности: ничто не избѣгало его рѣдкой прозорливости, его удивительной дѣятельности. Египетъ, бывшій довольно съ давняго времени предметомъ его занятій и размышленій, въ нѣсколько недѣль столько же сдѣлался ему извѣстенъ, какъ будто бы онъ жилъ въ немъ десять лѣтъ. Онъ повторилъ приказъ о соблюденіи строгой дисциплины, и этотъ приказъ въ точности былъ исполненъ. Мечети, гражданскія и духовныя заведенія, гаремы, женщины, обычаи—были тщательно уважены. По прошествіи немногаго времени, увидѣли уже Французовъ, принимаемыхъ въ лавки, живущихъ мирно съ обывателями, курящихъ съ ними трубки, помогающихъ имъ въ работахъ и ласкающихъ ихъ дѣтей.

На другой день по вступленіи своемъ въ Каиръ, Бонапарте написалъ къ брату своему Іосифу письмо, которое было перехвачено и напечатано. Напрасно сомнѣвались о достовѣрности этого письма; я какъ теперь вижу какъ онъ писалъ его; онъ прочиталъ мнѣ его и оно совершенно истинно.

Каиръ, 7 Термидора.

«Ты увидишь въ газетахъ реляціи о битвахъ и о завоеваніи Египта, которое было довольно оспориваемо для того чтобы вплести новый

лавръ въ вѣнокъ военной славы нашей арміи. Египетъ есть самая богатая страна хлѣбомъ, рисомъ, овощами, говядиною, изъ всѣхъ существующихъ на землѣ. Невѣжество оной совершенно. Нѣтъ денегъ, даже на жалованье войскамъ. Я могу черезъ два мѣсяца быть во Франціи.

«Устрой такимъ образомъ, чтобы по пріѣздѣ моемъ, я имѣлъ небольшую дачу по близости Парижа или въ Бургони. Я располагаю провести тамъ зиму.

БОНАПАРТЕ.

Гражданину Іосифу Бонапарте,
Депутату Пятисотнаго Совѣта.
въ Парижѣ.»

Изъ этого письма видно что онъ всегда любилъ Бургонь.

Объявленіе брату объ отъѣздѣ подтверждено тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ и тѣмъ что читали, равно какъ составленною имъ чрезъ нѣсколько дней и приложенною при семъ запискою о людяхъ и вещахъ, которыхъ онъ хотѣлъ доставить въ Египетъ. Записка сія докажетъ лучше всѣхъ другихъ показаній, что Бонапарте имѣлъ твердое желаніе удержать завоеванную имъ землю и учредить въ ней для Франціи колоніи. Не должно терять изъ вида что письмо сіе было написано и записка составлена гораздо прежде полученія извѣстія объ истребленіи флота.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА.

Надобно бы прислать Перре съ тремя фрегатами, на которыхъ бы находились:

600	человѣкъ конницы.
600	рекрутъ.
2000	ружей.
3000	штыковъ.
1000	сабель.
1000	паръ пистолетовъ.
4000	трехъ-фунтовыхъ ядеръ.
4000	четырехъ —— ——
6000	пяти —— ——
2000	осми —— ——
1000	двѣнадцати — ——
2000	бомбъ шести- дюймовыхъ.
6000	—— осмнадцати-дюймовыхъ.
4000	—— двадцати четырехъ-дюймов.
1000	—— двадцати-дюймовыхъ.

Запасныхъ лафетовъ.

Трехъ-фунтовыхъ	6
Четырехъ ——	6
Осми ——	6
Двѣнадцати ——	3
Пяти ——	3
Мортирныхъ станковъ	4
6-ти-фунтовыхъ	30
18-ти ——	40
24-хъ ——	20

Запасныхъ оковокъ разнаго размѣра для составленія двадцати лафетовъ.

Ружейныхъ замковъ и разныхъ вещей для составленія ружей, кромѣ дулъ и ложъ 1000.

Таковыхъ же три фрегата съ Дюмануаромъ.

Двойное противъ сего число на четырехъ корабляхъ и двухъ фрегатахъ, кромѣ людей, на нихъ находящихся, а именно:

800 человѣкъ конницы.
200 артиллеристовъ.
100 мастеровыхъ.
1200 пѣхотныхъ рекрутъ.

Сверхъ того:

4000 бомбъ 8-ми-дюймовыхъ.
1000 —— 12-ти- ————

Прислать:

Ружей	8000
Штыковъ	2000
Сабель	4000
Пистолетовъ	4000

Ядеръ:

Трехъ-фунтовыхъ	12,000
Четырехъ ———	12,000
Пяти ———	20,000
Осми ———	8000
Двѣнадцати ———	4000
Шести ———	8000
Османдцати ———	24,000

Двадцати-четырехъ-фунтовыхъ .	16,000
Двадцати ———— .	4000
Людей	700
	700
	2600
	4000

1. Труппу актеровъ.
2. Труппу танцовщиковъ.
3. Кукольныхъ комедіянтовъ для народа, по крайней мѣрѣ трехъ или четырехъ.
4. Сотню Французскихъ женщинъ.
5. Женъ всѣхъ служащихъ въ отрядѣ.
6. Двадцать Хирурговъ.
   Тридцать Аптекарей.
   Десять Лекарей.
7. Литейщиковъ.
8. Водочныхъ мастеровъ.
9. Пятдесять садовниковъ съ ихъ семействами и съ семенами для всякаго рода овощей.
10. Съ каждымъ транспортомъ прислать 200,000 пинтъ водки.
11. Прислать 30,000 аршинъ сукна синяго и алаго.
12. Прислать мыла и деревяннаго масла.

++

ГЛАВА IX.

Управленіе Египтомъ.—Приказъ.—Учрежденіе Дивана въ каждой области.—Гражданскіе Чиновники.—Письмо къ Клеберу.—Данное сему Генералу полномочіе для учрежденія управленія въ Александріи.—Дезе въ Верхнемъ Египтѣ.—Ибрагимъ-Бей разбитъ Главнокомандующимъ въ Салегіе.—Сулковскій раненъ.—Бѣдствіе при Абукирѣ.—Общія жалобы.—Уныніе.—Пагубныя слѣдствія Абукирской битвы.—Истинное положеніе Французской арміи въ Египтѣ.—Тайная переписка.—Проэктъ поѣздки Наполеона.—Планъ касательно Египта.—Возможность высадки въ Англію—Страданія арміи.—Изреченіе Бонапарте о Директоріи.—Разрушившіяся мечты.—Частная переписка.—Новыя жалобы.

Изъ сообщенныхъ мною подробностей о намѣреніяхъ Наполеона учредить въ Египтѣ колоніи, читатели видѣли, сколько нетерпѣливая сила его характера побуждала его къ заблаговременному принятію мѣръ для исполненія замысловъ, не долженствовавшихъ исполниться. Едва положилъ онъ мечь, долженствуя вскорѣ опять обнажить его, какъ умъ его занялся

учрежденіемъ въ городахъ и въ областяхъ, занятыхъ нашими войсками, временныхъ правительствъ, чрезъ которыя онъ съ рѣдкою прозорливостью старался доставить выгоды своей арміи не вредя по наружности и пользамъ страны. Такимъ образомъ, пробывъ въ Каирѣ четыре дня, употребленные на то чтобы видѣть, разсмотрѣть все, и посовѣтоваться съ тѣми, отъ коихъ онъ могъ пріобрѣсть какія либо свѣдѣнія, Бонапарте издалъ слѣдующій приказъ:

Главная Квартира Каиръ, 9 Термидора VI года.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, предписываетъ:

Статья I.

Въ каждой области Египта будетъ Диванъ, составленный изъ семи особъ, долженствующихъ блюсти выгоды своей области и сообщать мнѣ всѣ могущія возникнуть жалобы, препятствовать войнѣ деревень между собою, надзирать за негодями, наказывать ихъ требуя для сего военной помощи отъ Французскаго Коменданта, и вразумлять народъ всякой разъ, какъ сіе окажется нужнымъ.

Статья II.

Въ каждой области будетъ находиться при Французскомъ Комендантѣ Янычарскій Ага. Подъ его предводительствомъ будетъ состоять отрядъ изъ шестидесяти вооруженныхъ туземцевъ, коихъ онъ будетъ употреблять вездѣ, гдѣ

понадобится для соблюденія порядка и для удержанія всякаго въ повиновеніи и въ спокойствіи.

Статья III.

Въ каждой области будетъ Интендантъ для сбора податей и доходовъ, принадлежавшихъ до сего Мамелюкамъ, а нынѣ принадлежащихъ Республикѣ. При немъ опредѣлится необходимое число чиновниковъ.

Статья IV.

При вышесказанномъ Интендантѣ будетъ Французскій Агентъ, какъ для сношеній съ управленіемъ финансовъ такъ и для исполненія получаемыхъ имъ приказаній и для того чтобы всегда имѣть свѣдѣнія объ управленіи.

Подписано: *БОНАПАРТЕ*

Съ подлиннымъ вѣрно

БОНАПАРТЕ.»

Тотчасъ по обявленіи сего приказа, Главнокомандующій послалъ копію съ онаго къ Генералу и продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо:

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ДИВИЗІОННОМУ ГЕНЕРАЛУ КЛЕБЕРУ.

Главная Квартира Каиръ, 9 Термидора VI года.

«При семъ прилагается, Гражданинъ Генералъ, копія съ временнаго образованія Египта.

«Вы назначите Диванъ, Агу, и отрядъ изъ

шестидесяти человѣкъ, долженствующій при немъ находиться.

«Вы сдѣлаете опись всему движимому и недвижимому имуществу, принадлежащему Мамелюкамъ. Французскій Интендантъ и Агентъ немедленно отправятся къ своему мѣсту.

«Вы прикажете забрать всѣхъ лошадей подъ кавалерію.

«Прошу васъ о принятіи всѣхъ мѣръ для поддержанія спокойствія и порядка въ Александрійской области.

Поклонъ,

«БОНАПАРТЕ.»

Между тѣмъ какъ Бонапарте съ такою дѣятельностью занимался исполненіемъ своихъ замысловъ и благоустройствомъ Египта, Генералъ Дезе вступилъ въ Верхній Египетъ, преслѣдуя Мурадъ-Бея. Мы узнали что Ибрагимъ, значительнѣйшій изъ Беевъ послѣ Мурада, двинулся къ Сиріи чрезъ Бельбеисъ и Салгіе. Тогда Главнокомандующій рѣшился итти самъ противъ сего страшнаго врага и оставилъ Каиръ послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія. Всѣмъ извѣстна битва, въ которой Бонапарте откинулъ Ибрагима къ Эль-Аришу; и притомъ *я* мало вхожу въ подробности сраженій, предположивъ себѣ въ особенности разсказывать только то, что *я* видѣлъ, что *я* слышалъ и исправлять иногда, пріобрѣтшія вѣру ошибки.

Въ Салегiейскомъ сраженiи, Бонапарте думалъ что онъ потерялъ одного изъ своихъ Адъютантовъ, котораго онъ наиболѣе любилъ и который не разставался съ нами въ продолженiе Италiянскаго похода. Это былъ Полякъ Сулковскiй, о которомъ я уже нѣсколько разъ упоминалъ въ моихъ Запискахъ. На боевомъ полѣ нельзя долго предаваться одной горести; однакожъ по возвращенiи въ Каиръ, Бонапарте нѣсколько разъ говорилъ мнѣ о Сулковскомъ съ живѣйшимъ сожалѣнiемъ: *Не могу*, сказалъ онъ мнѣ однажды, *довольно похвалить характеръ, отличную храбрость и непоколебимое хладнокровiе моего бѣднаго Сулковскаго.* И часто, обращаясь опять въ сильномъ огорченiи къ нему: *Сулковскiй*, говорилъ онъ, *пошелъ бы далеко; это былъ бы драгоцѣнный человѣкъ для того, кто бы вознамѣрился воскресить Польское Государство.* Къ счастiю Сулковскiй былъ только тяжело раненъ; но этотъ храбрый воинъ, какъ читатели въ послѣдствiи увидятъ, вскорѣ обрѣлъ смерть, коею онъ съ такою храбростью пренебрегалъ.

Въ продолженiе отсутствiя Главнокомандующаго пришла тягостная вѣсть объ истребленiи Французской эскадры на Абукирской рейдѣ... 1 Августа озарило это бѣдствiе. Всѣмъ извѣстны подробности онаго. Но я долженъ сказать, что однимъ изъ обстоятельствъ, наиболѣе насъ

поразившихъ, былъ разсказъ о хладнокровіи и о геройской храбрости сына Казабіанки, Капитана, начальствовавшаго *Востокомъ*. Отецъ, будучи раненъ, принялъ въ объятія своего десятилѣтняго сына, который предпочелъ взлетѣть съ нимъ на воздухъ средствамъ къ спасенію, убѣдительно предлагаемымъ ему однимъ матросомъ. Этотъ ребенокъ былъ исполненъ храбрости и возвѣщалъ уже расположеніе къ отличнымъ талантамъ. Я сказалъ присланному отъ Генерала Клебера Адъютанту, что онъ найдетъ Главнокомандующаго около Салегіе. Онъ немедленно туда отправился и Бонапарте поспѣшно прибылъ въ Каиръ. Онъ находился оттуда миляхъ въ тридцати трехъ.

Я скажу, потому что это такъ было и многіе свидѣтели то подтвердятъ, что едва армія ступила на землю Египта, какъ отвращеніе, безпокойство, неудовольствіе, тоска по отчизнѣ овладѣли почти всѣми. Очаровательная мечта объ этомъ походѣ исчезла при самомъ началѣ. Осталась одна только существенность: она была печальна. Сколько горькихъ жалобъ слышалъ я отъ Мюрата, отъ Ланна, отъ Бертье, отъ Бессіера и отъ многихъ другихъ. Эти безпрестанныя, неумѣренныя жалобы, имѣвшія часто возмутительное свойство, сильно огорчали Наполеона и принуждали его иногда

къ строгимъ упрекамъ и къ жестокимъ выходкамъ (*). Вотъ истина безъ малѣйшаго преувеличенья. Пусть прочтутъ всю перехваченную переписку и въ ней увидятъ доказательство сего. Вотъ чѣмъ ограничивались этотъ геройскій восторгъ, эта совершенная преданность любезной Республикѣ, эта пылкая любовь къ славѣ, эта благородная гордость заставить говорить объ *исполинскомъ* походѣ. Ничего не можетъ быть глупѣе этихъ высокихъ чувствъ, созданныхъ воображеніемъ историковъ поэтовъ. Въ лонѣ своего счастливаго, прекраснаго оте-

(*) Наполеонъ разсказывалъ на островѣ Св Элены, что приведенный въ досаду, онъ бросился къ собравшимся вмѣстѣ недовольнымъ Генераламъ и, обратясь къ одному изъ нихъ, высокому ростомъ: *Вы произносили возмутительныя рѣчи,* сказалъ онъ ему; *берегитесь, чтобы я не исполнилъ моей обязанности: ваши пять футъ десять дюймовъ не помѣшаютъ вамъ черезъ два часа быть разстрѣлянными.*

Это кажется относящимся къ Клеберу. Но будучи раненъ въ голову при взятіи Александріи, онъ остался начальствующимъ въ этомъ городѣ; онъ письменно извѣстилъ объ Абукирскомъ бѣдствіи и увидѣлся съ Генераломъ Бонапарте не прежде какъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Бонапарте по довѣренности говорилъ ему въ письмѣ отъ 15 Августа: *Походъ, нами предпринятый, требуетъ мужества и притомъ разныхъ родовъ.* Это очень далеко отъ вышеописанной вспышки, которую отсутствіе дѣлало невозможною. Была ли произнесена эта рѣчь, была ли она сказана тому или другому изъ Генераловъ, а это воспоминаніе Бонапарте подтверждаетъ то что я сказалъ и можетъ быть скажу еще о разсказахъ Острова Св. Элены.

чества, посреди своихъ ближнихъ, окруженные своими друзьями, вкушая всѣ сладости жизни, они неимѣютъ даже понятія о тоскѣ удаленія, которое можно считать вѣчнымъ и о самыхъ жестокихъ нуждахъ и лишеніяхъ, переносимыхъ на враждебной, варварской землѣ.

Всѣ эти жалобы возобновились при извѣстіи о потерѣ флота. Тогда воображеніе начало у всѣхъ инымъ образомъ дѣйствовать. Всѣ, пріобрѣтшіе подъ предводительствомъ Бонапарте богатства, устрашились того, чтобы не потерять возможности онымъ пользоваться. Думали объ отчизнѣ, о любовныхъ связяхъ, объ удовольствіяхъ, объ Оперѣ и Богъ знаетъ о чемъ. Всѣ эти воспоминанія приводили въ уныніе душу и сердце. Не могли пріучить себя къ разлукѣ, коей ни что не предвѣщало конца.

Узнавъ о страшномъ Абукирскомъ бѣдствіи, Главнокомандующій былъ сильно пораженъ онымъ. Я скажу даже что мнѣ очень больно было видѣть его въ такомъ положеніи. И какимъ образомъ, не взирая на силу своего характера, могъ бы онъ восторжествовать надъ скорбью, причиняемою ему столькими несчастіями? Къ тягостнымъ чувствамъ, возбуждаемымъ въ немъ нескромными жалобами и нравственнымъ упадкомъ духа сподвижниковъ его въ славѣ, присоединилось еще огромное, положительное, невозвратное несчастіе—сожженіе нашего фло-

та. Прозорливость его, съ одного взгляда измѣрила всѣ пагубныя послѣдствія. Не было больше способовъ сообщенія съ Франціею; не было больше надежды туда возвратиться иначе какъ чрезъ постыдную капитуляцію съ раздраженнымъ непріятелемъ, предметомъ ненависти Франціи. Не было болѣе видовъ,—а это жестоко его огорчало,—сохранить свое завоеваніе. И при какихъ еще обстоятельствахъ, это бѣдствіе его поразило? Въ ту минуту какъ онъ располагалъ вскорѣ обратиться къ отчизнѣ своей съ просьбою о присылкѣ пособій. И хотятъ чтобы столь важныя отношенія, столь прискорбное положеніе въ настоящемъ, столь ненадежная будущность не сдѣлали на умъ Наполеона глубокаго, болѣзненнаго впечатлѣнія! Ужъ конечно, предполагая въ немъ безстрастіе, отъ котораго онъ очень былъ тогда далекъ, панегиристы его ошибаются полагая тѣмъ похвалить его: неужели человѣкъ, потому что онъ великъ, долженъ совершенно отдѣлиться отъ человѣчества?

Судя по сказанному мнѣ Генераломъ Бонапарте до полученія извѣстія 1 Августа, — онъ хотѣлъ, по утвержденіи за собою владѣнія Египтомъ, отправиться обратно въ Тулонъ на флотѣ, долженствовавшемъ уже сдѣлаться безполезнымъ; послать въ Египетъ войска и всякаго рода припасовъ и присоединить флотъ къ силамъ, которыя Правительству слѣдовало со-

брать противъ Англіи, какъ Французскимъ такъ и тѣмъ, кои оно могло получить отъ своихъ союзниковъ. Достовѣрно, что предъ отправленіемъ въ Египетъ, онъ представилъ Директоріи записку относительно своихъ великихъ соображеній. Необычайныя, исполинскія мысли, безпрестанно его занимали. Бонапарте всегда считалъ высадку въ Англію вещью *возможною*; но всегда окончательно *пагубною* до тѣхъ поръ пока мы будемъ на низшей противъ нея степени по флоту; и полагалъ, чрезъ различные свои способы превзойти ее въ этомъ отношеніи.

Онъ хотѣлъ отправиться на берега Океана, и воспользоваться отплытіемъ Англійскихъ флотовъ въ Средиземное Море, безпокойствомъ которое причинялъ походъ его въ Египетъ, ужасомъ который долженствовало возбудить внезапное появленіе его въ Булони и великія его пріуготовленія противъ Англіи, принудить сію державу отозвать всѣ свои силы изъ Средиземнаго моря и воспрепятствовать ей послать войска противъ Египта. Этотъ замыселъ безпрестанно вертѣлся у него въ головѣ и онъ чрезвычайно былъ бы доволенъ, еслибъ ему удалось отдать одинъ приказъ изъ развалинъ Мемфиса а другой, черезъ три мѣсяца послѣ того, изъ богатаго, многолюднаго города Лондона. Потеря флота разрушила всѣ эти соображенія и превратила въ простой сонъ всѣ дивныя, полныя

отваги мечты. Основательно ли послѣ всѣхъ его замысловъ и видовъ, предполагать въ немъ холодное безстрастiе?

Оставшись наединѣ со мною, онъ свободно предался своему огорченiю. Я замѣтилъ ему, что несчастiе конечно велико; но ему слѣдовало разсудить, что оно было бы гораздо безвозвратнѣе, еслибъ Нельсонъ встрѣтилъ насъ въ Мальтѣ или подождалъ бы насъ сутки передъ Александрiею или въ открытомъ морѣ; и онъ долженъ былъ сознаться что это было въ порядкѣ вещей, не только возможныхъ, но вѣроятныхъ. «Все,» сказалъ я, «было бы тогда безвозвратно потеряно. Оставшись здѣсь въ блокадѣ, мы должны изворачиваться сами. У насъ есть съѣстные припасы и деньги. Подождемъ будущаго и того, что сдѣлаетъ Директорiя. «*Что касается до твоей Директорiи,*» прервалъ онъ съ живостью,—«*то на нея плохая надежда.... Эти господа завидуютъ мнѣ и ненавидятъ меня; они оставятъ меня здѣсь погибнуть. А притомъ видишь ли ты всѣ эти лица? Каждый такъ и рвется отсюда.*

Онъ казалось одобрилъ сказанное мною и изъявилъ мнѣ свое удовольствiе; въ послѣдствiи онъ отдалъ мнѣ касательно этого полную справедливость. То что онъ мнѣ сказалъ, было справедливо въ ту эпоху.

Всякая новизна привлекательна. Но еще до прибытія въ Каиръ, всѣ очаровательныя мечты исчезли; что всегда случается если печальная истина совлекаетъ съ предметовъ прелесть, придаваемую имъ воображеніемъ. Это ужъ не было древнее царство Птоломеевъ, усѣянное многолюдными, богатыми городами. Это были бѣдныя развалины; и желаніе возвратиться оттуда сдѣлалось всеобщимъ: отвращеніе заступило мѣсто восторга даже у тѣхъ которые наиболѣе благопріятствовали этому замыслу. Вмѣсто помощи отъ жителей, которыхъ мы пришли разорять для того, чтобы избавить ихъ отъ ига Беевъ, мы находили всѣхъ противъ насъ: Мамелюковъ, Арабовъ поселенныхъ, Арабовъ кочующихъ и Фелаговъ. Нельзя было ручаться за жизнь того кто удалялся за двѣсти саженъ отъ обитаемыхъ мѣстъ или отъ своего отряда. Онъ попадалъ въ руки къ непріятелю, подвергавшему его жестокой смерти, ужаснымъ мукамъ или необычайному для Французовъ обхожденію. Эти чувства обнаружились во всѣхъ видахъ въ кипѣ перехваченныхъ писемъ, написанныхъ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній.

Общее мнѣніе было очень раздѣлено на счетъ вещественнаго и нравственнаго положенія Египетской арміи и на счетъ чувствъ, одушевлявшихъ тѣхъ, которые оную составляли. Истина одна: ее должно сказать.

Едва прибыли мы въ Каиръ, какъ всѣ доходившія до насъ донесенія; все что я читалъ; все что я слышалъ; всѣ письма, попадавшія въ руки Главнокомандующему,—единогласно обнаруживали жалобы и сожалѣнія. Никто изъ бывшихъ въ Египтѣ не оспоритъ печальнаго положенія арміи. Даже офиціяльныя бумаги и частная переписка въ томъ свидѣтельствуютъ. Всѣхъ вдругъ поразила разница между напыщенными преувеличеніями поэтовъ и энтузіастовъ древности о изобиліи и плодородіи земли и нищетою, въ оной царствующею; между мечтами, внушенными лживыми описаніями и печальною, разочаровывающею существенностью. Кто посмѣлъ бы сказать, что отвращеніе не было общимъ въ арміи, что единственнымъ желаніемъ какъ вождей такъ и всѣхъ, не былъ возвратный походъ? Число просьбъ объ отбытіи дѣйствительно могло привести въ отчаяніе. Даже честолюбіе сдѣлать свою дорогу, получить на военномъ поприщѣ производство и надежда обогатиться чрезъ поставки изчезли предъ трудностью положенія. Толки, въ особенности послѣ истребленія флота, не оставляли никакого мѣста надеждѣ.

Тогдашняя переписка, тѣмъ болѣе довѣрчивая, дѣятельная, выразительная и истинная, что дальность дѣлала сильнѣйшимъ изліяніе чувствъ, единогласно доказываетъ сказанное мною. Въ

ней читаешь: «Мы живемъ въ землѣ гдѣ всѣмъ смертельно надоѣло. Еслибъ армія знала ее предъ отправленіемъ изъ Франціи, то никто изъ насъ не сѣлъ бы на суда и всякой предпочелъ бы тысячу разъ смерть, бѣдственному положенію, въ которомъ мы находимся. Непріятель у насъ повсюду: впереди, назади и по сторонамъ; точно какъ въ Вандеѣ. Въ пять или въ шесть дней, у насъ умерло, безъ преувеличенья, отъ пяти до шести сотъ человѣкъ отъ жажды. Въ арміи царствуетъ всеобщее неудовольствіе: деспотизмъ никогда еще не былъ въ такой степени какъ нынѣ. Нѣсколько солдатъ закололось въ присутствіи Главнокомандующаго, сказавъ ему: «Вотъ твое дѣло.» Мы очень обманулись на счетъ этого предпріятія, столь прекраснаго и столь восхваленнаго. Видишь солдатъ, которые будучи свидѣтелями страданій своихъ товарищей, застрѣливаются; другіе кидаются въ платьѣ и съ оружіемъ въ Нилъ и погибаютъ въ волнахъ. Солдаты говорятъ, видя проходящихъ Генераловъ *Вотъ палачи Французовъ* и произносятъ сотни ругательствъ этого рода. Изъ сорока тысячъ Французовъ, всѣ желаютъ возвратиться во Францію; нѣтъ и четырехъ, которые думали бы инаго, и проч. и проч.»

Я увѣренъ, судя потому чего я по должности моей не могъ не знать, что не было ни одного человѣка, который не жалѣлъ бы о сво-

емъ отечествѣ и не желалъ бы возвратиться туда предпочтительно пребыванiю въ этомъ земномъ раю, столь восхваленномъ тѣми, которые никогда не выѣзжали изъ своего города.

ГЛАВА X.

Безпокойство Французовъ въ Египтѣ.—Брюесъ, обвиненный Наполеономъ.— Несправедливость. — Объясненіе. — Невинность Брюеса.—Доказательства.—Противорѣчія Наполеона.—Сближеніе чиселъ.—Офиціальная реляція Бертье.— Настоящее положеніе флота на рейдѣ.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ на эскадрѣ.—Оправданіе Брюеса.—

Жалобы на Египетъ были единогласны. Всѣ письма, съ тою истиною, которая проистекаетъ отъ глубокаго впечатлѣнія, говорили объ отвращеніи, овладѣвшемъ войскомъ, начиная съ перваго человѣка до послѣдняго; и о жестокомъ себялюбіи, которое вскорѣ сдѣлалось господствующимъ чувствомъ. Лишенія и страданія, причиняемыя недостаткомъ хлѣба и воды подъ палящимъ небомъ, коего зной ничѣмъ не прохлаждается; наводящее уныніе безплодіе степей, нищета деревень, неизвѣстныя въ Европѣ болѣзни, обманутыя надежды и всегдашнее мод-

чаніе на вопросъ: *Что съ нами будетъ?* Таково было наше истинное положеніе. Сколько же бѣдствіе при Абукирѣ долженствовало сдѣлать оное худшимъ, истребивъ даже надежду увидѣть отечество.

Я имѣлъ на этотъ счетъ очень искренній и продолжительный разговоръ съ Главнокомандующимъ. Спѣшу сказать, что эти мрачныя мысли, сначала имъ овладѣвшія, вскорѣ разсѣялись. Онъ опять воспріялъ то хладнокровіе, которое господствуетъ надъ обстоятельствами; то нравственное мужество, ту силу характера, ту возвышенность мыслей, которыя на минуту склонились подъ тяжкимъ бременемъ сего извѣстія. Онъ повторялъ только невыразимымъ голосомъ: *Несчастный Брюесъ, что ты сдѣлалъ?*

Я замѣтилъ изъ нѣсколькихъ выраженій, вырвавшихся у Наполеона на Островѣ Св. Элены, съ тою цѣлью, о которой я уже упоминалъ, что онъ старается сложить всю вину на Адмирала. Люди, которые непремѣнно хотятъ чтобы Бонапарте былъ исключеніемъ изъ рода человѣческаго, безжалостно обвиняли сего Адмирала въ потерѣ флота. Это несправедливо и поелику дѣло идетъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ морскихъ событій въ эту эпоху, то я войду въ большія подробности, помѣщенныя мною однакоже въ концѣ сей книги для того, чтобы не прерывать повѣствованія. Абукирское сраженіе

дѣлаетъ ихъ необходимыми и счастливъ тотъ кто можетъ возстановить память такого человѣка, какъ Адмиралъ Брюесъ.

Брюесъ — говорятъ — *не хотѣлъ* итти въ Корфу. Онъ не послушался неоднократныхъ и самыхъ положительныхъ приказаній. Представляютъ письмо, которое Бонапарте написалъ къ Директоріи. Искажаютъ слова его на островѣ Св. Элены и изъ всего этого выводятъ, что Брюесъ достославно загладилъ смертью своею, *великую ошибку*. Говорили о трудахъ и о донесеніи Капитана Барре; но надобно бы также упомянуть объ отвѣтѣ Адмирала, который не думалъ и по весьма основательнымъ причинамъ, чтобы можно было войти въ Александрійскую гавань съ кораблями такой величины, какіе были у него въ эскадрѣ. Прибавляютъ что приказанія объ отходѣ въ Корфу, были неоднократно сдѣланы. Когда же и кѣмъ? Этого ни кто не говоритъ. Съ полученія приказа 3 Іюля, до несчастной своей кончины, Брюесъ не получилъ ни строчки отъ Бонапарте и этотъ послѣдній получилъ всѣ депеши Брюеса, не прежде какъ 26 Іюля въ Каирѣ,—слѣдовательно слишкомъ поздо для того чтобы отвѣтъ на оныя могъ прійти прежде 1 Августа. Брюеса обвиняютъ еще въ томъ, что онъ *упрямо* ждалъ случившагося на рейдѣ. Какъ можно думать чтобы Адмиралъ сей оставался у Египетскихъ береговъ въ про-

тивность положительнымъ приказанiямъ Генерала своего начальника и которому онъ бы повиновался по чувству его превосходства, если не по обязанности.

Дружба и довѣренность, которыя оказывалъ мнѣ Адмиралъ Брюесъ, достославная смерть его, и ожесточенiе, съ коимъ его обвиняли,—налагаютъ на меня обязанность защищать его; ибо я не читалъ ни одной книги, въ которой, изъ подражанiя, не выставляли бы его *великую ошибку*. Да не будетъ сказано, чтобы великiе всегда приносили низшихъ въ жертву своей славѣ.

Кто обвинитель? Бонапарте. На чемъ основывается обвиненiе? На письмѣ Главнокомандующаго къ Директорiи 20 Августа 1798. Въ прежнихъ своихъ до того письмахъ онъ постоянно хвалилъ талантъ и хладнокровiе Брюеса.

Читатели увидятъ, что въ этомъ письмѣ, написанномъ чрезъ пятьдесятъ дней по вступленiи въ Египетъ, Бонапарте,—упреждая то что онъ долженствовалъ въ послѣдствiи сказать на Островѣ Св. Элены въ своихъ разговорахъ,—исказилъ обстоятельства дѣла, измѣнилъ числа, утверждалъ то, что покрайней мѣрѣ сомнительно, и поражалъ невиннаго, надѣясь чрезъ это сложить вину, въ которой его могли бы упрекнуть.

Бонапарте повелъ плохую эскадру посреди Английскихъ флотовъ. Онъ имѣлъ счастiе при-

быть въ Египетъ. Эскадра его погибла: это было болѣе чѣмъ вѣроятно; пусть читатели вспомнятъ то, что Адмиралъ Брюесъ говорилъ мнѣ во время нашего плаванія. Но поелику должно чтобы Бонапарте ни когда не подвергался ударамъ судьбы, то онъ говоритъ: *Еслибъ меня послушали, то эскадра бы не погибла.*

Это сильное желаніе всегда достигать потомства, не подлежащимъ ни какимъ ошибкамъ, въ видѣ полнаго совершенства,—довольно удавалось ему до тѣхъ поръ пока онъ еще не подвергался неудачамъ При этомъ случаѣ, его мучило впечатлѣніе, которое произведетъ на публику сей великій день. Но онъ очень бы могъ оправдаться, никого не обвиняя. Потеря флота была очевиднымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились, и въ особенности ужасной нищеты которая постигла насъ въ первый мѣсяцъ нашего вторженія, нищеты, чрезъ которую мы едва были въ состояніи кормить день за день и кусокъ за кускомъ наши морскія силы. Мы думали вступить въ обѣтованную землю; а нашли жителей враждебныхъ къ намъ по вѣрѣ и политикѣ, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, колодцевъ и водохранилищь, въ коихъ небольшое количество воды было испорчено или заражено; дороги, наполненныя Фелагами и Бедуинами, которые при нашихъ глазахъ захватывали и умерщвляли нашихъ отста-

лыхъ, рѣзали нашихъ курьеровъ и не хотѣли,— неблагодарные! быть намъ признательными за то что мы оставили прекрасный климатъ Франціи именно для того, чтобы избавить ихъ отъ Мамелюковъ!

Скажу здѣсь еще, для того чтобы уже болѣе не повторять, что истина никогда не входила *вполнѣ* въ депеши Бонапарте, тогда какъ истина сія была хоть сколько нибудь для него неблагопріятна и когда онъ могъ ее скрыть. Онъ умѣлъ переиначивать ее, искажать или объ ней умалчивать когда это было возможно. Онъ даже очень часто дѣлалъ перемѣны въ донесеніяхъ другихъ, по его повелѣнію печатаемыхъ, всякой разъ, когда оныя противорѣчили его видамъ или могли чѣмъ нибудь повредить его славѣ, его дѣламъ и мнѣнію, которое онъ желалъ, чтобы объ немъ имѣли.

Несправедливо было бы сказать, что Генералъ Бонапарте виноватъ въ погибели флота; но за чѣмъ же приписывать эту вину Брюесу? Въ этомъ по истинѣ никто не виноватъ. Великое сіе бѣдствіе было слѣдствіемъ сцѣпленія обстоятельствъ, превышающихъ власть человѣческую и много было причинъ, долженствовавшихъ содѣйствовать сему несчастію.

Вотъ какимъ образомъ, основываясь на томъ что было, я составилъ письмо къ Директоріи:

«Адмиралъ Брюесъ не могъ войти со своею

эскадрою въ старую Александрійскую гавань, которая слишкомъ мелка для такихъ большихъ кораблей, какъ его. Важныя обстоятельства принудили его ждать на Абукирской рейдѣ минуты, болѣе благопріятной для отплытія въ Корфу. Постановленіе кораблей на шпрингъ не удалось. Лѣвая сторона его линіи была атакована не взирая на двѣ поставленныя на рифѣ мортиры и каждый изъ его кораблей подвергся огню многихъ судовъ непріятельскихъ. Флотъ былъ уничтоженъ. Изъ приложеннаго при семъ списка вы увидите настоящую потерю нашу въ людяхъ и въ вещахъ. Великое сіе бѣдствіе, произведенное единственно стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, дастъ вамъ почувствовать необходимость приложить всѣ старанія къ скорой присылкѣ намъ подкрѣпленій и вещей, столь для арміи необходимыхъ.»

Въ этомъ проэктѣ донесенія не было, ни оправданія, ни порицанія; но прочитавъ мое черновое письмо, онъ началъ улыбаться и отдалъ мнѣ его назадъ говоря: «*Это слишкомъ неопредѣлительно, слишкомъ приторно; это не довольно звучно: надобно побольше распространиться о тѣхъ, которые отличились; притомъ же ты ни слова не говоришь о судьбѣ; и по твоему Брюесъ не заслуживаетъ никакого упрека. Ты не довольно знаешь людей! Постой я сочиню, пиши.*» Вотъ что онъ мнѣ продиктовалъ:

Главная Квартира Каиръ, 2 Фруктидора VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ.

«Граждане Директоры,

«18 Термидора я приказалъ дивизіи Генерала Ренье двинуться къ Ельганкѣ для того чтобы поддержать кавалерійскаго Генерала Леклерка, который дрался съ тучею конныхъ Арабовъ и поселянъ, возмущенныхъ Ибрагимъ-Беемъ. Убивъ человѣкъ пятьдесятъ поселянъ и нѣсколько Арабовъ, онъ занялъ позицію при деревнѣ Ельганкѣ. Я равномѣрно отправилъ дивизіи Генераловъ Ланна и Дюги.

«Мы шли большими переходами къ Сиріи, гоня предъ собою Ибрагимъ-Бея и армію, имъ предводительствуемую.

«Предъ прибытіемъ въ Бельбеисъ, мы освободили часть Мекскаго каравана, который Арабы захватили было съ тѣмъ чтобы увести его въ степи. Я отправилъ его въ Каиръ подъ надежнымъ прикрытіемъ. Мы нашли въ Лурениѣ другую часть каравана, составленную изъ купцевъ, которые были сперва задержаны Ибрагимъ-Беемъ, а потомъ отпущены и ограблены Арабами. Собравъ остатки онаго, я отправилъ ихъ также въ Каиръ. Произведенное Арабами грабительство, было очень значительно: одинъ изъ купцевъ увѣрялъ меня, что онъ лишился шалями и

другими Индѣйскими товарами на двѣсти тысячъ ефимковъ. Этотъ купецъ, какъ здѣсь водится имѣлъ при себѣ всѣхъ женъ своихъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ ужинать и снабдилъ ихъ необходимыми для переѣзда въ Каиръ верблюдами. Многія изъ нихъ казалось имѣли довольно пріятный видъ; но лица ихъ были закрыты по здѣшнему обычаю, къ которому армія всего труднѣе привыкаетъ.

«Мы прибыли въ Салегіе, послѣднее обитаемое мѣсто Египта, гдѣ есть хорошая вода. Отсюда начинается степь, отдѣляющая Сирію отъ Египта.

«Ибрагимъ-Бей, съ его арміею, съ сокровищами и съ женами, только что выѣхалъ изъ Салегіе. Я преслѣдовалъ его съ небольшимъ числомъ бывшей у меня конницы; мы усмотрѣли впереди насъ тянувшійся огромный обозъ его. Бывшій при ономъ Арабскій отрядъ изо ста пятидесяти человѣкъ, предлагалъ намъ сдѣлать совокупный натискъ и раздѣлить между собою добычу. Ночь приближалась, лошади наши были надорваны, пѣхота очень отдалена. Генералъ Леклеркъ напалъ на аріергардъ: мы отняли бывшія у непріятеля двѣ пушки и около пятидесяти верблюдовъ, навьюченныхъ палатками и разными вещами. Мамелюки встрѣтили натискъ съ величайшею храбростью.

«Эскадронный Командиръ 7-го Гусарскаго

полка Естре, смертельно раненъ; а Адъютантъ мой Сулковскiй получилъ семь или восемь сабельныхъ ранъ и нѣсколько ружейныхъ. Конные эскадроны 7 Гусарскаго полка, 22 Егерскаго, 3 и 5 Драгунскихъ, отлично дѣйствовали. Мамелюки чрезвычайно храбры и составляли славный отрядъ легкой конницы, богато одѣтый, вооруженный съ чрезвычайнымъ тщанiемъ и посаженный на лучшихъ лошадяхъ. Каждый Офицеръ Главнаго Штаба, каждый Гусаръ отдѣльно сражался. Лазаль, Бригадный Командиръ 22 полка, среди боя, уронилъ свою саблю; онъ съ ловкостью и удачно соскочилъ съ лошади и опять сѣвъ на нея, успѣлъ оборониться противъ одного изъ самыхъ неустрашимыхъ Мамелюковъ. Генералъ Мюратъ, Баталiонный Командиръ Адъютантъ мой Дюрокъ, гражданинъ Летрюкъ, гражданинъ Кольберъ, и сотрудникъ ихъ Арриги, попавъ въ пылу горячности въ средину битвы, подвергались наивеличайшимъ опасностямъ.

«Ибрагимъ-Бей идетъ теперь чрезъ Сирiйскую степь; онъ былъ раненъ въ сраженiи.

«Оставя въ Салегiе дивизiю Генерала Ренье и Инженерныхъ Офицеровъ для построенiя тамъ крѣпости, я отправился 26 Термидора обратно въ Каиръ. Не успѣлъ я отъѣхать отъ Салегiе двухъ миль, какъ прибывшiй Адъютантъ Клебера привезъ мнѣ извѣстiе о битвѣ, выдержанной нашею эскадрою 14 Термидора. Сообщенiя

такъ трудны, что онъ не прежде какъ въ одиннадцать дней могъ до меня доѣхать.

«18 Мессидора, я выѣхалъ изъ Александріи. Я написалъ Адмиралу чтобы онъ чрезъ двадцать четыре часа втянулся въ гавань сего города, и если эскадра его не могла войти въ оную, то чтобы онъ, немедленно сгрузивъ артиллерію и всѣ вещи, принадлежащія сухопутной арміи, самъ шелъ въ Корфу.

«Адмиралъ не счелъ удобнымъ произвесть выгрузку на томъ мѣстѣ гдѣ онъ находился стоя предъ Александрійскою гаванью, на каменьяхъ, гдѣ уже многіе корабли лишились якорей. Онъ сталъ на якорь при Абукирѣ, имѣющемъ хорошую рейду. Я послалъ Инженерныхъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ которые, согласно съ Адмираломъ заключили, что берегъ не могъ доставить ему никакой защиты и что если Англичане явятся въ продолженіе двухъ или трехъ дней, которые ему слѣдовало простоять у Абукира для того чтобы сгрузить нашу артиллерію и вымѣрять, означить Александрійскій проходъ,—то не было инаго средства кромѣ того, какъ отрѣзать канаты и что слѣдовало какъ можно менѣе времени провести предъ Абукиромъ.

«И такъ я отправился изъ Александріи въ твердой увѣренности, что черезъ три дня эскадра втянется въ Александрійскую гавань или от-

плыветъ въ Корфу. Съ 18 Мессидора до 6 Термидора, я не получилъ никакого извѣстiя ни изъ Розетты, ни изъ Александрiи. Тучи Арабовъ, сбиравшихся изо всѣхъ точекъ степи, безпрестанно находились въ пяти стахъ туазахъ отъ лагеря. 9 Термидора слухъ о нашихъ побѣдахъ и разныя принятыя мѣры, открыли наши сообщенiя. Я получилъ отъ Адмирала нѣсколько писемъ, изъ коихъ съ удивленiемъ увидѣлъ, что онъ находится еще въ Абукирѣ. Я тотчасъ написалъ ему, что онъ долженъ, не теряя ни часа, втянуться въ Александрiйскую гавань или итти въ Корфу.

«Адмиралъ извѣстилъ меня, письмомъ отъ 2 Термидора, что нѣсколько Англiйскихъ кораблей показывалось для осмотра его положенiя и что онъ принимаетъ мѣры для ожиданiя непрiятеля, стоявшаго на шпрингѣ при Абукирѣ. Эта странная рѣшительность возбудила во мнѣ сильныя опасенiя; но уже было поздо, ибо письмо, написанное Адмираломъ отъ 2 Термидора, дошло ко мнѣ не ранѣе 12 числа. Я отправилъ къ нему Гражданина Жулiена, моего Адъютанта съ приказанiемъ не уѣзжать изъ Абукира, пока онъ не увидитъ эскадру подъ парусами. Отправясь 12 числа, онъ никакъ не могъ бы поспѣть вовремя.

«8 Термидора Адмиралъ писалъ мнѣ, что Англичане удалились,—что онъ приписывалъ не-

достатку съѣстныхъ припасовъ: я получилъ это письмо 12 числа съ тѣмъ же курьеромъ.

«11 числа онъ писалъ мнѣ, что получилъ извѣстіе о побѣдѣ при Пирамидахъ и о взятіи Каира и что нашли проходъ для введенія кораблей въ Александрійскую гавань.

«14 числа вечеромъ, Англичане на него напали. Усмотрѣвъ Англійскую эскадру, онъ тотчасъ отправилъ ко мнѣ Офицера съ донесеніемъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ и о его предположеніяхъ: Офицеръ сей погибъ дорогою.

«Мнѣ кажется, что Адмиралъ Брюесъ не хотѣлъ итти въ Корфу, не удостовѣрясь прежде въ томъ, что ему нельзя войти въ Александрійскую гавань и въ томъ что армія, о которой онъ давно уже не получалъ извѣстій, находится въ такомъ положеніи, что не имѣетъ нужды въ отступленіи. Если въ этомъ пагубномъ событіи онъ сдѣлалъ ошибки, то онъ загладилъ ихъ достославною смертью.

«Судьба хотѣла, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ—доказать, что если она предоставила намъ великое первенство на сушѣ, то она отдала владычество надъ морями нашимъ соперникамъ; но сколь ни велико это бѣдствіе, а его нельзя приписать непостоянству фортуны. Она не только еще насъ не оставляетъ, но при этомъ дѣлѣ послужила намъ болѣе, чѣмъ когда либо. По прибытіи моемъ къ Александріи, узнавъ

что Англичане прошли мимо оной въ превосходныхъ силахъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, я—не взирая на страшную бурю и подвергаясь опасности утонуть, съѣхалъ на берегъ. Я помню что въ ту минуту, какъ дѣлали пріуговленія къ высадкѣ, въ отдаленіи, на вѣтрѣ показался военный парусъ (это былъ фрегатъ *Правосудіе*, шедшій изъ Мальты). Я воскликнулъ: *Фортуна не ужели ты меня оставишь? Еще только пять дней!* Мы шли всю ночь, и на разсвѣтѣ я атаковалъ Александрію съ тремя тысячами человѣкъ, утомленными, безъ пушекъ и почти безъ зарядовъ; а черезъ пять дней я сдѣлался властелиномъ Розетты и Дамангура, т. е. утвердился въ Египтѣ.

«Въ эти пять дней, эскадрѣ слѣдовало бы укрыться отъ Англичанъ, каково бы ни было число ихъ: вмѣсто того, она осталась подверженною ихъ нападенію въ продолженіе всего остатка Мессидора. Она получила изъ Розетты въ первыхъ числахъ Термидора запасъ рису на два мѣсяца. Англичане показались въ превосходномъ числѣ, въ продолженіе шести дней. 11 Термидора, она извѣстилась о совершенномъ овладѣніи Египтомъ и о вступленіи нашемъ въ Каиръ; и только увидя что всѣ милости ея безполезны, фортуна предоставила флотъ нашъ судьбѣ его.

«Подписано: *БОНАПАРТЕ*.»

Въ этомъ письмѣ, читатели безъ сомнѣнія замѣтили, прекрасныя изреченія на счетъ фортуны и судьбы: это конечно очень хорошо; но фортуна лучше бы сдѣлала приславъ ему съѣстныхъ припасовъ.

Я долженъ сказать, что Бонапарте самъ смѣялся измѣненію въ разсказѣ о несчастныхъ дѣлахъ,—измѣненію, коего цѣлью всегда было то, чтобы отклонить мысль что онъ виновникъ несчастій. Но зная, что его показаніямъ повѣрять и что вліяніе его имени преклонитъ мнѣніе въ ихъ пользу, онъ никогда не колебался скрывать истину, когда она могла повредить хоть слегка его славѣ. Онъ называлъ *глупостью* этого не дѣлать.

Необходимо было изложить вышеприведенныя обстоятельства и тѣ, которыя помѣщены мною въ приложеніяхъ, съ подтвержденіемъ оныхъ офиціальными бумагами, для отмщенія памяти храбраго Адмирала. Эти доказательства убѣдятъ разсудительныхъ людей въ моемъ показаніи: что Главнокомандующій никогда въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ намѣренія отправить немедленно эскадру въ Корфу, до овладѣнія Каиромъ и что онъ не писалъ къ Брюесу 6 Іюля письма, о которомъ онъ говоритъ. Онъ былъ слишкомъ предусмотрителенъ для того, чтобы тотчасъ лишить себя сего важнаго средства въ случаѣ

неудачи. Онъ поступилъ какъ человѣкъ, умѣвшій предвидѣть обстоятельства. Не его вина, въ томъ что флотъ погибъ, но и не Адмирала Брюеса. Передъ отъѣздомъ въ Салегіе, онъ нѣсколько разъ толковалъ со мною о намѣреніи отправиться обратно на флотѣ.

++

ГЛАВА XI.

Ель Кораимъ.—Предопредѣленіе.—Казнь.—Размолвка Бонапарте съ Клеберомъ.—Минуты отдыха.—Подробности внутренняго управленія.—Египетскій Институтъ.—Праздникъ рожденія Магомета.—Нелѣпыя сказки.—Благоразумное поведеніе относительно Мусульманской вѣры. — Бонапарте, одѣтый Туркомъ.—Джеззаръ.—Отрубленная голова.—Желаніе мести.—Первое Вандеміера.—Колонна Помпеева.—Мечта о походѣ въ Германію.—Вечернее чтеніе.—Лишеніе переписки.—Праздникъ 1 Вандеміера.—Торжество онаго въ Каирѣ.—Рѣчь Главнокомандующаго.—Исчисленіе побѣдъ.—Бонапарте и Госпожа Фуре.—Кто виноватъ.—Египетскій Пророкъ.—Предсказаніе моей судьбины.

Я упомянулъ объ имени Кораима: начну Главу сію разсказомъ исторіи этого человѣка, по которому можно себѣ составить точное понятіе о свойствахъ бо̀льшей части Египетскихъ вождей, каковыми мы нашли ихъ по прибытіи нашемъ въ ихъ землю.

Генералъ Клеберъ отправилъ на корабль *Востокъ* Александрійскаго Шерифа Сиди-Могамеда

ель Кораима, посаженнаго подъ стражу по приказанію Бонапарте за измѣну.

Онъ отдалъ объ немъ слѣдующій приказъ:

«Имѣя доказательства измѣны Сиди-Могамеда ель Кораима, осыпаннаго благодѣяніями, Главнокомандующій предписываетъ:

«Сиди-Могамедъ ель Кораимъ заплатитъ пени «триста тысячъ франковъ; въ случаѣ же невне«сенія этой пени черезъ пять дней по объявленіи «сего приказа, ему будетъ отрублена голова.»

Кораимъ долженъ былъ прибыть изъ Абукира въ Каиръ для оправданія себя по его желанію въ томъ, въ чемъ его обвиняли. По прибытіи его въ Каиръ, у него опять потребовали сто тысячъ ефимковъ для его оправданія. Онъ рѣшительно отказывался платить ихъ. Я велѣлъ однажды сказать ему чрезъ Вантюра, нашего переводчика, что если онъ хочетъ остаться въ живыхъ, то непремѣнно долженъ заплатить требуемую у него сумму для того, чтобы закрыли глаза на его измѣну; увѣряя его что Генералъ рѣшился показать надъ нимъ примѣръ. Это былъ очень красивой наружности человѣкъ, котораго положеніе возбуждало во мнѣ участіе. «Вы богаты,» сказалъ я ему чрезъ Вантюра, «принесите эту жертву.» Онъ усмѣхнулся и отвѣчалъ мнѣ: «Если мнѣ суждено теперь умереть, то ничто не можетъ меня отъ этого избавить; и я далъ бы мои піастры безполезно;

еслижъ мнѣ не опредѣлено еще умереть, то за чѣмъ давать ихъ.» Онъ былъ казненъ въ Каирѣ 6 Сентября 1798 года въ полдень; и голову его носили по городскимъ улицамъ со слѣдующею надписью:

«Кораимъ, Шерифъ Александрійскій, осужден«ный къ смерти за нарушеніе присяги вѣрности, «данной имъ Французской Республикѣ и за про«долженіе сношеній съ Мамелюками, которымъ «онъ служилъ шпіономъ.»

«Такъ будутъ наказаны всѣ предатели и клят«вопреступники.»

Посли казни Кораима ничего не нашли: онъ взялъ свои предосторожности; но этотъ примѣръ облегчилъ сборъ пеней и устрашилъ нѣкоторыхъ другихъ богачей, не столь крѣпко вѣровавшихъ въ предопредѣленіе. Отъ нихъ извлекли три или четыре миліона на расходы арміи.

Суровыя рѣчи Клебера, охужденіе имъ Египетскаго похода и грубая откровенность его переписки, произвели холодность между имъ и Главнокомандующимъ, который обнаруживалъ свое неудовольствіе словами, столь же необузданными, какъ и тѣ, которыя приписывали Клеберу. Сей послѣдній узналъ объ этомъ и написалъ къ Главнокомандующему 22 Августа 1798:

«Вы были бы несправедливы, Генералъ, еслибъ

сочли знакомъ слабости или упадка мужества горячность, съ которою я изложилъ вамъ мои нужды. Я мало забочусь о томъ гдѣ я долженъ жить или умереть, лишь бы я жилъ для славы нашего оружiя и умеръ бы также какъ я жилъ. Надѣйтесь же на меня при всякомъ стеченiи обстоятельствъ, равно какъ и на состоящихъ у меня подъ начальствомъ. Я уже сообщилъ вамъ, что происшествiе 14 числа (*) возбудило въ солдатахъ только негодованiе и желанiе мести. Правда, что я очень сердился на флотъ; я видѣлъ его въ самыхъ неблагопрiятныхъ отношенiяхъ. Огромное количество пожитковъ, выгруженныхъ въ Александрiи, родъ пышности, которою флотскiе Офицеры и теперь еще щеголяютъ на улицахъ Александрiи, очень доказываютъ что не многiе изъ нихъ понесли особенныя потери. Притомъ же Англичане имѣли безкорыстiе отдать все плѣнникамъ и не допустить чтобы у нихъ хоть что либо отняли. Не такъ поступили съ нашими сухопутными Офицерами: никто за нихъ не хлопоталъ; и будучи слишкомъ горды для того чтобы при этихъ обстоятельствахъ самимъ о себѣ ходатайствовать, они прибыли сюда совершенно нагiе и большая часть изъ нихъ, не захотѣвъ быть взятыми въ плѣнъ, предпочли броситься въ море.

(*) Потеря флота 1 Августа 1798.

Бонапарте отвѣчалъ:

«Вѣрьте, что я высоко цѣню ваше уваженіе и дружбу. Я боюсь чтобы мы нѣсколько между собою не поразладили. Вы были бы несправедливы еслибъ усомнились въ огорченіи, которое это мнѣ бы причинило. На землѣ Египта, появляющіяся облака, проходятъ черезъ шесть часовъ; мои, еслибъ они у меня появились, прошли бы чрезъ три часа. Уваженіе мое къ вамъ, покрайней мѣрѣ равняется тому, которое вы мнѣ иногда оказывали.»

Это холодное и взаимное увѣреніе въ чувствахъ уваженія, не уменьшало сильнаго отвращенія, которое они другъ ко другу питали.

Потеря флота заставила Генерала Бонапарте почувствовать необходимость поспѣшно и твердо устроить Египетъ, гдѣ по всему казазолось что мы должны долго пробыть исключая насильственнаго насъ вытѣсненія, котораго онъ вовсе не предвидѣлъ и не страшился. Уходъ Ибрагимъ-Бея и Муратъ-Бея, доставилъ ему нѣсколько спокойствія. Война, укрѣпленія, наложеніе податей, управленіе, учреждсніе Вивановъ, торговля, науки и искуства, все было предметомъ его попеченій. Умъ его обнималъ всѣ эти вещи съ достопримѣчательною предусмотрительностью. Успѣхъ увѣнчалъ его усилія; приказы и наставленія были тотчасъ отправлены съ тѣмъ чтобы,—если не помочь сему пораже-

нію, то покрайней мѣрѣ предупредить первую опасность. Для усиленія нашей арміи воспользовались средствами, которыя доставили намъ моряки, спасшіеся отъ погибели. 21 Августа Бонапарте учредилъ въ Каирѣ Институтъ Наукъ и Художествъ для распространенія и успѣха свѣдѣній въ Египтѣ равно какъ для изученія и обнародованія естественныхъ, искуственныхъ и историческихъ предметовъ древней страны сей (*). Онъ назначилъ меня туда въ послѣдствіи на мѣсто Генерала Интенданта Сюси, котораго рана, полученная имъ на флотиліи во время разговора со мною, принудила возвратиться во Францію.

Учрежденіемъ сего Института Бонапарте желалъ представить доказательство понятій своихъ объ образованіи и о введеніи полезнаго. Изложенныя причины учрежденія сего Института, исчисленіе трудовъ онаго, по его волѣ напечатанное, и журналы его засѣданій свидѣтельствуютъ объ обширности видовъ Наполеона. Сіе сословіе, при трудахъ своихъ всегда имѣло въ предметѣ то что могло быть полезнымъ Египту, Франціи и человѣчеству.

Бонапарте присутствовалъ 18 числа на торжественномъ открытіи плотины Каирскаго канала, пріемлющаго въ себя воды Нила, когда оныя достигаютъ извѣстной высоты.

(*) Смотри къ концѣ книги роспись образованія.

Через два дня наступила память рожденія Магомета; Наполеонъ праздновалъ этотъ день у Шеика Эль-Бекри, который по желанію его, уступилъ ему двухъ молодыхъ Мамелюковъ, Ибрагима и Рустана.

Писали, будто бы въ это время Бонапарте принялъ участіе въ духовныхъ обрядахъ Мусульманъ и въ наружномъ ихъ богопочитаніи; но не должно говорить чтобы онъ *праздновалъ* дни разлива Нила и рожденіе Пророка. Дѣло шло какъ водилось съ наблюденіемъ обычныхъ обрядовъ; Турки пригласили Бонапарте къ присутствію на оныхъ: онъ былъ тамъ зрителемъ и присутствіе новаго ихъ повелителя по видимому доставило имъ удовольствіе. Но онъ вовсе не думалъ о томъ, чтобы устроивать торжество: это была бы глупость и онъ очень умно сообразился съ принятыми обычаями. Онъ ни затвердилъ, ни повторялъ, ни произносилъ никакой молитвы изъ Корана, какъ многіе это говорили. Съ чего взяли представлять намъ его во многихъ книгахъ расположеннымъ принять противообщественное ученіе предопредѣленія, дозволеніе многоженства и нелѣпое ученіе Корана? У Бонапарте было много другихъ дѣлъ кромѣ того чтобы разсуждать съ Иманами о богословіи сыновъ Измаила и дѣлать омовенія. Эти обряды, на которыхъ онъ изъ политики присутствовалъ, были для него, какъ и для всѣхъ,

его спутниковъ, только любопытною новизною и восточнымъ зрѣлищемъ. Бонапарте всегда умѣлъ искусно извлекать выгоды изъ Мусульманскаго невѣжества, но не ступалъ ногою въ Мечеть, и что бы ни разсказывали а онъ одинъ только разъ одѣвался Мусульманиномъ, какъ ниже увидятъ. Онъ присутствовалъ на празднествахъ, на которыя зеленыя чалмы его пригласили (*). Вѣротерпимость Наполеона была естественнымъ слѣдствіемъ его философическаго ума.

Конечно Бонапарте имѣлъ и долженъ былъ имѣть уваженіе къ мѣстной вѣрѣ; ему слѣдовало болѣе дѣйствовать какъ Мусульманину чѣмъ какъ Католику. Искусный завоеватель долженъ поддерживать свои побѣды покровительствуя, хваля, даже превознося вѣру покореннаго имъ народа. Бонапарте, какъ онъ часто мнѣ говари-

(*) Вальтеръ-Скоттъ заключаетъ изъ сего, что онъ не колебался присоединяться къ Мусульманамъ въ наружныхъ обрядахъ ихъ вѣры; онъ украсилъ романъ свой странною фарсою погребальной храмины большой пирамиды и изреченіями, разговорами, которые будто бы Генералъ имѣлъ съ Муфтіями и Имамами прибавляя къ тому, что Бонапарте готовъ былъ принять Мусульманскую вѣру. Все что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ на этотъ счетъ, есть верхъ глупости и даже не заслуживаетъ опроверженія. Нѣтъ, Бонапарте никогда не бывалъ въ мечети иначе какъ изъ любопытства и ни разу не обнаружилъ убѣжденія въ ученіи Магомета. Эту нелѣпость, помѣщенную въ книгѣ, оскорбительной для Французскаго народа, должно выкинуть изъ исторіи.

валъ, имѣлъ правиломъ считать вѣры учрежденными людьми; но уважать ихъ вездѣ какъ могущественное средство для Правительства. Впрочемъ я не поручусь за то, что онъ не перемѣнилъ бы своей вѣры, еслибъ завоеванiе Востока было цѣною этой перемѣны. Надъ всѣмъ, что онъ говорилъ о Магометѣ, объ Исламизмѣ, о Коранѣ предъ именитыми обывателями земли сей,—онъ самъ смѣялся; но желалъ чтобы это было повторяемо и чтобы изреченiя его о вѣрѣ, будучи прелагаемы въ благозвучные стихи, въ пышную Арабскую прозу, болѣе и болѣе преклоняли въ его пользу умы жителей. Солдаты очень забавлялись всѣми этими фарсами. Стоитъ только вспомнить эпоху рожденiя армiи для того чтобы убѣдиться, что ей совершенно все равно было, говорили ли о Христiанахъ или о Магометанахъ, объ Эпископахъ или о Муфтiяхъ.

Главнокомандующiй писалъ Клеберу вввряя ему начальство:

«Христiане всегда пребудутъ нашими друзьями: надобно не допускать ихъ быть слишкомъ наглыми, для того чтобы Турки не возъимѣли и противъ *насъ* тогоже фанатизма, который они питаютъ противъ *Христiанъ*, что сдѣлало бы ихъ съ нами непримиримыми.»

Въ этомъ же смыслѣ, онъ позднѣе сего писалъ къ Мену (13 Марта 1799): «Благодарю васъ за почести, оказанныя вами *нашему* пророку.»

Я долженъ однакоже сознаться, что онъ имѣлъ съ начальниками Мусульманской вѣры многie разговоры объ этомъ предметѣ; но тутъ не заключалось никакой важности и это была одна только забава. Эти служители Корана, которые вѣроятно очень были бы ради обращенiю нашему въ ихъ вѣру, дѣлали намъ въ разговорѣ самыя большiя уступки; но эти разсужденiя, служившiя только средствомъ къ препровожденiю времени, никогда не доходили до того чтобы изъ нихъ могло произойти что либо важное. Если Бонапарте говорилъ въ духѣ Мусульманина, то онъ дѣлалъ это неиначе какъ военный и политическiй вождь въ Мусульманской землѣ. Дѣло шло о его успѣхахъ, о благоденствiи его армiи и слѣдовательно о его славѣ. Во всѣхъ земляхъ онъ сочинялъ бы свои воззванiя и произносилъ бы рѣчи на основанiи тѣхъ же правилъ: въ Индiи онъ бы почтилъ Али, въ Тибетѣ, Далай-Ламу а въ Китаѣ Конфуцiя.

Правда что Бонапарте приказалъ себѣ сдѣлать Турецкое платье, но единственно для забавы. Онъ велѣлъ мнѣ однажды итти завтракать безъ него сказавъ, что онъ придетъ послѣ; черезъ четверть часа онъ вошелъ въ своемъ новомъ нарядѣ; узнавъ его, всѣ присутствовавшiе встрѣтили его громкимъ смѣхомъ. Онъ спокойно занялъ свое мѣсто; но къ нему такъ не

пристала чалма и Турецкое платье; ему такъ было неловко и безпокойно въ этомъ непривычномъ одѣяніи, что онъ скоро отправился переодѣться и послѣ того уже ни разу не пытался повторять этотъ маскарадъ.

Около половины Августа Бонапарте завелъ переговоры съ Акрскимъ Пашею прозваннымъ *Мясникомъ*. Онъ увѣрялъ Джезара въ своей дружбѣ, испрашивалъ его пріязни и успокоивалъ его на счетъ его владѣній; онъ обѣщалъ поддержать его противъ Султана въ то самое время, какъ онъ увѣрялъ Египтянъ въ томъ, что онъ пришелъ воевать за Султана съ Беями. Но Джезаръ, увѣренный въ своихъ силахъ и въ покровительствѣ Англичанъ, предупредившихъ Наполеона, былъ глухъ ко всему,—не хотѣлъ даже принять Бовуазена, посланнаго къ нему 22 Августа и не отвѣтствовалъ. Второму посланному съ письмомъ была отрублена голова въ Акрѣ. Занятія Наполеона въ Каирѣ и необходимость болѣе утвердиться въ Египтѣ, одни только замедлили вторженіе въ область сего Паши, которое слѣдовало бы сдѣлать изъ мести за столь варварскіе поступки и по необходимости истребить или покрайней мѣрѣ ослабить столь опаснаго сосѣда.

Еще въ исходѣ Августа Главнокомандующій началъ заниматься праздникомъ Республики, столь для него драгоцѣнной. Въ приказѣ, на-

писанномъ мною со словъ его для сего празднества, все дышало его особеннымъ генiемъ. Страсть жить въ будущемъ господствовала надъ всѣми его мыслями. Онъ хотѣлъ совокупить съ симъ обрядомъ эти древнiе памятники, коихъ происхожденiе теряется во мракѣ временъ и которые стоятъ почти невредимо, между тѣмъ какъ имена воздвигшихъ оные неизвѣстны, забыты или сомнительны. Вокругъ Помпеевой колонны городъ Александрiя будетъ отправлять празднество его. На колоннѣ сей напишутся имена храбрыхъ воиновъ, падшихъ при взятiи этого города, возвѣщаемаго симъ памятникомъ изумленному мореходцу. Трехъ цвѣтный флагъ будетъ на немъ выставленъ. Древнiя развалины стовратаго града узрятъ празднество этой *безсмертной* Республики которая долженствовала черезъ нѣсколько мѣсяцевъ попасть въ число историческихъ сказокъ.

Въ дни, послѣдовавшiе за извѣстiемъ объ Абукирскомъ бѣдствiи, до возмущенiя Каира 22 Октября, время казалось иногда Наполеону долгимъ; хоть онъ и всѣмъ занимался, а неимѣлъ довольно занятiй для того чтобы оныя вполнѣ соотвѣтствовали его удивительной дѣятельности и организацiи. Когда жаръ позволялъ, то онъ ѣздилъ верхомъ и если по возвращенiи не находилъ депешъ для чтенiя, что часто случалось; если не было нужно отдавать никакихъ прика-

зовъ или отвѣчать на письма, то онъ тотчасъ углублялся въ размышленія; впадая въ уныніе, онъ разговаривалъ со мною о самыхъ странныхъ предметахъ. Однажды, послѣ долгаго молчанія, онъ сказалъ мнѣ. «Угадай, о чемъ я думаю.—Правду сказать это было бы очень трудно, вы думаете о столь многихъ вещахъ.—Не знаю, увижу ли я опять Францію; но если я увижу ее, то единственное мое честолюбіе будетъ состоять въ томъ чтобы итти походомъ въ Германію, въ долины Баваріи, выиграть большое сраженіе и отмстить за пораженіе, претерпѣнное Франціею при Гохштадтѣ. Послѣ этого, удалюсь въ деревню и буду жить покойно.» За симъ послѣдовало длинное разсужденіе о причинахъ, по которымъ онъ предпочитаетъ для войны Германію; о добротѣ нрава ея жителей и о томъ что Дезе, по пріѣздѣ въ Италію, наговорилъ ему о благосостояніи, о богатствѣ Германіи и объ удобствѣ для существованія тамъ арміи. Разговоры его были чрезвычайно продолжительны, но онъ умѣлъ возбуждать ими большое участіе.

Въ это время спокойствія и почти бездѣйствія, покрайней мѣрѣ для него, Бонапарте ложился рано. Я всякой вечеръ занималъ его чтеніемъ; слушая стихи, онъ засыпалъ. Когда онъ спрашивалъ жизнь Кромвеля, то я полагалъ что вовсе нелягу спать. Днемъ, для сокращенія време-

ни онъ читалъ и дѣлалъ выписки. Онъ часто разговаривалъ о Францiи, обнаруживая сильное огорченiе о томъ, что лишенъ извѣстiй объ оной. Ибо лишенiе переписки оставляло большую пустоту въ привычкахъ его жизни. Мы не могли получать писемъ: многочисленные Крейсеры Англiйскiе и Турецкiе, дѣлали посылку оныхъ слишкомъ опасною. Многiя письма, отправленныя на удачу съ малыми судами, были перехвачены и соблазнительно обнародованы. Тайны семействъ, даже самыя сокровеннѣйшiя излiянiя не были уважены и корыстолюбивая приманка преступныхъ барышей предала тисненiю тайны, которыя могли потревожить спокойствiе семействъ; признанiя, назначенныя только дружбѣ и жалобы, коихъ послѣдствiя отразились на людей, думавшихъ что они ввѣрили ихъ тайнѣ своей переписки.

Празднество 1 Вандемiера VII года (22 Сентября 1798), отправленное Французами во всѣхъ мѣстахъ, занимаемыхъ ими въ Египтѣ, было, какъ можно себѣ представить блистательнѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ въ Каирѣ, поелику самъ Главнокомандующiй тамъ тогда находился На именѣе достопримѣчательною вещью посреди этихъ торжествъ, доставившихъ нѣсколько разсѣянья нашей единообразной жизни, была безспорно рѣчь, произнесенная Наполеономъ. Ког-

да всѣ войска, въ отличнѣйшемъ порядкѣ прошли мимо его, то онъ сказалъ:

«Мы празднуемъ первый день VII года Республики; пять лѣтъ тому назадъ независимость Французскаго народа была угрожаема; но мы взяли Тулонъ; это было предвѣстіемъ погибели нашихъ непріятелей.

«Черезъ годъ послѣ того, вы разбили Австрійцевъ при Дего.

«Въ слѣдующій годъ вы были на вершинѣ Альпъ.

«Вы боролись противъ Мантуи два года тому назадъ и одержали знаменитую побѣду Св. Георгія.

«По прошествіи года вы были при источникахъ Дравы и Изанцо, возвратясь въ Германію.

«Кто бы сказалъ тогда, что вы будете нынѣ на берегахъ Нила въ срсдоточіи древняго материка?

«Начиная съ Англичанина, славящагося искуствами и торговлею до свирѣпаго Бедуина, вы обращаете на себя взоры свѣта.

«Солдаты, жребій вашъ прекрасенъ, поелику вы достойны того что вы сдѣлали и мнѣнія, которое о васъ имѣютъ. Вы умрете съ честью, какъ храбрые воины, коихъ имена начертаны на этой пирамидѣ или возвратитесь въ ваше отечество увѣнчаные лаврами и заслуживъ удивленіе всѣхъ народовъ.

«Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ мы удалились изъ Европы, мы постоянно были предметомъ заботливости о насъ соотечественниковъ. Въ день сей сорокъ миліоновъ гражданъ думаютъ о насъ; всѣ говорятъ: «Ихъ «подвигамъ, ихъ крови мы обязаны за всеобщій «миръ, за спокойствіе, за процвѣтаніе торговли «и за благодѣяніе гражданской свободы.»

Въ день праздника, болѣе ста пятидесяти Французовъ и Турокъ присутствовали на великолѣпномъ пирѣ: Мусульманское знамя развѣвалось подлѣ знамени Республики; луна стояла рядомъ съ шапкою свободы; Коранъ соотвѣтствовалъ правамъ человѣка.

Турки были довольно нечувствительны ко всѣмъ этимъ вещамъ; но ихъ въ особенности поразило и сдѣлало на нихъ сильное, спасительное впечатлѣніе—число нашихъ войскъ, движенія оныхъ, управленіе артиллеріею, порядокъ и удивительное устройство, царствовавшіе во всѣхъ Полкахъ.

Около половины Сентября этого года, Бонапарте приказалъ привести въ домъ Ельфи-Бея съ полдюжины Азіятскихъ женщинъ, которыхъ ему хвалили пріятности и красоту; но ихъ ухватки и тучность заставили его тотчасъ отослать ихъ назадъ. Вскорѣ послѣ того, онъ влюбился въ Госпожу Фуре, жену одного пѣхотнаго По-

ручика: она была очень хороша собою, и чрезвычайная рѣдкость въ Египтѣ такихъ женщинъ, которыя могли бы нравиться Европейцамъ, возвышала еще ея прелести. Онъ приказалъ убрать для нея домъ, смежный со Дворцемъ Ельфи-Бея, нами обитаемымъ. Около трехъ часовъ онъ часто отдавалъ приказаніе, чтобы обѣдъ былъ приготовленъ у нея: я одинъ отправлялся туда съ нимъ въ семь часовъ, а въ девять уходилъ оттуда.

Эту связь скоро узнала вся Главная квартира и она сдѣлалась общимъ предметомъ разговоровъ.

По внимательной *разборчивости* къ Г-ну Фуре, Главнокомандующій далъ ему порученіе къ Директоріи. Офицеръ сей отплылъ изъ Александріи; но судно попало въ руки къ Англичанамъ; и узнавъ о причинахъ его посылки, они изъ злости отослали отправленнаго съ депешами обратно въ Египетъ вмѣсто того, чтобы удержать его въ плѣну.

Бонапарте очень желалъ имѣть ребенка отъ этой прекрасной женщины. Я заговорилъ однажды объ этомъ, завтракая съ нимъ наединѣ. «Чтожъ дѣлать,» отвѣчалъ онъ, «когда эта дурочка не имѣетъ къ тому расположенія.»

Съ другой стороны она, когда ей представляли великую выгоду имѣть отъ Наполеона

ребенка, отвѣчала намъ: «Ужъ право... это не моя вина.»

Мы будемъ имѣть случай еще упомянуть объ этой женщинѣ.

Одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ продолженіе столькихъ вѣковъ предсказываютъ на Востокѣ будущее съ такою точностью, но въ особенности съ такою увѣренностью, былъ расхваленъ Наполеону, за его великое искуство, главнѣйшими жителями Каира, увѣрявшими его что онъ съ достовѣрностью предскажетъ ему будущее. Бонапарте приказалъ позвать его и переводчикъ Вантюръ присутствовалъ при этомъ свиданіи. Насъ было трое Французовъ, предсказатель и Шеикъ. Когда пророкъ хотѣлъ было начать свои фиглярства надъ Генераломъ, то онъ не допустилъ его и приказалъ мнѣ дозволить сдѣлать надъ собою опытъ его искуства. Я безъ затрудненія согласился. Дабы пояснить его пророчество, я долженъ сказать, что съ прибытія моего въ Каиръ, я находился въ чрезвычайномъ разслабленіи. Плаваніе по Нилу и дурная пища въ продолженіе двѣнадцати дней, меня изнурили. Я былъ ужасно худощавъ и блѣденъ.

Разсмотрѣвъ мои руки, пощупавъ у меня пульсъ, лобъ и затылокъ, онъ принялъ на себя видъ, показывающій участіе и соболѣзнованіе, пожалъ плечами и сказалъ Вантюру, что онъ

не полагаетъ удобнымъ объявить мнѣ о моемъ жребіи. Я далъ ему знать, что онъ можетъ говорить что ему удобно и что я ко всему буду равнодушенъ; послѣ многихъ затрудненій съ его стороны и убѣжденій съ моей, онъ наконецъ объявилъ что *земля Египетская приметъ меня черезъ два мѣсяца.*

Я поблагодарилъ его и онъ былъ отпущенъ. Когда мы остались одни, то Генералъ спросилъ у меня: «Ну что ты объ этомъ скажешь?—Скажу, что онъ не много подвергался опасности солгать предвѣщая мою кончину. Судя по состоянію, въ которомъ я нахожусь, можно биться объ закладъ, что я умру; но если Лудовикъ пришлетъ вина, о которыхъ я его просилъ, то вы увидите, что я поправлюсь.»

++

ГЛАВА XII.

Г. Бертолетъ и Шейкъ Ель-Берки.— Арія Марлборуга.—Заговоръ.—Возмущеніе Каира.—Отвѣтъ часоваго.—Смерть Генерала Дюпюи.—Приказы Главнокомандующаго.—Смерть Сулковскаго.— Печаль Наполеона.—Рѣшительность Каирскихъ вождей. — Конецъ возмущенія. — Ночныя казни.— Походъ Евгенія Богарне и Круазье противъ племени Арабовъ.—Отрубленныя головы.—Интендантъ Сюси.—Отправленіе раненыхъ.—Умерщвленіе.—Предположенія Египетскаго похода.—Письмо къ Типо-Саибу.

Искуство поражать людей, всегда занимало важное мѣсто въ наукѣ управлять людьми и Бонапарте не хуже прочихъ зналъ эту часть управленія. Онъ не пропускалъ ни одного случая блеснуть предъ Египтянами превосходствомъ Франціи въ наукахъ и въ искуствахъ. Но не разъ случалось, что простой инстинктъ Египтянъ ниспровергалъ попытки его въ этомъ отношеніи. Черезъ нѣсколько дней

послѣ посѣщенія мнимаго пророка, о которомъ я говорилъ въ предъидущей Главѣ, онъ захотѣлъ если мнѣ можно такъ выразиться, противопоставить чародѣя чародѣю и для этого пригласилъ главнѣйшихъ Шейковъ на химическіе опыты, производимые Бертолетомъ. Генералъ ожидалъ насладиться ихъ изумленіемъ; но всѣ чудеса превращенія спиртовъ, потрясенія электричества и гальванизма нисколько ихъ не удивили; они смотрѣли на дѣйствія нашего искуснаго химика съ непоколебимымъ хладнокровіемъ. Когда Бертолетъ кончилъ, то Шейкъ Эль-Бекри спросилъ у него чрезъ переводчика: «Все это прекрасно, но можетъ ли онъ сдѣлать, чтобы я въ одно время былъ и здѣсь и въ Марокѣ?« Бертолетъ вмѣсто отвѣта пожалъ плечами. — «Если такъ,» сказалъ Шейкъ, «то онъ вовсе не колдунъ.»

Наша музыка также не производила на нихъ большаго вліянія; они равнодушно слушали піесы, при нихъ играемыя, кромѣ однакожъ аріи Марлборуга; когда ее играли, то физіогномія ихъ одушевлялась, черты ихъ приходили въ движеніе: и они начинали двигаться, какъ будто бы сбираясь плясать.

Нѣсколько недѣль какъ небрежность, дитя времени, разрушающая всѣ полезныя учрежденія, ослабила тщательное исполненіе отданнаго тотчасъ по прибытіи нашемъ въ Каиръ при-

каза наблюдать за крикунами мечетей. Они обыкновенно въ извѣстные часы ночи, на распѣвъ возсылаютъ мольбы Пророку. Такъ какъ это было всегда одно и тоже, то на нихъ не стали болѣе обращать вниманія. Турки замѣтили эту оплошность. Завоевателями всегда недовольны. Они замѣнили молитвы воззваніями къ бунту и этотъ родъ словеснаго телеграфа передавалъ сіи возгласы на оконечности Юга и Сѣвера этой обширной страны. Чрезъ этотъ способъ и посредствомъ тайныхъ пословъ, укрывавшихся отъ вниманія нашей слабой Полиціи и распространявшихъ истинные или поддѣльные фирманы Султана, которые опровергали мнимое согласіе Франціи съ Портою и возбуждали къ войнѣ,—Туркамъ удалось мало помалу устроить во всемъ краю планъ общаго бунта, долженствовавшаго вспыхнуть повсюду въ назначенный день. Тайна онаго была сохранена съ постоянствомъ и точностію, которыя могутъ быть внушены только духовнымъ изувѣрствомъ и ненавистію къ чуждому игу. Они ни во что сочли великолѣпный праздникъ, забавлявшій ихъ мѣсяцъ тому назадъ.

Послѣдній знакъ былъ поданъ съ верха мечетей въ ночи съ 20 на 21 Октября; и поутру этого дня Главной квартирѣ было донесено, что городъ Каиръ весь взбунтовался. Главнокомандующій не былъ, какъ писали, на островѣ

Раудагѣ: онъ не слыхалъ возвѣщенной пушечными выстрѣлами тревоги. Онъ вставалъ въ то время какъ эта вѣсть къ нему пришла: было пять часовъ. Ему донесли что всѣ лавки заперты и Французы повсюду атакованы. Черезъ нѣсколько минутъ узналъ онъ о смерти Генерала Дюпюи, Коменданта города, заколотаго пикою на улицѣ. Главнокомандующій, тотчасъ сѣвъ на лошадь, отправляется въ сопровожденіи только тридцати вожатыхъ на всѣ угрожаемыя мѣста, возстановляетъ довѣренность и съ большимъ присутствіемъ духа дѣлаетъ сильныя распоряженія къ оборонѣ.

Главнокомандующій оставилъ меня одного съ часовымъ. Но ему такъ обстоятельно донесли о положеніи бунтовщиковъ и я имѣлъ такую довѣренность къ его предусмотрительному уму, къ его дѣятельности, къ искуству его распоряженій, что я вовсе не тревожился и ожидалъ его возвращенія съ совершеннымъ спокойствіемъ. Это спокойствіе не оставило меня даже и тогда, когда изъ дверей, выходившихъ на площадь Эз-Бекіе я увидѣлъ, что бунтовщики устремились въ другую сторону къ дому Г. Естева, Главнаго Казначея, намѣреваясь разграбить казну. Сопротивленіе было довольно продолжительно для того, чтобы дать время войску подоспѣть къ нему на помощь. Осмотрѣвъ всѣ посты и сдѣлавъ самыя благо-

разумныя роспоряженiя, Бонапарте возвратился въ Главную квартиру и увидѣвъ меня все еще съ часовымъ, отъ котораго я не отходилъ, онъ смѣясь спросилъ у него боялся ли я. «Совсѣмъ нѣтъ Генералъ, могу васъ въ томъ увѣрить.»

Генералъ Дюпюи, Комендантъ города, былъ убитъ въ первые часы бунта предъ отрядомъ, который онъ велъ противъ мятежниковъ. Я обѣдалъ у него наканунѣ. Отправляясь къ нему, я былъ остановленъ на торговой площади многочисленною толпою: наказывали палками человѣка, укравшаго нѣсколько финиковъ. Я былъ верхомъ, въ сопровожденiи слуги; Ага, съ которымъ мы каждой день видались въ главной квартирѣ, узналъ меня и раздвинулъ толпу, такъ что я достигъ до несчастнаго, котораго наказанiе прiостановили. Крикъ его, и просьбы ближайшихъ зрителей, побудили меня просить Агу ограничить наказанiе ударами, имъ уже полученными: онъ охотно на то согласился. Преступника развязали и унесли: ноги его были окровавлены. Невозможно изобразить чрезвычайную радость народа.

Однакожъ возмущенiе было общее отъ Сiенны до озера Мареотиса.

Едва Бонапарте возвратился въ главную квартиру (это было въ восемь часовъ утра), какъ онъ завтракая узналъ, что конные Арабы Бе-

22*

дуины угрожаютъ вступить въ городъ. При немъ находились его Адъютанты: онъ тотчасъ приказалъ Сулковскому сѣсть на лошадь, взять пятнадцать вожатыхъ и отправиться къ наиболѣе угрожаемымъ воротамъ Баб-ель-Нассаръ или воротамъ Побѣды. Товарищъ его замѣтилъ Главнокомандующему, что Сулковскій только что началъ выздоравливать отъ многочисленныхъ ранъ, полученныхъ имъ при Салегіе и что онѣ еще не закрылись. Онъ предлагаетъ заступить его мѣсто, имѣя къ тому свои причины. Бонапарте охотно былъ согласенъ, но Сулковскій уже отправился. Едва прошелъ часъ, какъ одинъ изъ пятнадцати вожатыхъ обагренный кровью, воротился съ донесеніемъ что Сулковскій и четырнадцать вожатыхъ изрублены въ куски. Это скоро сдѣлалось, ибо мы еще сидѣли за столомъ, когда пришла сія печальная вѣсть.

Этотъ молодой и любезный Полякъ, былъ, какъ я уже сказывалъ, Офицеръ, подававшій самыя большія надежды, исполненный ума и разсудительности, столькоже свѣдущій какъ храбрый, и любимый всѣми. Генералъ чрезвычайно какъ жалѣлъ объ немъ. Мнѣ пріятно говорить добро о тѣхъ, которые въ эти несчастныя времена, услаждали наше положеніе ихъ любезнымъ нравомъ и ихъ умными разговорами. Сулковскій читалъ 2 Сентября въ Египет-

скомъ Институтѣ, коего онъ былъ членомъ, прекрасно составленный отчетъ о дорогѣ отъ Каира до Салегiе.

Мортиры были поставлены на горѣ Мокатамѣ, повелѣвающей Каиромъ. Чернь, вытѣсненная изъ всѣхъ главныхъ улицъ, столпилась на площади большой мечети и въ прилежащихъ къ ней улицахъ, которыя она загородила. Огонь поставленной на высотахъ артиллерiи, два дня безпрерывно продолжался, но я не знаю присоединялся ли къ нему громъ небесный, для того какъ говорили дабы показать что самое Небо возстаетъ противъ бунтовщиковъ. Люди обыкновенно нѣсколько любятъ чудесное.

Главные начальники Каира, въ числѣ двѣнадцати членовъ Дивана, были взяты и посажены подъ стражу въ одной изъ залъ дома Главнокомандующаго. Они съ непоколебимымъ спокойствiемъ ожидали заслуженной ими смерти. Но Бонапарте захватилъ ихъ только временно какъ заложниковъ. Состоявшiй при Наполеонѣ Ага, прохаживаясь съ нами по комнатѣ, удивлялся что ихъ не казнятъ и говорилъ какъ мнѣ, такъ всѣмъ прочимъ, пожимая плечами и дѣлая тѣлодвиженiе, поощряющее къ дѣйствiю: *Они этого ожидаютъ*.

На третiй день бунтъ кончился и все пришло въ порядокъ. Множество плѣнниковъ отвели въ цитадель. Приказомъ, мною всякой вечеръ

писаннымъ, повелѣвалось ночью казнить по двѣнадцати изъ нихъ; послѣ чего ихъ сажали въ мѣшки и бросали въ Нилъ: это происходило такимъ образомъ довольно долго. Въ числѣ казненныхъ ночью, было много женщинъ. Мнѣ неизвѣстно чтобы число жертвъ доходило до тридцати въ день, какъ Бонапарте этимъ хвалился Генералу Ренье, которому онъ писалъ черезъ шесть дней по возстановленіи спокойствія: *Всякую ночь мы рубимъ головы человѣкамъ тридцати и въ томъ числѣ многимъ изъ вождей: это я думаю послужитъ имъ хорошимъ урокомъ.* Я думаю что онъ не много преувеличивалъ свою праведную месть и слишкомъ на словахъ былъ щедръ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого возмущенія въ Каирѣ, необходимость обеспечить наше существованіе, принудила къ ужасному дѣлу. Племя непокорныхъ Арабовъ, живущихъ близъ Каира захватило и умертвило многихъ Французовъ. Главнокомандующій приказалъ Адъютанту Круазье отправиться на мѣсто, окружить племя, разрушить его лачушки, убить всѣхъ мужчинъ а остальныхъ привести въ Каиръ. Приказано было, отрубивъ мужчинамъ головы, складть оныя въ мѣшки и привезти на показъ Каирскому народу. Евгеній Богарне былъ посланъ вмѣстѣ съ Круазье, который горѣлъ желаніемъ изгладить воспомина-

ніе о Дамангурскомъ дѣлѣ и съ радостью отправился на этотъ подвигъ.

На другой день отрядъ возвратился. Многія Арабскія женщины дорогою разрѣшились отъ бремени; дѣти умерли отъ голода, жара и утомленія; и въ пятомъ часу прибыли на площадь Эз-Бекіе ослы, навьюченные мѣшками. Они были развязаны всенародно и головы покатились предъ сбѣжавшеюся многолюдною толпою. Не могу изобразить чувство, мною овладѣвшее; но я не долженъ умолчать, что эта рѣзня обеспечила на долгое время спокойствіе и жизнь небольшихъ каравановъ, посылаемыхъ для нуждъ арміи по всѣмъ направленіямъ.

Главнокомандующій, вскорѣ послѣ потери своего флота, вознамѣрился съѣздить въ Суецъ, осмотрѣть слѣды древняго канала, соединявшаго Нилъ съ Аравійскимъ заливомъ, и переправиться чрезъ это море. Возмущеніе Каира заставило его отложить исполненіе этого намѣренія до Декабря мѣсяца.

До отъѣзда своего въ Суецъ, Бонапарте позволилъ Генералъ Интенданту Сюси возвратиться во Францію. Онъ былъ раненъ въ правую кисть руки на Шебекѣ *Оленъ*. Это было чрезъ нѣсколько дней послѣ Шебреисскаго сраженія, тогда какъ мы ежедневно подвергались нападеніямъ отъ Фелаговъ и Арабовъ, съ обоихъ береговъ насъ тревожившихъ. Я разговари-

валъ съ нимъ на палубѣ, когда онъ былъ раненъ: сначала рана казалась нисколько не важною; но чрезъ нѣсколько времени онъ не могъ уже владѣть рукою. Генералъ Бонапарте отправилъ судно съ ранеными и съ больными, почти неизлечимыми въ числѣ около осмидесяти человѣкъ. Почти всѣ завидовали ихъ участи; всякому хотѣлось съ ними отправиться; но на этотъ счетъ начальство было очень строго. Имѣвшіе въ этомъ неудачу послѣ не раскаялись: никогда не знаешь чего желаешь. Капитанъ Маренго присталъ къ Августѣ въ Сициліи полагая что онъ остановился у дружескаго берега; его подвергли двадцати двухъ дневному карантину и о прибытіи этого судна извѣстили дворъ, находившійся въ Палермѣ. Они были умерщвлены 25 Генваря 1799 года. Неаполитанскій фрегатъ спасъ двадцать одного Француза; но ихъ отвезли въ Мессину, гдѣ они были заключены.

Намъ разсказывали тогда въ Египтѣ, что священное имя вѣры было употреблено для того, чтобы поощрить къ этому варварскому поступку и что символы оной были выставлены въ продолженіе убійства для поощренія.

Прежде чѣмъ Бонапарте рѣшился напасть на Турецкій авангардъ въ долинахъ Сиріи,—онъ думалъ еще о замыслѣ атаковать Британскую Индію чрезъ Персію. Онъ удостовѣрился чрезъ

посланныхъ имъ на мѣста агентовъ, что Персидскій Шахъ согласится, за выданную ему впередъ плату, дозволить учредить въ назначенныхъ мѣстахъ магазины для военныхъ снарядовъ, одежды и аммуниціи. Бонапарте часто говорилъ мнѣ, что еслибъ по покореніи Египта, онъ имѣлъ пятнадцать тысячъ человѣкъ для того, чтобы тамъ оставить и тридцать тысячъ, коими бы могъ располагать, то онъ пошелъ бы къ Ефрату: онъ неоднократно обращалъ вниманіе на степи, которыя должно перейти для того, чтобы достигнуть Персіи. Сколько разъ ложился онъ брюхомъ на прекрасныя карты, имъ привезенныя. Онъ помѣщалъ меня подлѣ себя для того чтобы объяснить мнѣ походъ сей. Это напоминало ему побѣды Александра, его любимаго героя, къ имени коего, онъ такъ желалъ присоединить свое. Но я долженъ сказать, что онъ очень чувствовалъ, что всѣ эти замыслы слишкомъ мало согласовались съ нашими средствами, со слабостью правительства и съ отвращеніемъ, ощущаемъ уже арміею въ этихъ степяхъ: лишенія и нищета неразлучны со всѣми этими дальними походами.

Эта любимая мысль обладала еще имъ за двѣ недѣли до того дня, пока былъ рѣшенъ походъ его въ Сирію и онъ писалъ 25 Генваря 1799 года Типпо Саибу:

«Вы уже извѣстились о прибытіи моемъ на

берега Чермнаго Моря съ безчисленною, непобѣдимою арміею, горящею желаніемъ избавить васъ отъ желѣзнаго ига Англіи.

«Спѣшу сообщить вамъ желаніе мое получить отъ васъ чрезъ Маскатъ или чрезъ Мокку увѣдомленіе о политическомъ состояніи, въ которомъ вы находитесь. Я бы даже желалъ, чтобы вы могли прислать въ Суецъ или въ Каиръ какого нибудь искуснаго человѣка, облеченнаго вашею довѣренностью, съ которымъ я бы могъ вступить въ переговоры.» (*)

(*) Несправедливо, какъ часто повторяли, будтобы Типпо-Саибъ писалъ къ Генералу Бонапарте. Онъ не отвѣчалъ на письмо отъ 25 Генваря. Это легко можно понять, сообразивъ великую трудность сообщеній, значительное разстояніе и краткій промежутокъ времени между 25 Генваремъ и 20 Апрѣлемъ,—днемъ въ который пала Имперія Низора.

++

ГЛАВА XIII.

Отъѣздъ Главнокомандующаго въ Суецъ. — Чрезвычайный холодъ.—Сженіе костей.—Переправа чрезъ Чермное море.—Источникъ Моисеевъ. — Монахи горы Синая.—Открытіе проведеннаго канала. — Возвращеніе въ Суецъ.—Всеобщій безпорядокъ и опасность.—Возвращеніе въ Каиръ.—Заемъ денегъ въ Генуѣ.—Новыя замыслы на Сирію.—Неудовольствіе Оттоманской порты. — Враждебное дѣйствіе. — Сомнительныя вѣсти изъ Франціи. — Гг. Ливронъ и Гамеленъ. — Рѣшенный планъ вступить въ Азію. — Отрывокъ изъ письма къ Дезе о военныхъ слухахъ въ Европѣ.

Мы отправились въ Суецъ 24 Декабря и прибыли туда 26. Наканунѣ мы останавливались лагерёмъ въ степи, за нѣсколько миль отъ Адгерота близъ небольшаго дерева, которое есть рѣдкость въ этихъ степяхъ. День былъ чрезвы-

чайно знойный; но вечеромъ въ одиннадцать часовъ сдѣлался холодъ, совсѣмъ несоразмѣрный съ дневнымъ жаромъ. Бонапарте также на него пожаловался. Въ этой степи, служащей путемъ каравановъ Суеца, Тора и земель, расположенныхъ на сѣверѣ Аравіи—въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ погибаетъ отъ многихъ причинъ столько существъ, чрезъ оную проходящихъ, что кости ихъ разсѣянныя по дорогѣ, совершенно ее указываютъ. Для замѣны дровъ, коихъ у насъ вовсе не было, мы собрали значительное количество этихъ остатковъ людей и всякаго рода животныхъ; даже самъ Монжъ пожертвовалъ нѣсколькими необыкновенными головами, которыя онъ, замѣтивъ на пути, везъ въ каретѣ Главнокомандующаго: она везла въ Суецъ его бумаги и карты, Монжа, Бертолета и меня, когда мнѣ разсужалось въ нея сѣсть. Вѣроятно никогда еще такой экипажъ не проѣзжалъ по этимъ пескамъ и закругленнымъ камнямъ. Едва зажгли эти кости, какъ нестерпимый запахъ принудилъ насъ снять нашъ лагерь и перенести его гораздо дальше впередъ, ибо вода была слишкомъ рѣдка для того чтобы употреблять ее на потушеніе этого зловоннаго костра.

Бонапарте употребилъ 27 число на осмотръ города Суеца и гавани и на отданіе приказаній о нѣкоторыхъ фортификаціонныхъ пост-

ройкахъ и на счетъ флота. Онъ боялся, что и дѣйствительно случилось по отъѣздѣ его изъ Египта,—прибытiя какихъ либо отрядовъ изъ Восточной Индiи, въ которую онъ намѣревался вторгнуться; отряды сiи въ послѣдствiи содѣйствовали къ потерѣ его завоеванiя.

28 числа утромъ мы перешли черезъ Красное Море по сушѣ (*) отправляясь къ источникамъ Моисея, находящимся почти въ мирiаметрѣ отъ восточнаго берега и немного на юго-западъ отъ Суеца: Аравiйскiй заливъ оканчивается въ пяти тысячахъ метрахъ къ Сѣверу отъ сего города. Чермное море не имѣетъ близъ гавани, болѣе полуторы тысячи метровъ широты. При отливѣ чрезъ него всегда можно переходить въ бродъ. Караваны Тора и горы Синая всегда проходятъ въ этомъ мѣстѣ, слѣдуя въ Египетъ или обратно. Это сокращаетъ почти мирiаметромъ ихъ путь. Приливъ въ Суецѣ бываетъ отъ пяти до шести футъ; при сильномъ же вѣтрѣ, онъ часто доходитъ отъ девяти до десяти футъ.

Мы просидѣли нѣсколько часовъ у главнаго изъ такъ называемыхъ Моисеевыхъ источниковъ, которые находятся не на западномъ берегу Аравiйскаго залива, какъ я читалъ въ одной ученой книгѣ, а въ Азiи, на восточномъ

(*) Съ незапамятныхъ временъ, народы слѣдующiе по этой дорогѣ, называютъ ее Эль-Магади-е, *проходъ*.

берегу. Воду изъ этихъ источниковъ мы употребили на свареніе кофе, который едва можно было пить отъ солоноватаго вкуса, ею оному сообщеннаго.

Не скажу ничего о Синайскихъ отшельникахъ, я не имѣлъ чести ихъ видѣть; не видалъ я также и книги, заключающей имена Али, Сала-Эддина, Ибрагима или Авраама, въ которую Бонапарте будто бы вписалъ свое имя. Мы усмотрѣли только издали нѣсколько высокихъ горъ, которыя намъ назвали Синаемъ и которыя дѣйствительно находились въ этомъ направленіи. Я разговаривалъ чрезъ переводчика съ нѣсколькими Арабскими вождями изъ Тора и окрестностей. Имъ дали знать, что мы туда прибудемъ и что они могутъ пріѣхать къ *источникамъ* для принесенія Французскому Генералу благодарности за покровительство, оказываемое ихъ караванамъ и торговлѣ ихъ съ Египтомъ. Бонапарте подписалъ 19 Декабря, предъ отъѣздомъ въ Суецъ, родъ охраннаго листа, освобожденіе отъ налоговъ для монастыря горы Синая, дабы онъ могъ передать *будущимъ племенамъ* воспоминаніе о нашемъ завоеваніи; онъ далъ ему этотъ охранный листъ изъ уваженія къ Моисею и къ Іудейскому народу, котораго лѣтописи, напоминаютъ намъ самые отдаленные вѣка; и онъ далъ ему оный потому что монастырь горы Синая обитаемъ

людьми учеными и образованными посреди варварства степей: этимъ все ограничивается.

Хотя вода осьми небольщихъ ключей, составляющихъ источникъ Моисея и менѣе солона чѣмъ изъ колодцевъ, вырытыхъ въ другихъ мѣстахъ степи, но она какъ я сказалъ все имѣетъ солоноватый вкусъ и не утоляетъ жажду такъ, какъ прѣсная вода. Вода сія течетъ и безпрестанно возобновляется; она прозрачна и не имѣетъ слишкомъ непріятнаго запаха.

Возвращаясь въ тотъ же день въ Суецъ, мы взяли нѣсколько въ лѣво для того чтобы посѣтить развалины большаго водохранилица, устроеннаго, какъ сказываютъ въ продолженіе войны Венеціянцевъ съ Португальцами, происходившей по открытіи прохода въ Восточную Индію объѣзжая мысъ Доброй Надежды. Спускаясь обратно къ морю, Бонапарте первый усмотрѣлъ каналъ отъ трехъ до четырехъ сотъ метровъ длины, очень хорошо сохранившійся и устроенный прочно изъ камня; каналъ сей можно бы съ малыми издержками исправить. Кажется что эти постройки были сдѣланы для провода въ изобиліи воды къ кораблямъ, стоящимъ у западнаго берега Аравійскаго залива.

Бонапарте отправился обратно въ Суецъ вечеромъ того же дня какъ онъ оттуда выѣхалъ. Ночь уже наступила, когда мы достигли берега моря. Вода прибывала и была уже довольно

высока. Мы немного совратились съ той дороги, по которой шли утромъ. Проводникъ насъ обманулъ, мы заблудились и пошли нѣсколько ниже чѣмъ бы слѣдовало. Безпорядокъ вскорѣ между нами распространился, но мы не попали, какъ говорятъ, въ болото, ибо его не было. Мы не видѣли одинъ другаго, но мы кричали и звали другъ друга. Генералъ Кафарелли, подлѣ коего мнѣ случилось быть, подвергался нѣкоторой опасности потому что деревянная нога его мѣшала ему хорошо держаться въ водѣ на лошади. Къ нему бросились на помощь и съ обѣихъ сторонъ его поддержали. Я читалъ, но не видалъ и не слыхалъ тогда чтобы приливъ поглотилъ Главнокомандующаго, еслибъ одинъ изъ проводниковъ не спасъ его, вынеся его на плечахъ своихъ. Еслибъ опасность была такова, то всѣ, которыхъ не кому было нести погибли бы, а никто не погибъ. Ни Бертье въ своемъ повѣствованіи, ни Наполеонъ на островѣ Св. Элены, не говорятъ объ этомъ обстоятельствѣ. Проводнику пришлось бы итти въ водѣ до подбородка. Лошади его и Главнокомандующаго, пущенныя въ темнотѣ на волю, произвели бы безпорядокъ въ небольшомъ отрядѣ и въ бюлетенѣ было бы о томъ упомянуто: это чистая выдумка. Бонапарте избавился также какъ и другіе отъ существенной опасности, коей онъ подвергался со своими спут-

никами. Послушаемъ его на островѣ Св. Элены: «Воспользовавшись отливомъ, я отправился чрезъ Чермное море по сушѣ. На возвратномъ пути я заблудился при возрастающемъ приливѣ и подвергся большой опасности. Я едва не погибъ подобно Фараону, что конечно доставило бы Христiанскимъ витiямъ славный текстъ для проповѣдей противъ меня».

Всё это справедливо: небольшой караванъ, отправившiйся отъ источника Моисеева, подвергся тойже опасности, какъ Фараонъ и могъ бы подобно ему погибнуть.

На другой день утромъ, Главнокомандующiй, идя со мною пѣшкомъ по западному берегу залива, увидѣлъ ѣдущаго къ намъ человѣка верхомъ. Онъ остановился; всадникъ подъѣхалъ: это былъ одинъ изъ вожатыхъ, по имени Семенъ, который отставъ немного при возвращенiи отъ источника и услыхавъ раздающiйся съ моря крикъ, не захотѣлъ пуститься туда одинъ и безъ проводника. Объѣхавъ кругомъ по восточному берегу залива, онъ возвращался въ Суецъ, когда встрѣтилъ своего Генерала. «*Онъ не дуракъ*,» сказалъ мнѣ Бонапарте когда вожатый отъ него отъѣхалъ. Генералъ узналъ его, ибо онъ былъ смотрителемъ дома его въ улицѣ Побѣды.

По возращенiи въ Каиръ, Генералъ захотѣлъ увидѣть слѣды канала, соединявшаго въ древнiя

времена Чермное Море съ Ниломъ чрезъ Бельбеисъ. Г. Лепëръ, членъ Египетскаго Института (нынѣ Главный Инспекторъ Путей Сообщенія), составилъ на мѣстѣ, по приказанію Главнокомандующаго, прекрасное описаніе, на которое можетъ совершенно положиться всякой, желающій получить точное понятіе объ этомъ древнемъ сообщеніи и о высотѣ водъ. Трудно было въ степи и съ такими небольшими средствами, какія имѣлъ у себя Г. Лепëръ, сдѣлать болѣе полное обозрѣніе. Это сочиненіе, могущее со временемъ принести пользу, дѣлаетъ честь его таланту.

Прибывъ въ Каиръ, Бонапарте опять посвятилъ себя попеченіямъ, коихъ требуетъ содержаніе арміи и которыми онъ не занимался въ продолженіе своего краткаго отсутствія.

Доходы Египта далеко не были достаточны на издержки арміи. Генералъ Бонапарте, для удовлетворенія ея расходовъ, выписалъ изъ Генуи, чрезъ посредство Г-на Жамеса, нѣсколько значительныхъ суммъ. Связи Жамеса съ Наполеономъ начинаются съ этой эпохи. Мы увидимъ въ послѣдствіи сдѣлки его съ Луціаномъ Бонапарте.

Съ Августа мѣсяца, взоры Генерала Бонапарте безпрестанно устремлялись на Сирію. Эпоха возможности высадки въ Египетъ миновалась, онъ страшился ее не прежде какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года и часто повторялъ св...

увѣренность, что оная непремѣнно будетъ сдѣлана. Онъ не ошибся: Оттоманская Порта дѣйствительно не была столь проста дабы вѣрить что завоеваніе Египта дѣлается для ея пользы! Событія опровергали это показаніе: богатыхъ Шерифовъ, не хотѣвшихъ давать требуемыхъ отъ нихъ денегъ разстрѣливали. Производили разныя притѣсненія; сбирали для насъ подати; требовали значительныхъ поборовъ съѣстными припасами. Это не доказывало Султану, что мы для него завоевали сію мятежную страну. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ Г. Оберъ-Дюбайе, посланникъ въ Константинополѣ, чрезъ переговоры исходатайствовалъ у Оттоманской Порты пятьдесятъ тысячъ піастровъ и значительное количество муки для жалованья и продовольствія Французскихъ войскъ въ Корфу, гдѣ они во всемъ претерпѣвали нужду. А теперь Порта вздумала сердиться за то что берутъ Египетъ въ знакъ признательности за оказанную ею Франціи услугу.

Оттоманская Порта предпочла лучше поддержать мятежника, котораго она надѣялась со временемъ покорить, чѣмъ державу которая, будучи съ оною въ дружбѣ, подъ предлогомъ усмиренія взбунтовавшихся Беевъ, отнимала у нея прелестнѣйшую область, грозя остальной части Имперіи; державу, съ коею она всегда находи-

лась въ мирѣ и которой она только что явила доказательства дружества и пріязни.

Посему Главнокомандующій, по возвращеніи своемъ въ Каиръ, не имѣлъ никакого сомнѣнія на счетъ расположенія Порты и на счетъ ея будущихъ намѣреній.

Тѣ, которые думали — а ихъ было много,— что Оттоманская Порта въ согласіи съ нами для завоеванія вооруженною рукою Египта, были вдругъ выведены изъ заблужденія. Тогда стали другъ друга спрашивать какимъ образомъ было можно, безъ ея дозволенія предпринять такое дѣло. Говорили, что при убѣжденіи въ противномъ, ничто не оправдывало ослѣпленія и увѣренности съ коими приступили къ исполненію онаго: обвиняли Генерала Бонапарте въ большой отважности, если походъ сей долженствовалъ произвесть разрывъ между Франціею и Оттоманскою Имперіею и ея союзниками; къ чему тогда было кидать такимъ образомъ на отдаленный берегъ отборное Французское воинство. Клеберъ часто повторялъ мнѣ въ Сен-Жанъ д'Акрѣ, что эти размышленія живо ему представлялись, равно какъ многимъ Генераламъ и начальникамъ войскъ.

Бонапарте на этотъ годъ ужъ нестрашился ничего кромѣ экспедиціи чрезъ Газу и Эль-Аришъ, которыми войска Джеззара дѣйствительно уже овладѣли; это овладѣніе по спра-

ведливости было почтенно совершено враждебнымъ поступкомъ. Варварство, оказанное Сирійскимъ Мясникомъ тѣмъ, которые были къ нему посланы для мирныхъ переговоровъ, не оставляло болѣе никакого сомнѣнія на счетъ намѣреній Турціи. Бовуазенъ не былъ принятъ Джеззаромъ, который не отвѣтствовалъ на письма, съ нимъ присланныя. Этотъ Генераль-Адъютантъ пріѣзжалъ въ Сен-Жанъ д'Акру 5 Сентября 1798 года. Молодой Мальи де Шато-Рено былъ задержанъ Джеззаромъ въ плѣну вопреки всѣмъ правамъ, принятымъ для переговорщиковъ; а посему война была дѣломъ объявлена. «Надобно предупредить се,» думалъ Бонапарте, «надобно уничтожить это передовое воинство Оттоманской Порты, ниспровергнуть стѣны Яффы и Сен-Жанъ д'Акры, опустошить страну, и истребить въ ней всѣ способы для того чтобы сдѣлать невозможнымъ переходъ арміи чрезъ степь.» Такимъ образомъ былъ предначертанъ планъ сего похода, кромѣ скрывавшихся за онымъ мыслей въ случаѣ успѣха.

Въ то время какъ мы собрались въ походъ, Бонапарте узналъ что Ливронъ и Гамеленъ прибыли на Рагузскомъ кораблѣ въ Александрійскую гавань. Мы не имѣли оффиціяльныхъ извѣстій изъ Европы съ конца Іюня 1798 года. Онъ нѣсколько дней уже замедливалъ отбытіе свое въ Азію надѣясь получить письма; въ пока-

заніяхъ Гамелена было нѣчто неопредѣлительное потому что онъ пріѣхалъ не прямо изъ Франціи; отправясь изъ Тріеста 24 Октября 1797 года, онъ приставалъ на время въ Анконѣ и въ другихъ портахъ. Даже въ самый день своего отъѣзда Бонапарте говорилъ, что если въ теченіе Марта мѣсяца онъ узнаетъ опредѣлительнымъ образомъ что Франція въ войнѣ съ Европейскими Державами, то онъ туда уѣдетъ Я привожу это обстоятельсво потому что оно заблаговременно объясняетъ воспослѣдовавшій черезъ семь мѣсяцовъ позже того отъѣздъ, который породилъ столько странныхъ предположеній, столько неправильныхъ показаній.

И такъ мы рѣшились вступить въ Азію безъ извѣстій изъ Европы, пуститься въ непріятельскую страну, не зная въ какомъ положеніи находится наше отечество. Мы не болѣе того узнали и черезъ два мѣсяца; ибо Бонапарте писалъ въ эту эпоху къ Дезе, находившемуся въ верхнемъ—Египтѣ. «Вы вѣрно получили извѣстія изъ Европы чрезъ Каиръ. Ничто еще не показываетъ, чтобы тамъ была война.»

++

ГЛАВА XIV.

Исполинскіе замыслы. — Жажда славы. — Дозволеніе, данное Бертье отправиться во Францію.—Любовныя похожденія Бертье. — Обожаемый портретъ. — Жертва, принесенная Бертье. — Лудовикъ Бонапарте оставляетъ Египетъ.—Избѣгнутая опасность.—Мое семейство и первая шаль.—Перехваченная переписка.—Отправленіе въ Сирію.—Письмо Мармонта.—Источникъ Мессудіа.—Уничтоженное заблужденіе.—Нескромность Жюно.—Ревность Наполеона.—Намѣреніе развестись.—Разговоръ мой о Іозефинѣ съ Наполеономъ.—Досада на Жюно. — Неудовольствіе солдатъ.—Осада и взятіе Эль-Ариша.—Видъ Сиріи.—Дожди.—Рамле. —Сосѣдство Іерусалима.

Бонапарте, съ обыкновенною его смѣтливостью понималъ опасности, угрожавшія ему со стороны Суецскаго перешейка и занимался средствами къ отвращенію оныхъ, разсѣвая толпы, сбиравшіяся за Газою. Но за сими распоряженіями, весьма естественными по обстоя-

тельствамъ, въ которыхъ мы находились, онъ скрывалъ одинъ изъ тѣхъ исполинскихъ замысловъ, которые такъ нравились его воображенію и о которыхъ я буду говорить ниже. Судьба Франціи, въ случаѣ успѣха, подверглась бы новымъ, обширнымъ соображеніямъ. На берегу Сен-Жанъ д'Акры говорилъ онъ, мнѣ въ первый разъ о томъ обширномъ и невѣроятномъ предпріятіи, которое онъ можетъ быть уже имѣлъ въ мысляхъ тогда какъ писалъ къ Клеберу чрезъ нѣсколько времени послѣ роковой ночи 1 Августа. «Если Англичане будутъ по прежнему наводнять Средиземное море, то они можетъ статься принудятъ меня сдѣлать болѣе великія вещи, чѣмъ мы предполагали.»

Ненасытная страсть къ славѣ и ложное понятіе о потомствѣ, одни только могутъ породить подобныя предпріятія. Должно соболѣзновать объ этомъ для человѣчества! Одно изъ заблужденій нашего ума состоитъ въ томъ чтобы столь высоко цѣнить это потомство, которое въ безчисленныхъ вѣкахъ будущихъ племенъ мало будетъ знать о настоящихъ племенахъ, особенно же принимая за достовѣрное, физическіе перевороты земнаго шара. Станутъ ли говорить о насъ тогда, какъ корабли поплывутъ чрезъ наши горделивые грады и плодоносныя нивы?

Генералъ Бертье, чрезъ усильныя просьбы

получилъ дозволенiе возвратиться во Францiю. Съ нѣкотораго времени приготовляли для него въ Александрiи фрегатъ *Храбрый,* долженствовавшiй отвезти его. Онъ долженъ былъ отправиться изъ Каира 29 Генваря, за десять дней до отбытiя Главной квартиры въ Сирiйскiй походъ. Инстртукцiи были уже вручены. Бонапарте отпускалъ его съ сожалѣнiемъ, но онъ не могъ допустить умерѣть у себя предъ глазами отъ тоски по отчизнѣ и отъ романической любви, человѣка, который такъ хорошо ему служилъ во всѣхъ походахъ и такъ убѣдительно просилъ сего доказательства старинной дружбы своего Генерала. Притомъже съ нѣкотораго времени, дѣятельность Бертье къ службѣ охладѣла. Любовныя его воспоминанiя, восторженныя до безумiя, еще болѣе уменьшали слабыя способности, полученныя имъ отъ природы. Въ нѣкоторыхъ книгахъ, его причислили къ разряду влюбленныхъ съ высокими чувствами; но мы, нечувствительные! поклоненiе, оказываемое Бертье къ портрету, нарисованному карандашомъ и совершенно похожему на предметъ его обожанiя, часто возбуждало нашу веселость.

Принеся однажды часа въ три приказанiе Главнокомандующаго къ Начальнику Штаба, я нашелъ сего послѣдняго на колѣнахъ на его маленькомъ диванѣ, передъ портретомъ Г-жи

Висконти, поставленнымъ противъ дверей; я толкнулъ Бертье для того чтобы извѣстить его о моемъ присутствіи. Онъ поворчалъ немного, но не разсердился.

Часъ выступленія въ Сирію приближался: еще нѣсколько дней—и двумъ друзьямъ пришлось бы разстаться можетъ быть навѣки. Главнокомандующій истинно скорбѣлъ о томъ, и Начальнику Штаба очень это было извѣстно. Въ ту минуту, какъ думали что Бертье отправится по дорогѣ въ Александрію, онъ вошелъ въ комнату Бонапарте.—«И такъ вы рѣшительно идете воевать въ Азію? — Ты знаешь что всё готово; я отправляюсь чрезъ нѣсколько дней.—Ну такъ я не разстаюсь съ вами. Я охотно отказываюсь отъ возвращенія моего во Францію: мнѣ слишкомъ тяжко было бы оставить васъ въ ту минуту какъ вы подвергаетесь новымъ опасностямъ: вотъ паспортъ мой и наставленія.» Бонапарте, очень довольный этою рѣшительностью, обнялъ Бертье и вся холодность, возбужденная просьбами его о возвращеніи во Францію была разсѣяна самымъ искреннимъ примиреніемъ; истинные друзья Бертье также были очень довольны. Дѣйствительно казалось необыкновеннымъ чтобы Начальникъ Штаба оставилъ армію въ ту минуту какъ она сбиралась въ опасный походъ, единственно по причинѣ устарѣлой любви.

Утомленный переѣздомъ, Лудовикъ Бонапарте остался въ Александріи. Предъ отправленіемъ въ Сирію, Генералъ Бонапарте, склонясь на желаніе своего юнаго брата, уваживъ его миролюбивыя склонности и возникавшую тоску по отчизнѣ, согласился на возвращеніе его во Францію. Походъ къ берегамъ Іордана приближался и слабое здоровье Лудовика не позволяло ему участвовать въ ономъ. Лудовикъ, возвращенный родинѣ, собрался туда не прежде какъ 11 Марта 1799 года въ то время какъ мы двинулись къ Птоломаидѣ. Добрый молодой человѣкъ могъ бы поблагодарить судьбу за то что ему не удалось отправиться съ Интендантомъ Сюзи. Притомъ же Главнокомандующій предпочиталъ отправить свои депеши съ двумя довѣренными людьми. Отсутствіе Лудовика было для меня весьма чувствительно.

Лудовикъ, проѣздомъ черезъ Санъ обѣдалъ у Г-жи Буріеннъ и вручилъ ей прекрасную шаль, подаренную мнѣ Генераломъ Бертье. Это была, кажется, первая шаль, привезенная во Францію. Лудовикъ очень удивился, нашедъ у Г-жи Буріеннъ Египетскую переписку, перехваченную Англичанами и напечатанную въ Лондонѣ. Онъ нашелъ въ этой книгѣ многія письма, къ нему адрессованныя и прочиталъ другія, долженствовавшія, по его мнѣнію, нарушить спокойствіе не одного семейства по возвращеніи арміи.

11 Февраля 1799 года, мы отправились въ Сирію съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ. Несправедливо писали, будто бы армія состояла только изъ шести тысячъ: почти это число потеряно нами въ походѣ: съ кѣмъ же бы мы возвратились? Столь же неправильно будто бы Клеберъ отправилъ свою дивизію на судахъ въ Даміеттъ: онъ принялъ начальство надъ дивизіею, тамъ уже находившеюся.

Мы не имѣли судовъ и войска наши были слишкомъ малочисленны для того чтобы подвергать ихъ опасностямъ враждебнаго моря, не стрегомаго нашими кораблями.

Мармонтъ, не столь счастливый какъ Клеберъ, къ великому его сожалѣнію не участвовалъ въ Сирійскомъ походѣ. Вступивъ первый въ Мальту при переѣздѣ нашемъ въ Египетъ, онъ былъ за это пожалованъ Бригаднымъ Генераломъ Артиллеріи; но начальствуя теперь Артиллеріею въ Александріи, онъ считалъ себя какъ бы въ немилости: такъ сильно онъ желалъ находиться при Главнокомандующемъ. Онъ писалъ ко мнѣ 7 Февраля 1799:

«Давно уже, любезный Буріеннъ, не напоминалъ я тебѣ о себѣ. Непростительно мнѣ было бы долѣе медлить ибо я читалъ приписку, сдѣланную тобою на счетъ мой въ послѣднемъ письмѣ твоемъ къ Ла Валетту. Я съ трудомъ привыкаю жить въ удаленіи отъ друзей моихъ

и уже цѣлый вѣкъ я не видалъ той семьи, въ которой я составилъ связи, для меня драгоцѣнныя. Не предполагаю чтобы судьба скоро призвала меня къ вамъ. Счастливъ еще я буду если всѣ вы обо мнѣ думаете и если вы согласитесь на уговоръ, который Ла Валеттъ вамъ отъ меня предложитъ.

«Прощай, любезный другъ. Бомбардированіе доставляетъ намъ нѣкоторое разсѣянье но не можетъ прогнать моей печали. Генералъ сталъ суровъ ко мнѣ. Обнимаю всѣхъ васъ отъ искренняго сердца.

«А. МАРМОНТЪ.»

«Доставьте ко мнѣ ваши письма: я имѣю вѣрное средство ихъ переслать. Только не говорите въ нихъ о политическихъ дѣлахъ.»

Въ то самое время какъ мы отправились въ Сирію съ двѣнадцатью тысячами, оставляя едва столько же въ Египтѣ—Директорія объявляла, *по извѣстіямъ, сю полученнымъ*, что у насъ шестьдесятъ тысячъ пѣхоты и десять тысячъ конницы; что армія удвоилась чрезъ битвы и что съ прибытія нашего въ Египетъ, мы потеряли только триста человѣкъ. Прошу писать исторію съ такихъ офиціальныхъ документовъ!

Однажды вечеромъ, около четырехъ часовъ по полудни прибыли мы въ Мессудію или *счастливое. мѣсто*. Тамъ мы нашли феноменъ, очень для насъ пріятный. Мессудія есть мѣсто

на берегахъ Средиземнаго Моря, окруженное небольшими буграми изъ мелкаго песку, сквозь который дожди, очень изобильные зимою, удобно проходятъ. Воды сіи сохраняются подъ пескомъ, такъ что по сдѣланіи пальцемъ внизу этихъ бугровъ отверстія въ четыре или въ пять дюймовъ, вода тотчасъ изъ нихъ выходила. Правда что эта вода была немного мутна, но вкусомъ хороша и сдѣлалась бы прозрачною, еслибъ мы могли дать ей время отстояться.

Любопытно было видѣть, какъ всѣ мы, прилегши на песокъ, рыли маленькіе колодцы, хвалясь тѣмъ кто устроитъ болѣе изобильный ключь. Открытіе этой воды было для насъ очень важно: мы нашли ее на концѣ степи и она не мало способствовала къ оживленію бодрости нашихъ солдатъ. Притомъ же, при такихъ лишеніяхъ, коимъ мы подвергались, пріобрѣтеніе малѣйшаго блага раждаетъ надежду на новое благо; мы подходили къ предѣламъ Сиріи и заранѣе наслаждались удовольствіемъ, которое ощутимъ ступая но оживленной землѣ, которая зеленью своею и растѣніями, напомнитъ намъ сожалѣемую почву нашей отчизны. Мы имѣли въ Мессудіѣ еще ту выгоду, что могли купаться въ морѣ, которое находилось не далѣе пятидесяти шаговъ отъ источниковъ, нами открытыхъ.

Во время нахожденія нашего на этомъ мѣстѣ, я увидѣлъ Бонапарте, прохаживающагося одного съ Жюно, какъ это довольно часто съ нимъ случалось. Я находился неподалеку и не знаю отъ чего глаза мои были устремлены на него въ продолженіе этого разговора. Лице Генерала, всегда лишенное румянца сдѣлалось, между тѣмъ какъ я не могъ угадать тому причины, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Въ чертахъ его было нѣчто судорожное, во взорѣ нѣчто дикое и онъ нѣсколько разъ ударялъ себя по головѣ. Поговоривъ съ четверть часа, онъ оставилъ Жюно и подошелъ ко мнѣ. Я никогда еще не видывалъ его столь недовольнымъ, столь задумчивымъ. Я пошелъ къ нему на встрѣчу и когда приблизился: *Ты не любишь меня*, сказалъ онъ мнѣ грубымъ, суровымъ голосомъ. *Женщины! . . . Іозефина! . . . Еслибъ ты меня любилъ, то ты увѣдомилъ бы меня обо всемъ, что я теперь узналъ отъ Жюно: вотъ истинный другъ. Іозефина! . . . и я въ шести стахъ миляхъ . . . ты бы долженъ мнѣ сказать! Іозефина! . . . обмануть меня такимъ образомъ! . . . она! . . . горе имъ! Я истреблю это племя бѣлокурыхъ вѣтренниковъ! . . . Что касается до нея! Разводъ! . . . да, разводъ! всенародный, явный разводъ! . . . Я долженъ писать! . . . я все знаю! . . . Это твоя вина! ты бы долженъ сказать мнѣ объ этомъ! . . .*

Эти живыя, прерывающіяся восклицанія, разстроенное лице его и измѣнившійся голосъ, очень ясно обнаружили мнѣ предметъ разговора, который онъ имѣлъ съ Жюно; я увидѣлъ что Жюно дозволилъ себѣ предосудительную нескромность съ Генераломъ и что если Г-жа Бонапарте дѣйствительно была въ чемъ либо виновна, то онъ слишкомъ преувеличилъ вину ея. Положеніе мое было очень затруднительно; не смотря однакоже на то, я сохранилъ хладнокровіе и какъ только нѣкоторое спокойствіе заступило мѣсто этой первой запальчивости, я отвѣчалъ ему, что вопервыхъ мнѣ неизвѣстно ничего изъ того что Жюно могъ разсказать ему; что даже, еслибъ такіе слухи, часто изобрѣтаемые клевстою и достигли до меня, и еслибъ я счелъ долгомъ его о томъ увѣдомить, то я конечно не выбралъ бы для сего той минуты когда онъ находится въ шести стахъ миляхъ отъ Франціи. Я не скрывалъ отъ него, сколько поведеніе Жюно кажется мнѣ достойнымъ порицанія и сколь невеликодушно такъ легкомысленно обвинять женщину, которой нѣтъ тутъ для того чтобы оправдаться или защитить себя; что тотъ не доказываетъ еще большой привязанности кто прибавляетъ семейныя неудовольствія къ важнымъ заботамъ, которыя внушало ему положеніе его сподвижниковъ при началѣ опаснаго предпріятія. Не смотря на

эти первыя замѣчанія, которыя онъ выслушалъ однакоже довольно спокойно, слово: разводъ вырывалось еще изъ устъ его и надобно знать до какой степени доходила раздражительность души его, когда ее волновало живое безпокойство для того чтобы представить себѣ каковъ былъ Бонапарте въ продолженіе этой тягостной сцены. Я однакожъ не отсталъ отъ своего и возвратясь къ сказанному уже мною, напомнилъ ему съ какимъ легкомысліемъ часто распространяютъ и принимаютъ на удачу пускаемые слухи, нескромную забаву праздныхъ и достойную презрѣнія твердыхъ душъ. Я говорилъ ему о его славѣ. *Моя слава*! воскликнулъ онъ, *ахъ! не знаю чего бы я не далъ за то чтобы сказанное Жюно было несправедливо, такъ я люблю эту женщину! . . . Если Iозефина виновна, то разводъ долженъ на вѣки разлучить меня съ нею! . . . Не хочу быть посмѣшищемъ Парижскихъ тунеядцевъ! Я напишу къ Iосифу; онъ устроитъ разводъ!*

Хоть онъ и былъ очень разгоряченъ, однакожъ началъ не много утихать. Я воспользовался минутою тишины для того чтобы возстать противъ этой мысли о разводѣ, по видимому имъ овладѣвшей. Я въ особенности представилъ ему сколь неразсудительно было бы, еслибъ онъ, основываясь на слухѣ, вѣроятно ложномъ, написалъ къ своему брату: «Письмо

можетъ быть перехвачено,» сказалъ я ему; «оно будетъ отзываться раздраженіемъ его внушившимъ; что же касается до развода, то еще будетъ время объ немъ и послѣ подумать, но съ размышленіемъ.» Эти послѣднія слова произвели на него дѣйствіе, котораго я не смѣлъ такъ скоро надѣяться; онъ совершенно успокоился и выслушалъ меня такъ, какъ будто бы онъ самъ почувствовалъ необходимость въ утѣшительныхъ словахъ и послѣ этого разговора, онъ уже болѣе не напоминалъ мнѣ о предметѣ онаго. Но черезъ двѣ недѣли послѣ сего, передъ Сен-Жанъ д'Акрою, онъ изъявилъ мнѣ сильнѣйшее неудовольствіе противъ Жюно, жалуясь на огорченіе, причиненное имъ нескромнымъ сообщеніемъ слуховъ, которые онъ начиналъ считать *выдуманными* злобою. Я замѣтилъ въ послѣдствіи, что онъ никогда не простилъ ему этой глупости; и могу сказать, почти на вѣрное, что это было одною изъ причинъ, по которымъ Жюно не былъ сдѣланъ Маршаломъ Франціи, подобно многимъ изъ его товарищей, которыхъ Бонапарте меньше любилъ, чѣмъ его. Можно себѣ представить, что Іозефина, узнавшая потомъ отъ самого Бонапарте о рѣчахъ Жюно, не слишкомъ много оказывала ему расположенія. Всѣмъ извѣстно что онъ умеръ въ съумашествіи 27 Іюля 1813 года.

Небольшая армія двинулась къ Эль-Аришу,

куда она пришла 17 Февраля. Утомительный походъ черезъ степь, и недостатокъ воды, возбудили сильный ропотъ между солдатами при переходѣ чрезъ перешеекъ. Если мимо ихъ проѣзжалъ кто нибудь на лошади, то они громко изъявляли свое неудовольствіе и всадникъ часто подвергался ихъ горькимъ насмѣшкамъ. Я никогда не слыхалъ стиховъ, которые влагаютъ имъ въ уста; но они позволяли себѣ самыя жестокія выходки противъ Республики, противъ ученыхъ и противъ всѣхъ, которыхъ они считали виновниками сего похода. Эти храбрые воины, у которыхъ неудивительно что наивеличайшія лишенія исторгали жалобы,— часто смягчали шутками горечь рѣчей своихъ. Одинъ солдатъ, замѣтивъ что разговоръ его съ товарищемъ огорчаетъ слышавшихъ его, вдругъ перемѣнилъ предметъ онаго. «Скажи ка пріятель,» спросилъ онъ у него, «есть ли вода у Акрскаго Паши?—Какъ я думаю не быть.—Чтожъ онъ такъ ее бережетъ и не подѣлится съ нами; ему нечего опасаться.» А мы находились еще въ сорока миляхъ отъ сего города!

Много разъ случалось, при переходѣ перешейка, что солдаты, истомленные жаждою, не въ состояніи будучи дождаться раздѣла воды, прокалывали запасные мѣха штыками и чрезъ это насильство, вредное для всѣхъ, возбуждали большія ссоры.

16 Февраля Эль Аришъ сдался. Ошибочно сказано будто бы гарнизонъ этой крѣпостцы, отпущенный съ условіемъ не служить противъ насъ, былъ найденъ въ послѣдствіи между осажденными въ Яффѣ. Прибавляютъ будто бы за нарушеніе условія, его тамъ разстрѣляли. Мы ниже увидимъ ложность этого показанія.

28 Февраля въ первый разъ увидѣли мы зеленые, плодоносные луга Сиріи, которые по многимъ отношеніямъ, напоминали намъ климатъ и земли Европы. Наконецъ мы имѣли дождь а иногда слишкомъ даже много. Чувства, возбужденныя видомъ долинъ и горъ, нѣсколько разсѣяли безпокойства и труды похода, коего мало кто усматривалъ цѣль и окончаніе. Есть положенія въ жизни, въ которыхъ малѣйшее пріятное ощущеніе облегчаетъ всѣ страданія.

Мы ночевали 1 Марта въ Рамлѣ, въ небольшомъ монастырѣ, обитаемомъ двумя монахами, которые оказали намъ всевозможныя попеченія. Церковь была отдана подъ лазаретъ. Добрые отцы, извѣстивъ насъ что чрезъ это мѣсто семейство Іисуса Христа прошло въ Египетъ, показали намъ колодцы, въ коихъ оно утоляло жажду и коихъ чистая, свѣжая вода, доставила намъ большое удовольствіе.

Рамле, древняя Ариматія лежитъ при подножіи горъ, коихъ восточный скатъ орошается

Персидскимъ заливомъ, а западный Средиземнымъ Моремъ. Воспоминанiя нашего воспитанiя, напитаннаго великими дѣлами, происшедшими въ этихъ восточныхъ странахъ, бываютъ причиною что видъ этихъ мѣстъ, производитъ на наше воображенiе таинственное впечатлѣнiе. Мы находились уже не дальше, какъ въ шести миляхъ отъ Iерусалима; я спросилъ у Генерала не желаетъ ли онъ пройти чрезъ этотъ городъ, знаменитый въ столькихъ отношенiяхъ: *О! совсѣмъ нѣтъ! Iерусалимъ не лежитъ въ чертѣ моихъ дѣйствiй; я не хочу имѣть дѣла съ горцами на трудныхъ дорогахъ. А притомъ, по ту сторону горы, на меня напала бы многочисленная конница. Я не ищу чести, подвергнуться жребiю Кассiя.*

Мы не имѣли никакихъ сношенiй съ Iерусалимомъ, который пребылъ чуждъ этой войнѣ. Туда было только послано объявленiе, увѣрявшее градоначальниковъ, что на ихъ землю вовсе не намѣреваются нападать, и желаютъ чтобы они остались въ мирѣ и спокойствiи. Отвѣта не послѣдовало; но мы больше объ нихъ не слыхали.

Во время прохода нашего чрезъ Рамле, гдѣ я видѣлъ безподобнѣйшiя оливковыя деревья, употребленныя на разведенiе бивачныхъ огней, тамъ находилось отъ двухъ до трехъ сотъ Христiанъ въ самомъ жалкомъ положенiи рабства,

нищеты и уничиженія. Разговаривая съ ними, я не могъ довольно надивиться тому, сколько надежда будущихъ благъ облегчаетъ настоящія бѣдствія; но отъ многихъ изъ нихъ узналъ, что они живутъ между собою несогласно. Чувства ненависти и зависти столькоже не чужды этому невѣжествующему, жалкому племени, какъ и просвѣщеннымъ жителямъ богатыхъ, многолюдныхъ городовъ: тѣже страсти встрѣчаются вездѣ, гдѣ только собраны люди.

✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠✠

ГЛАВА XV.

Прибытіе къ Яффѣ.—Сбывшееся предсказаніе.—Осада Яффы. —Богарне и Круазье. — Разграбленіе. — Четыре тысячи плѣнныхъ.—Гнѣвъ Генерала.—Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. — Жалобы Французовъ. — Военный совѣтъ. — Ужасная необходимость.—Убійство.—Тщета славы.—Моровая язва.—Ланнъ захваченъ въ расплохъ горцами.—Упреки Главнокомандующаго. — Прибытіе къ Сен-Жанъ д'Акрѣ.—Варварство Джеззара.—Сидней Смитъ.—Безполезныя атаки.—Искуство непріятельскихъ стрѣлковъ.—Кафарелли раненъ.—Послѣднее чтеніе и смерть Кафарелли.—Рана Дюрока —Скорпіонъ.—Отважныя купанья.—Движенія въ Египтѣ.—Потеря *Италіи*.—Предчувствіе.

По прибытіи предъ Яффу, гдѣ уже находились войска,—однимъ изъ первыхъ, мнѣ повстрѣчавшихся, былъ Генералъ-Адъютантъ Грезіё, съ которымъ я имѣлъ частыя сношенія; поздоровавшись съ нимъ, я протянулъ ему руку: *Ради Бога! что вы дѣлаете!* сказалъ онъ, довольно

грубо меня отталкивая; *вы можете быть заражены чумою: здѣсь другъ до друга не дотрогиваются.* Я разсказалъ этотъ случай Главнокомандующему, который отвѣчалъ мнѣ: *Если онъ боится чумы, то онъ отъ нея умретъ.* Вскорѣ послѣ сего мы узнали въ Сен-Жанъ д'Акрѣ, что заразясь этою болѣзнью, онъ тотчасъ палъ жертвою оной; 13 Марта онъ былъ назначенъ начальникомъ областей Газы и Рамле.

4 Марта осадили Яффу: этотъ городишко, который великолѣпно называютъ древнею Соппіею, не могъ продержаться долѣе 6 Марта; онъ былъ взятъ и преданъ на разграбленіе. Убійство было ужасно; Генералъ Бонапарте послалъ своихъ Адъютантовъ Богарне и Круазье для того чтобы по возможности укротить ярость солдатъ, посмотрѣть что происходитъ и донести ему. Они узнали что значительная часть гарнизона засѣла въ огромномъ зданіи караванъсарая, состоящемъ изъ большаго двора, обнесеннаго постройками. Они вошли туда, держа въ рукѣ свои Адъютантскіе шарфы. Арнауты и Албанцы, изъ коихъ большею частью состоялъ этотъ отрядъ, избѣгнувшій умерщвленія, закричали имъ изъ оконъ, что они готовы сдаться если имъ будетъ дарована жизнь и пощада отъ убійства, на которое осужденъ городъ; въ противномъ случаѣ они грозились стрѣлять по Адъютантамъ и объявили, что будутъ защищаться до послѣд-

ней крайности. Офицеры наши сочли, что они могутъ и должны склониться на ихъ требованіе и взять ихъ въ плѣнъ, не смотря на смертный приговоръ, произнесенный противъ всего гарнизона, взятаго приступомъ города. Они привезли ихъ въ лагерь двумя отрядами, изъ коихъ въ одномъ полагалось около двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а въ другомъ полторы тысячи.

Я прохаживался съ Генераломъ Бонапарте передъ его палаткою, тогда какъ онъ увидѣлъ шедшую въ лагерь эту кучу людей; и даже не переговоривъ еще со своими Адъютантами, онъ сказалъ мнѣ съ чувствомъ сильнаго огорченія: *Что я буду съ ними дѣлать? Есть ли у меня припасы для того чтобы кормить ихъ? и суда для того, чтобы отвезти ихъ въ Египетъ или въ Европу? что они мнѣ надѣлали?* По прибытіи ихъ и по разспросѣ, сдѣланномъ Главнокомандующимъ съ сердцемъ, Евгеній и Круазье были осыпаны жестокими упреками за ихъ поступокъ. Но зло было сдѣлано: и четыре тысячи человѣкъ приведены. Надобно было рѣшить ихъ жребій. Два Адъютанта замѣтили, что они были одни посреди многочисленныхъ непріятелей и что самъ онъ приказалъ имъ стараться о прекращеніи убійства.

«Да, конечно,» возразилъ съ живостью Главнокомандующій, «для женщинъ, дѣтей, стариковъ

и мирныхъ жителей, но не для вооруженныхъ солдатъ; надобно было умереть а не приводить мнѣ этихъ несчастныхъ. Что я теперь буду съ ними дѣлать?» Эти слова были произнесены самымъ строгимъ голосомъ.

Плѣнниковъ посадили кучами передъ палатками. Руки у нихъ были связаны веревкою за спиною. Мрачная ярость изображалась у нихъ во взорахъ. Имъ дали по немногу сухарей и хлѣба, отдѣленныхъ отъ припасовъ нашей арміи, и безъ того уже скудныхъ.

Съ самаго перваго дня въ палаткѣ Главнокомандующаго учредился военный совѣтъ о томъ что съ ними предпринять. Долго разсуждали и ни на что не рѣшились.

На другой день къ вечеру были получены дневные рапорты дивизіонныхъ Начальниковъ. Всѣ доносили о недостаткѣ припасовъ, о жалобѣ солдатъ, о ропотѣ ихъ и о неудовольствіи за то, что хлѣбъ ихъ отдаютъ непріятелямъ, исторгнутымъ отъ праведной мести, поелику смертный приговоръ, согласный съ военными законами, былъ произнесенъ противъ Яффы. Всѣ эти донесенія были очень устрашительны, а въ особенности Генерала Бона, который не соблюдалъ никакихъ мѣръ. Даже боялись бунта, оправдываемаго важностью обстоятельствъ.

Военный совѣтъ опять собрался; въ оный созвали всѣхъ Дивизіонныхъ Генераловъ и нѣ-

сколько часовъ разсуждали о томъ, какія принять мѣры, съ искреннимъ желаніемъ найти возможность спасти этихъ несчастныхъ.

Должно ли отослать ихъ въ Египетъ и можно ли было это сдѣлать?

Но для нихъ бы слѣдовало отдѣлить многочисленный конвой и это слишкомъ бы ослабило въ непріятельской землѣ нашу небольшую армію. Притомъ же какъ прокормить ихъ и конвой до Каира, когда имъ нельзя было дать съѣстныхъ припасовъ при отправленіи и пославъ ихъ по враждебной дорогѣ, которую мы опустошили, на которой нѣтъ болѣе способовъ и по которой можетъ быть намъ самимъ придется итти обратно?

Отправить ли ихъ водою?

Гдѣ суда? гдѣ сыскать ихъ? всѣ наши оптическіе инструменты, наведенные на море, не открывали ни одного дружественнаго паруса. Утвердительно говорю, что Бонапарте счелъ бы это событіе истинною милостью *фортуны*. Мнѣ пріятно сказать, что одна только эта мысль и одна только эта надежда, заставили его три дня пренебрегать ропотомъ своей арміи. Но тщетно мы ожидали посторонней помощи: она не явилась.

Слѣдовало ли совершенно выпустить ихъ на свободу?

Но эти люди тотчасъ отправятся въ Сен-

Жанъ д'Акру для усиленія тамошняго Паши или, ушедъ въ горы Наплузіи, начнутъ тревожить нашъ тылъ и правый флангъ и заплатятъ намъ смертью за жизнь, имъ оставленную. Это непостижимо. Что значитъ собака Христіанинъ для Турка? они сочтутъ это еще дѣломъ набожнымъ и достойнымъ хвалы въ глазахъ Пророка.

Но если ихъ размѣстить безоружныхъ въ наши войска между солдатами?

Тутъ представлялся во всей силѣ вопросъ о съѣстныхъ припасахъ. Потомъ слѣдовала опасность такихъ товарищей на вражеской дорогѣ. Что произойдетъ въ случаѣ битвы до прихода въ Сен-Жанъ д'Акру? извѣстно ли было что можетъ случиться въ дорогѣ? а потомъ что дѣлать съ ними подъ стѣнами города если мы и успѣемъ довести ихъ туда? Тѣже затрудненія касательно съѣстныхъ припасовъ и безопасности, еще болѣе возрастутъ.

Наступилъ третій день, между тѣмъ какъ ни одно изъ толико желанныхъ средствъ спасенія, не могло быть принято для пользы этихъ несчастныхъ. Роптанія въ лагерѣ увеличивались, зло возрастало, помочь казалось невозможнымъ, опасность была велика и неминуема. Приказъ разстрѣлять ихъ, былъ данъ и исполненъ 10 Марта. Не отдѣляли, какъ писано, Египтянъ отъ прочихъ плѣнниковъ: ихъ не было.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, составлявшихъ меньшій отрядъ, казненный на морскомъ берегу неподалеку отъ другаго отряда, успѣли спастись въ плавь на подводные камни, до которыхъ выстрѣлы не достигали. Солдаты, положивъ ружья на песокъ манили ихъ назадъ Египетскими знаками примиренія, употребительными въ странѣ сей. Они возвращались, но обрѣтали смерть и погибали въ волнахъ.

Ограничиваюсь этими подробностями объ ужасной необходимости, которой я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Другіе, видѣвшіе оную подобно мнѣ, къ счастію избавляютъ меня отъ кроваваго разсказа. Эта лютая сцена, при воспоминаніи объ оной заставляетъ меня содрогаться столькоже какъ въ тотъ день, когда я ее видѣлъ и я бы лучше желалъ, быть съ состояніи забыть ее, чѣмъ находиться принужденнымъ ее описывать. Все, что можно вообразить себѣ ужаснаго въ этотъ кровавый день, было бы ниже того, что дѣйствительно произошло.

Я сказалъ правду—сущую правду. Я присутствовалъ при всѣхъ преніяхъ, при всѣхъ сужденіяхъ, при всѣхъ совѣтахъ. Разумѣется, что я не имѣлъ при оныхъ права подавать голосъ; но я долженъ объявить что выводы разсужденій, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, положеніе арміи, и малочисленность оной въ землѣ, гдѣ

всякой былъ врагъ, побудили бы меня подать утвердительный голосъ, еслибъ я имѣлъ на то право. Надобно было находиться тамъ для того чтобы надлежащимъ образомъ посудить объ этой ужасной необходимости.

Война представляетъ, по несчастію слишкомъ обыкновенные случаи, въ которыхъ законъ, неизмѣнный во всѣ времена и свойственный всѣмъ народамъ, повелѣваетъ приносить въ жертву частныя выгоды великой общей выгодѣ и забывать человѣчество. Потомство разсудитъ, таково ли было это ужасное положеніе, въ которомъ Бонапарте находился. Что касается до меня, то я совершенно въ этомъ убѣжденъ; притомъ же случай сей былъ рѣшенъ по мнѣнію Совѣта, сдѣлавшагося наконецъ единогласнымъ. Я обязанъ еще истинѣ сказать, что Бонапарте склонился не иначе какъ при послѣдней крайности и что онъ можетъ статься былъ одинъ изъ тѣхъ, которые видѣли это убійство съ наибольшимъ огорченіемъ.

Послѣ сей то осады Яффы, чума начала нѣсколько сильнѣе обнаруживаться. Мы потеряли отъ чумы семь или восемь сотъ человѣкъ въ продолженіе Сирійскаго похода.

Со всѣмъ не при этомъ взятіи Яффы, какъ говорятъ историки и біографы, произошла въ госпиталѣ сцена, славно выдуманная для того, чтобы составить предметъ прекраской карти-

вы; это было черезъ два мѣсяца послѣ сего, по возвращенiи отъ Сен-Жанъ д'Акры. Я въ свое время объ этомъ упомяну.

Въ продолженiе похода своего къ Сен-Жанъ д'Акрѣ, начавшагося 14 Марта, армiя не одержала тѣхъ великихъ побѣдъ и не встрѣчала тѣхъ великихъ препятствiй, о которыхъ столь много говорятъ иныя книги. Все ограничилось ошибкою Генерала Ланна, который вопреки повелѣнiямъ Наполеона, вздумалъ съ упорствомъ преслѣдовать шайку горцевъ въ ущельяхъ Наплузiи. Отступая, онъ нашелъ этихъ горцевъ засѣвшихъ большимъ числомъ въ скалахъ, которыхъ они знали всѣ извороты и откуда они стрѣляли въ припоръ ружья по его отряду, не могшему защищаться. Въ продолженiе этого безразсуднаго и безполезнаго натиска, Бонапарте обнаруживалъ большую нетерпѣливость и должно сознаться, что гнѣвъ его былъ весьма естественъ. Наплузцы остановились при выходѣ изъ горъ. Бонапарте осыпалъ Ланна жесточайшими упреками за то, что онъ завелъ безъ пользы это дѣло и принесъ въ жертву *безъ всякой цѣли значительное число храбрыхъ людей*. Ланнъ извинился тѣмъ что поселяне показали ему пренебреженiе и что онъ хотѣлъ *наказать эту сволочь.*—*Мы не въ такомъ положенiи, чтобы дѣлать такiя выходки*, возразилъ Наполеонъ.

Потеря была не очень значительна. Я въ тотъ же вечеръ читалъ объ оной донесенія, по которымъ было шестьдесятъ человѣкъ убитыхъ и сто сорокъ раненыхъ: изъ этихъ послѣднихъ, многіе тяжело. Стоянка на бивакахъ была очень печальна; дождь шелъ ливнемъ. Зета, гдѣ мы ночевали 15 Марта, не представляла никакихъ пособій для раненыхъ. Безполезный уронъ, нами понесенный, казался многимъ дурнымъ признакомъ для послѣдствій нашего похода. Должно сознаться, что продолжительная, кровопролитная и тщетная осада Сен-Жанъ д'Акры, равно какъ тягостное отступленіе до Каира, слишкомъ подтвердили это горестное предчувствіе.

18 Марта пришли мы къ Сен-Жанъ д'Акрѣ, и узнали что Джеззаръ, приказавъ отрубить голову нашему посланному Мальи де-Шато-Рено, бросилъ его въ мѣшкѣ въ море. Жестокій сей Паша свершилъ множество подобныхъ казней. Волны часто выкидывали трупы на берегъ и мы, купаясь, ихъ усматривали.

Подробности осады Акры довольно извѣстны. Хотя эта небольшая крѣпость и окружена стѣною, фланкируемою башнями, широкимъ и довольно глубокимъ рвомъ, и защищена укрѣпленіями, но казалось, что она не долго будетъ въ состояніи противиться храбрости Французовъ и искуству ихъ Инженеровъ и Артиллерійстовъ. Но легкое и скорое взятіе Яффы

ослѣпили нѣсколько на счетъ кажущагося подобія обоихъ мѣстъ и на счетъ различія ихъ положеній. Подъ Яффою мы имѣли достаточную артиллерію: подъ Сен-Жанъ д'Акрою у насъ не было оной; въ Яффѣ мы имѣли дѣло съ однимъ только гарнизономъ, предоставленнымъ самому себѣ; а въ Сен-Жанъ д'Акрѣ находился гарнизонъ, снабженный людьми и съѣстными припасами, подкрѣпленный Англійскими морскими силами и содѣйствуемый Европейскимъ знаніемъ.

Сидней Смитъ безспорно причинилъ намъ наиболѣе зла; много говорили о сношеніяхъ его съ Главнокомандующимъ. Дѣланные ему этимъ послѣднимъ упрски въ томъ, будто бы онъ старался развратить его армію дѣлая соблазнительныя предложенія Офицерамъ и солдатамъ тѣмъ болѣе были странны, даже и тогда еслибъ они были основательны, что такія средства часто употребляются всѣми воюющими между собою. Чтоже касается до посаженія Французскихъ плѣнныхъ на суда, зараженныя чумою, то одна уже невѣроятность, а въ особенности явныя обстоятельства, опровергаютъ это ненавистное обвиненіе. Я въ то время очень наблюдалъ за Сиромъ Сиднемъ Смитомъ и замѣтилъ въ немъ рыцарскій духъ, увлекавшій его иногда къ незначительнымъ странностямъ. Но утверждаю, что онъ поступалъ съ Французами какъ благородный непріятель. Я видѣлъ многія

письма, въ коихъ ему изъявляли признательность за хорошее его обхожденіе съ Французами, попавшимися къ нему въ плѣнъ. Разсмотрѣвъ поступки Сира Сиднея Смита до заключеннаго въ Эль-Аришѣ договора и по прекращеніи онаго, можно судить о его характерѣ и нравственныхъ свойствахъ.

Всѣ распоряженія, всѣ работы, всѣ атаки были произведены съ тѣмъ легкомысліемъ и съ тою беспечностью, которыя внушаетъ слишкомъ большая увѣренность. Клеберъ, прохаживаясь со мною по лагерю, часто изъявлялъ мнѣ свое удивленіе и неудовольствіе. *Траншеи*, говорилъ онъ, *не глубже вырыты какъ по колѣно.* Необходимо было нужна осадная артиллерія: начали осаду полевыми орудіями. Это ободрило осажденныхъ, которые замѣтили слабость нашихъ средствъ. Осадная артиллерія, составленная только изъ трехъ 24 фунтовыхъ пушекъ и изъ шести 18 фунтовыхъ, прибыла съ величайшими затрудненіями не раньше какъ въ первыхъ числахъ Апрѣля а уже три приступа было произведено съ чувствительнымъ урономъ; съ 4 Маія началъ оказываться недостатокъ въ порохѣ. Эта жестокая необходимость принудила ослабить огонь. Ядеръ также недоставало и отданнымъ по арміи приказомъ была назначена цѣна, смотря по калибру за каждое принесенное ядро, пущенное изъ крѣпости или съ ли-

нейныхъ кораблей *Тигра* и *Тезея*, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ рейды; эти два корабля затрудняли сообщеніе лагеря съ траншеями, но болѣе производили шуму чѣмъ вреда: ядромъ убило одного Офицера наканунѣ снятія осады.

Непріятель имѣлъ у себя за стѣнами стрѣлковъ, большею частью Албанцевъ, весьма искусныхъ. Сложивъ на стѣнѣ камни, они просовывали ружья свои въ отверстія между этими каменьями и будучи совершенно закрыты, стрѣляли съ удивительною вѣрностью.

9 Апрѣля Генералъ Кафарелли, столь извѣстный своею храбростью и талантами, проходилъ по траншеямъ опершись рукою о ляжку дабы тѣмъ уравновѣсить затрудненіе, причиняемое ему деревянною его ногою. Одинъ только локоть Генерала Кафарелли превышалъ траншею. Его предупреждали, что непріятельскія пули, на такомъ близкомъ разстояніи, попадали въ малѣйшій предметъ; но онъ вовсе не обратилъ вниманія на это обстоятельство и черезъ нѣсколько минутъ сгибъ его локтя былъ раздробленъ; отнятіе руки сочли неизбѣжнымъ. Генералъ пережилъ оное восемнадцать дней. Бонапарте ходилъ каждый день по два раза къ нему въ палатку. По его приказанію, равно какъ и по дружбѣ моей съ Кафарелли, я почти не покидалъ страждущаго. За нѣсколько времени до своей кончины, онъ сказалъ мнѣ: «Любезный Буріеннъ,

сдѣлай одолженіе прочитай мнѣ предисловіе Вольтера къ Духу Законовъ.» Когда я возвратился въ палатку Главнокомандующаго, то онъ спросилъ у меня: *Каково Кафирелли?*—Онъ близокъ къ концу своему и просилъ меня прочитать ему предисловіе Вольтера къ Духу Законовъ. Сонъ овладѣлъ имъ.—*Вотъ еще! онъ захотѣлъ слышать это предисловіе! странно.*—Бонапарте пошелъ навѣстить его; но онъ спалъ. Возвратясь къ нему, я принялъ послѣдній его вздохъ, который онъ испустилъ въ туже ночь съ величайшимъ спокойствіемъ. Смерть его возбудила сожалѣніе военныхъ и ученыхъ, съ нами находившихся. Такого сожалѣнія былъ достоинъ отличный человѣкъ, соединявшій весьма обширныя свѣдѣнія съ большою храбростью и съ прекрасною душою.

Въ приступъ 10 Маія, Бонапарте рано пришелъ въ траншею. Круазье, о которомъ я говорилъ описывая прибытіе наше въ Дамангуръ и взятіе Яффы, тщетно искалъ смерти съ самаго начала осады. Жизнь сдѣлалась ему несносною еще съ несчастнаго Яффскаго дѣла. Онъ по обыкновенію сопутствовалъ своему Генералу въ траншею. Увѣренный въ томъ что конецъ осады, который полагали близкимъ, замедлитъ на неопредѣленное время смерть, имъ искомую, онъ вошелъ на батарею. На этомъ мѣстѣ, высокій ростъ его, привлекалъ на себя

безъ пользы выстрѣлы непріятельскіе. *Круазье, сойди, приказываю тебѣ; тутъ тебѣ нечего дѣлать,* закричалъ ему Бонапарте громкимъ, повелительнымъ голосомъ. Круазье продолжалъ стоять, ничего не отвѣтствуя; чрезъ минуту пуля прострѣлила ему правую ногу. Отнятіе оной не казалось необходимымъ. Въ день отъѣзда, его положили на носилки; шестнадцать человѣкъ несли его попеременно, смѣняясь по восьми. Я принялъ послѣднее его прощаніе, между Газою и Эль-Аришемъ, гдѣ онъ скончался. Скромная могила его не часто будетъ тревожима.

Осада Сен-Жанъ д'Акры продолжалась шестьдесять дней. Было восемь приступовъ и двѣнадцать вылазокъ. Въ приступѣ 8 Маія, болѣе двухъ сотъ человѣкъ проникли въ городъ. Провозглашали уже побѣду; но въ брешъ, занятую Турками, наши шли съ нѣкоторою нерѣшительностью и вошедшіе въ городъ двѣсти человѣкъ не были поддержаны. Улицы были загорожены; крикъ, вой женщинъ, которыя бѣгая по онымъ возбуждали жителей, — все содѣйствовало къ содѣланію безполезнымъ этого краткаго занятія города горстью людей, которые, не видя себя подкрѣпленными, отступили къ пролому; но многіе, не могшіе достигнуть онаго, погибли. При этомъ приступѣ Дюрокъ, находившійся въ траншеяхъ, былъ раненъ въ

правую ногу осколкомъ бомбы, пущенной съ укрѣпленія. Къ счастію ему сорвало только мясо, не повредивъ кости. Онъ жилъ въ общей палаткѣ со многими другими Адъютантами. Чтобы ему было спокойнѣе, я отдалъ ему свою. Я почти не покидалъ его и вошедъ однажды около полудня къ нему въ палатку, нашелъ его въ крѣпкомъ снѣ. Чрезвычайный жаръ принудилъ его сбросить съ себя всю одежду и часть раны его была открыта. Я увидѣлъ маленькаго скорпіона, который всползши по кроватной ножкѣ, пробирался къ ранѣ; я имѣлъ счастіе сбросить его на землю и нѣсколько сильное движеніе руки моей, разбудило раненаго.

Мы часто купались въ морѣ; и иногда Англичане, вѣроятно будучи навеселѣ, стрѣляли по нашимъ головамъ; сколько мнѣ извѣстно, это ни разу не причинило намъ бѣды и увѣренные въ томъ что они не могутъ въ насъ попасть, мы почти не обращали на нихъ вниманія. Это даже насъ забавляло.

Еслибъ не такъ поспѣшили атакою и еслибъ осада Акры была учреждена по правиламъ военнаго искуства, то она не продолжалась бы трехъ дней; приступа, подобнаго произведенному 8 Маія, было бы достаточно. Еслибъ въ положеніи, въ которомъ мы находились, увидѣвъ стѣны Акры, мы съ меньшимъ легкомысліемъ сообразили силу этой крѣпости; еслибъ также имѣ-

ли въ виду дѣятельное участie Англичанъ и Оттоманской Порты, совершенное неимѣнie нами осадныхъ орудiй, недостатокъ пороха, трудность добыванiя съѣстныхъ припасовъ, и проч. то конечно осаду бы не предприняли и это было бы гораздо благоразумнѣе.

Къ концу осады, Главнокомандующiй получилъ извѣстiя о нѣкоторыхъ незначительныхъ возстанiяхъ въ Сѣверномъ Египтѣ: ангелъ воздвигъ ихъ: онъ соблаговолилъ принять имя и именоваться Эль-Моди. Это изувѣрное безумiе не было продолжительно: все скоро усмирилось. Фанатикъ сей успѣлъ только собрать у насъ въ тылу нѣсколько бродягъ, коихъ мечты вскорѣ были разсѣяны ружейными выстрѣлами.

Я удивлялся что нѣтъ извѣстiй изъ Верхняго Египта. *Дезе тамъ*, сказалъ Бонапарте, *и я спокоенъ*. Но чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ извѣстiя отъ сего Генерала, который безпрестанно поражалъ и преслѣдовалъ неутомимаго Мурадъ Бея и его сподвижниковъ. Изъ донесенiй Дезе, Бонапарте узналъ, что прекрасная, большая *джерма* (Нильская лодка) названная имъ *Италiею*, сѣла на мель у западнаго берега Нила близъ деревни Бенута, послѣ упорнаго боя, принудившаго Дезе отступить. На этой джермѣ находилась большая часть музыки 61-й Полу-бригады, нѣсколько вооруженныхъ людей, раненые и съѣстные припасы. Начальникъ

опой Моранди, перебивъ продолжительнымъ огнемъ своимъ множество Феллаговъ и Арабовъ, наконецъ потерялъ всю надежду и не желая сдаться этимъ варварамъ, зажегъ порохъ и самъ кончилъ жизнь свою въ волнахъ. Всѣ избѣгнувшіе пламени были умерщвлены Ямбосскими Арабами, которые считаются самыми свирѣпыми во всемъ краю. Частныя письма, сопровождавшія донесеніе, говорили что эти варвары простерли свою свирѣпость до того что привязавъ плѣнниковъ къ деревьямъ, терзали ихъ ужаснѣйшими муками при звукахъ музыки, которую принуждены были производить ихъ несчастные товарищи; всѣ до послѣдняго такимъ же образомъ погибли. Эта печальная вѣсть съ ея ужасными подробностями и имя джермы, сильно поразили Генерала, который сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: *Любезный другъ, Италія потеряна для Франціи; это будетъ: предчувствія мои никогда меня не обманываютъ!* Я замѣтилъ ему невозможность того чтобы могло существовать какое либо отношеніе между Италіею и лодкою, погибшею за восемь сотъ миль оттуда и носившею ея имя. Но ничто не могло заставить его устранить отъ себя мысль, сначала его поразившую: это предчувствіе долженствовало вскорѣ оправдаться.

++

ГЛАВА XVI.

Снятіе осады Сен-Жанъ д'Акры. — Показанія Бюлетена.—Генералъ запрещаетъ мнѣ быть въ огнѣ.—Мечты Наполеона о взятіи Акры. — Исполинскіе замыслы.—Новая Имперія въ воображеніи.—Замѣтки, написанныя послѣ достопримѣчательнаго разговора. — Друзы. — Заблужденія большаго числа писателей.—Происхожденіе этихъ заблужденій. — Возстановленная истина. — Конецъ бѣдственнаго похода къ Аркѣ.—Гора Кармель.—Мюратъ и Мурадъ-Бей.—Раненные и зараженные чумою. — Страданія и эгоизмъ. — Приказъ итти пѣшкомъ.—Вспыльчивость Генерала съ берейторомъ Вигонемъ.—Страхъ, возбужденный чумными.—Движущіеся пески.—Потеря пушекъ. — Проходъ чрезъ Цесарею.—Возвращеніе въ Яффу.—Выстрѣлъ изъ ружья, сдѣланный въ Наполеона.—Бонапарте въ госпиталѣ зачумленныхъ.—Исправленныя заблужденія. — Усыпительный пріемъ. — Истина о происшедшемъ въ Яффѣ —Неточность донесеній. — Разборъ сужденія Наполеона на островѣ Св. Элены.

Осада Сен-Жанъ д'Акры была снята 20 Маія. Она стоила около трехъ тысячъ убитыми, умер-

шими отъ чумы или отъ ранъ; множество было смертельно раненыхъ. Уронъ Французовъ, въ бюлетеняхъ, всегда, какъ извѣстно, справедливыхъ былъ показанъ въ пять сотъ человѣкъ убитыхъ и тысячу раненыхъ, а потеря непріятеля болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ. Бюлетени будутъ любопытными документами для исторіи, но ужъ конечно не въ отношеніи къ истинѣ. Бонапарте считалъ очень важными эти объявленія, почти всегда имъ сочиняемыя или поправляемыя, когда они были составляемы другими и когда слогъ ихъ ему не нравился. Надобно признаться, что тогда ничего не казалось столь лестнымъ, какъ быть поименованнымъ въ бюлетенѣ. Бонапарте зналъ это и считалъ большою наградою быть въ оный помѣщеннымъ и большою немилостью непопасть въ него.

Генералъ Бертье, которому я часто изъявлялъ мое сильное желаніе видѣть вблизи осадныя работы, свелъ меня туда; и послѣ, не смотря на обѣщаніе свое молчать, сказалъ объ этомъ Главнокомандующему, который запретилъ мнѣ туда ходить. *За чѣмъ ты туда ходилъ?* сказалъ мнѣ Бонапарте довольно сурово; *тамъ не твое мѣсто.* Я замѣтилъ ему что Бертье сказалъ мнѣ, что въ этотъ день не будетъ приступа и что онъ не полагалъ возможною вылазку, ибо гарнизонъ дѣлалъ ее наканунѣ. *Что нужды, могла быть вылазка. Тѣ, которые лезутъ не*

въ свое мѣсто, всегда бываютъ первыми жертвами. Всякой знай свое ремесло. Хоть бы ты былъ раненъ или убитъ, а я не упомянулъ бы о тебѣ въ бюлетенѣ. Надъ тобой бы посмѣялись и очень хорошо бы сдѣлали.

Бонапарте, не подвергавшись до тѣхъ поръ неудачамъ и переходя отъ одной побѣды къ другой, твердо былъ увѣренъ во взятіи Акры. Въ письмахъ своихъ къ Генераламъ, находившимся въ Египтѣ, онъ назначалъ его двадцать пятаго Апрѣля. Онъ расчитывалъ, что большой приступъ для заложенія ложемента въ башнѣ не ранѣе могъ быть произведенъ какъ въ этотъ день: его сдѣлали двадцатью четырью часами прежде. Онъ писалъ къ Дезе 19 Апрѣля: *Я надѣюсь овладѣть Акрою черезъ шесть дней.* Онъ сообщалъ Жюно 2 Маія: *Наши* 18 *и* 24 *фунтовыя орудія прибыли; мы надѣемся чрезъ нѣсколько дней вступить въ Акру. Огонь ея артиллеріи совершенно замолкъ.* Напечатаны отъ 30 Флореаля письма, въ коихъ онъ возвѣщаетъ Дугѣ и Пуссіельгу, что онъ будетъ въ Акрѣ 6 Флореаля и что на это можно положиться. Въ этомъ очевидная ошибка. «Самыя ничтожныя обстоятельства производятъ великія событія,» сказалъ Наполеонъ въ Дневникѣ Острова Св. Элены; «еслибъ Сен-Жанъ д'Акра пала, *то я бы измѣнилъ видъ міра.*» А потомъ: «*Жребій Востока въ этомъ городишкѣ.*« Мысль

сія не изъ тѣхъ, которыя онъ имѣлъ только на Островѣ Св. Элены: эти самыя слова онъ часто повторялъ передъ Сен-Жанъ д'Акрою. Исполинскіе замыслы мучили его на берегу Птоломанды, подобно какъ на островѣ Св. Элены вѣроятно мучило его сожалѣніе о томъ что онъ ихъ не исполнилъ. Слѣды сего замысла видны въ томъ что онъ писалъ Клеберу и Директоріи; но ниже увидятъ, какое вознагражденіе обрѣталъ онъ въ случаѣ неудачи сего предпріятія противъ Сен-Жанъ д'Акры.

Вотъ разговоръ, который онъ имѣлъ со мною, послѣ несчастнаго приступа 8 Маія, въ которомъ другъ его, Генералъ Ланнъ былъ раненъ. Мы прохаживались съ нимъ почти каждый вечеръ въ небольшомъ разстояніи отъ берега моря. На другой день послѣ сего тщетнаго покушенія, Бонапарте огорченный безполезнымъ пролитіемъ крови столь многихъ храбрыхъ людей, сказалъ мнѣ: *Да Буріеннъ, я вижу что этотъ дрянной городишко стоилъ мнѣ много людей и отнялъ много времени. Но дѣла слишкомъ завязались для того чтобы не испытать еще послѣдняго усилія. Если я успѣю, какъ полагать должно, то я найду въ городѣ сокровища Паши и оружіе для трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Я возстановлю и вооружу всю Сирію, раздраженную свирѣпостью Джеззара, коего паденія обыватели, при каждомъ при*

ступѣ просили у Бога. Я пойду къ Дамаску и къ Алепу. Подвинувъ впередъ мою армію, я усилю ее всѣми недовольными; объявлю народу уничтоженіе рабства и тиранскаго правленія Пашей. Прихожу въ Константинополь съ вооруженными полчищами. Ниспровергаю Турецкую Имперію. Основываю на Востокѣ новую, великую Имперію, которая утвердитъ мѣсто мое въ потомствѣ и можетъ быть возвращусь въ Парижъ черезъ Адріанополь или чрезъ Вѣну, уничтоживъ Австрійскій домъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, внушенныхъ мнѣ столь обширнымъ замысломъ, онъ продолжалъ: *Да развѣ ты не видишь, что Друзы ожидаютъ только взятія Акры для того чтобы возстать? Развѣ мнѣ уже не предлагали ключей Дамасска? Я отложилъ до взятія этихъ стѣнъ потому что теперь не могу извлечь выгодъ изъ этого большаго города. Чрезъ движеніе, мною замышляемое, я воспрепятствую всякаго рода пособіямъ Египетскимъ Беямъ и обеспечу это завоеваніе. Я назначу Дезе Главнокомандующимъ. Если я не успѣю въ послѣднемъ приступѣ, который намѣреваюсь сдѣлать, то сей часъ уѣду: время не терпитъ. Я не попаду въ Каиръ ранѣе половины Іюня. Вѣтры тогда благопріятствуютъ плаванію съ Сѣвера въ Египетъ. Константинополь пришлетъ войска въ Александ-*

рію и въ Розетту; я долженъ быть тамъ. Чтоже касается до арміи, которая придетъ послѣ сухимъ путемъ, то я не боюсь ее этотъ годъ. Я прикажу истребить все до самаго вступленія въ степь. Я сдѣлаю невозможнымъ приходъ арміи на два года. Она не можетъ существовать посреди развалинъ.

Возвратясь въ свою палатку, я тотчасъ набросалъ на бумагу этотъ разговоръ, наполнявшій еще умъ мой и сердце. Я почти готовъ сказать что тутъ нѣтъ ни въ одномъ словѣ разницы. Я долженъ прибавить что дѣйствительно въ продолженіе всей осады, лагерь нашъ былъ наполненъ туземцами, которые просили Небо о успѣхѣ нашего оружія и при каждомъ приступѣ съ усердіемъ за насъ молились. Многіе изъ нихъ становились на колѣна, обращаясь лицемъ къ городу. Справедливо также, что городъ Дамасскъ предлагалъ ключи свои Наполеону. Все это льстило исполненію его любимаго замысла.

Поелику, судя по положенію вещей, очень хорошо мнѣ извѣстному и въ особенности со времени послѣдняго приступа, я уже не вѣрилъ возможности взятія Сен-Жанъ д'Акры, то я могъ только удивляться такимъ исполинскимъ замысламъ. Послѣдняя часть его разговора, которая основывалась не на мечтахъ, но на существенности, совершенно отъ него зависившей,

возбудила во мнѣ тягостное чувство. Я не могъ прiучить себя къ мысли о замышляемомъ всеобщемъ опустошенiи, о грабежѣ и сожженiи страны, имѣющей пятьдесятъ миль пространства,—печальныхъ послѣдствiяхъ военной необходимости.

Друзы, на которыхъ Бонапарте очень надѣялся, и которыхъ считаютъ полу-Христiанами, покланяющимися кресту и потомками крестоносцевъ, не суть ни то, ни другое. Это заблужденiе было недавно еще выставлено въ новой книгѣ, въ которой ихъ называютъ *Христiанскими племенами.* Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ одинъ умный писатель, коего повѣствованiя о Востокѣ никогда насъ не обманывали, между тѣмъ какъ господинъ Савари написалъ только романъ. Мы узнали въ Каирѣ, что этотъ послѣднiй очень покойно въ своей комнатѣ сочинилъ свое путешествiе, основываясь на самыхъ нелѣпыхъ, на самыхъ противорѣчащихъ показанiяхъ, и когда онъ говоритъ: я видѣлъ такую-то вещь, я говорилъ съ такимъ-то Шеикомъ,—то онъ ничего не видѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Друзы, населяющiе часть Сирiи, которая лежитъ между рѣкою Рабомъ и долиною Бейакомъ до Сура,—составляютъ *Мусульманскую* секту, образовавшуюся въ началѣ одиннадцатаго столѣтiя. Правила оной заключаются въ томъ,

что безполезно наблюдать посты; свершать молитвы и обрѣзаніе, ходить на поклоненіе и наблюдать праздники; что запрещеніе вина и свинины нелѣпо; что браки между братьями и сестрами, между отцами и дѣтьми, позволительны. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, Друзскій Эмиръ, Фаръ-эль-Динъ, называемый въ просторѣчіи Факардиномъ, пріѣхалъ во Флоренцію къ Медицисскому двору, просить давно обѣщанной ему помощи для сопротивленія Туркамъ. Тогда стали разыскивать, что такое Друзы и ихъ вѣра,—вѣра столь двусмысленная что не знали, Христіане ли они, или Мусульмане. Тогда, вспомнивъ Крестовые походы, вообразили себѣ что народъ, удалившійся въ горы и враждебный Туркамъ, долженъ быть потомками крестоносцевъ. Фаръ-эль-Динъ утвердилъ въ этой мысли, для него благопріятной. Онъ даже имѣлъ искуство приписать себя въ родство съ Лотарингскимъ домомъ. Знатоки въ разборѣ происхожденій, пораженные сходствомъ именъ, возмнили что Друзы и Дрё суть одно и тоже и на этомъ основали систему мнимой Французской колоніи, будто бы основанной Графомъ Дрё въ Ливанѣ. Эта басня не могла поддержаться, ибо замѣтили, что Веніаминъ Толедскій упоминалъ о имени Друзовъ до эпохи Крестовыхъ походовъ. Сверхъ того Друзы говорятъ чистымъ Арабскимъ языкомъ, безъ

всякой примѣси Европейскаго. Настоящая этимологія этого имени происходитъ отъ основателя секты Могаммеда Бенъ-Измаила, прозваннаго Эль-Дорзи. Друзы не совершаютъ ни обрѣзанія, ни молитвъ и не наблюдаютъ постовъ. Они пьютъ вино, ѣдятъ свинину и братья у нихъ женятся на сестрахъ, но всенародные браки между отцами и дѣтьми болѣе у нихъ не существуютъ.

Войска оставили Сен-Жанъ д'Акру 20 Маія. Выступили ночью для того, чтобы избѣгнуть вылазки отъ осажденныхъ и предохранить армію, которой приходилось итти три мили по морскому берегу, отъ огня Англійскихъ лодокъ и судовъ, стоявшихъ въ заливѣ горы Кармеля. Отправленіе раненыхъ и больныхъ было начато съ 18 и 19 Маія.

Бонапарте издалъ тогда воззваніе, которое съ начала до конца *оскорбляло истину*. Оно помѣщено во многихъ книгахъ. Эпоха высадокъ искусно подвинута впередъ; всё остальное есть лживое преувеличенье. Соглашаясь въ преувеличеніи, всегда однакоже говорили, что написанное въ оной *истинно*. Можно ли далѣе простирать низкую лесть? Какъ! неужели армія, долженствовавшая осадить Александрію, нашла себѣ *конецъ* въ Акрѣ? Но кому не извѣстно, что этотъ конецъ постигъ ее черезъ два мѣсяца послѣ сего при Абукирѣ. Какъ! мы три мѣся-

ца поддерживали войну въ сердцѣ Сиріи? За то ужъ можно сказать, что война очень дурно насъ поддерживала. Мы *срыли* укрѣпленія Акры! Но за чѣмъ же мы не вошли туда? Надобно повторить, что всѣ эти воззванія, которыя Наполеонъ считалъ средствомъ для ослѣпленія публики, всегда нѣсколько легковѣрной,—были часто такъ странны, что ихъ не понимали даже въ тѣхъ мѣстахъ и что они заставляли смѣяться разсудительныхъ людей.

Вся переписка Наполеона отзывалась необходимостью скрыть свои неудачи и обмануть публику и даже своихъ Генераловъ. Онъ писалъ напримѣръ къ Генералу Дугѣ, начальствующему въ Каирѣ отъ 15 Февраля: *Я приведу вамъ много плѣнныхъ и привезу много знаменъ!* Можно подумать, что въ пребываніе свое на Востокѣ, онъ рѣшился заплатить этимъ дань землѣ баснословія.

Такъ кончился этотъ гибельный походъ. Я гдѣ-то читалъ, что въ продолженіе сего *безсмертнаго* похода, храбрые воины *Мюратъ* и *Мурадъ* часто воевали другъ съ другомъ; тутъ есть только одно маленькое затрудненіе, что Мурадъ-Бей не ступалъ ногою въ Сирію.

По берегу Средиземнаго Моря миновали Кармель. Нѣкоторыхъ изъ раненыхъ несли на носилкахъ; остальные ѣхали на лошадяхъ, на мулахъ и на верблюдахъ. Неподалеку отъ Карме-

ля узнали мы что трое зачумленныхъ, покинутыхъ въ монастырѣ, служившемъ госпиталемъ и оставленные слишкомъ довѣрчиво великодушiю Турковъ, были жестокимъ образомъ умерщвлены.

Нестерпимая жажда, совершенной недостатокъ воды, чрезвычайный жаръ и утомительный походъ по палящимъ пескамъ, испортили общую нравственность и замѣстили великодушныя чувства самымъ жестокимъ эгоизмомъ, самымъ огорчительнымъ равнодушiемъ. Я видѣлъ что сбрасывали съ носилокъ изувѣченныхъ Офицеровъ, коихъ приказано было нести и которые даже заплатили за этотъ трудъ деньги. Я видѣлъ что покидали въ степи изувѣченныхъ, раненыхъ, зачумленныхъ или даже только подозрѣваемыхъ въ зачумленiи. Шествiе освѣщалось горящими факелами, коими зажигали городки, мѣстечки, деревни и покрывавшую землю богатую жатву. Вся страна пылала. Тѣ, коимъ былъ порученъ надзоръ за этими бѣдствiями, распространяя повсюду опустошенiе, казалось хотѣли тѣмъ отмстить за свои неудачи и облегчить свои страданiя. Мы были окружены только ранеными, умирающими и зажигателями; умирающiе, брошенные по сторонамъ дороги, говорили слабымъ голосомъ: *Я не зачумленный*, *я только раненъ*; и для убѣжденiя проходившихъ они открывали свои раны или наносили себѣ новыя. Никто имъ не вѣрилъ: говорили *его дѣло кончено* и прохо-

дили мимо, ощупывали себя и были довольны Солнце, сіявшее во всемъ своемъ блескѣ на этомъ прекрасномъ небѣ, было затемняемо дымомъ нашихъ безпрестанныхъ пожаровъ. На правой рукѣ у насъ было море, на лѣвой и позади пустыня, нами производимая; впереди лишенія и страданія, насъ ожидавшія: таково было наше истинное положеніе.

Мы прибыли въ Тентуру 20 Маія: въ этотъ день былъ удушливый зной, производившій всеобщее уныніе. Для отдыха мы не имѣли ничего кромѣ голыхъ, жгучихъ песковъ; а на правой сторонѣ враждебное, пустое море. Потеря наша ранеными и больными, была уже очень значительна со времени выступленія нашего изъ подъ Акры. Будущее не представляло ничего веселаго. Это истинно печальное положеніе, въ которомъ находились остатки арміи нѣкогда называемой *побѣдоносною*, произвело на Главнокомандующаго впечатлѣніе, котораго оно не могло не произвесть. По прибытіи въ Тентуру, онъ тотчасъ приказалъ поставить свою палатку; кликнулъ меня и продиктовалъ мнѣ въ глубокой задумчивости, неизбѣжномъ послѣдствіи нашего положенія, приказъ, чтобы всѣ шли пѣшкомъ и чтобы всѣ лошади, всѣ мулы, всѣ верблюды были отданы раненымъ, больнымъ и зачумленнымъ, взятымъ съ собою и обнаруживавшимъ еще признаки жизни. *Отнеси это*

къ Бертье. Приказъ былъ тотчасъ разосланъ. Едва успѣлъ я воротиться, какъ берейторъ Главнокомандующаго Вигонь вошелъ туда и снявъ шляпу спросилъ: *Генералъ, которую лошадь вы прикажете для себя оставить?* Въ первомъ движенiи гнѣва, возбужденнаго этимъ вопросомъ, Главнокомандующiй сильно стегнулъ берейтора по лицу хлыстомъ и грознымъ голосомъ воскликнулъ: *Пусть всѣ идутъ пѣшкомъ, чортъ побери! и я первый; развѣ ты не слыхалъ приказа? Пошолъ вонъ.*

Тутъ всякой началъ стараться о томъ, чтобы не давать своей лошади для тѣхъ больныхъ, которыхъ считали зачумленными. Заботливо разспрашивали о родѣ болѣзни; что касается до раненыхъ и до изувѣченныхъ, то на счетъ ихъ нисколько не затруднялись. У меня была добрая лошадь для меня собственно, мулъ и два верблюда: я съ радостью все это отдалъ; но признаюсь что приказалъ моему слугѣ какъ можно стараться, чтобы на мою лошадь не сажали зачумленнаго. Ее мнѣ въ скоромъ времени отдали; тоже случилось и со многими другими. О причинѣ сего конечно можно догадаться.

Тентура и глубокiе пески ея лишили насъ послѣднихъ осадныхъ орудiй, которыя нельзя ужъ было везти за недостаткомъ лошадей, употребленныхъ на другiя, болѣе необходимыя на-

добности. Солдаты, казалось забыли свои страданія при соболѣзнованіи объ этихъ пушкахъ, бывшихъ столь часто орудіями и свидѣтелями ихъ побѣдъ,—пушкахъ, заставлявшихъ трепетать Европу.

Переночевавъ 22 Маія въ Цесареѣ, мы шли всю слѣдующую ночь. На разсвѣтѣ, человѣкъ, скрывшійся за кустомъ на лѣвой сторонѣ дороги (въ право у насъ было въ нѣсколькихъ шагахъ море), выстрѣлилъ почти въ припоръ изъ ружья въ Главнокомандующаго, уснувшаго на лошади своей. Я находился близъ него. Лѣсъ былъ обысканъ, Наплузецъ безъ труда найденъ и его приказано тутъ же на мѣстѣ разстрѣлять. Четыре вожатыхъ погнали его къ морю, погоняя его въ спину своими карабинами. Дошедъ до берега они выстрѣлили и ни одинъ изъ четырехъ карабиновъ не попалъ, что приписали чрезвычайной сырости ночи. Сиріецъ бросился въ воду и съ удивительнымъ проворствомъ и ловкостью уплылъ на отмель, столь отдаленную, что выстрѣлы всего отряда не могли до него достать. Бонапарте, продолжая путь свой, приказалъ мнѣ подождать Клебера, коего дивизія составляла аріергадръ и сказать ему чтобы онъ не упустилъ этого бездѣльника. Наконецъ, кажется, онъ палъ.

Мы возвратились въ Яффу 24 Маія и пробыли тамъ 25, 26, 27 и 28 числа. Городъ сей,

бывшiй недавно свидѣтелемъ ужасной необходимости, долженствовалъ еще разъ увидѣть эту необходимость, предписывающую смерть. Мнѣ предлежитъ здѣсь тяжкая обязанность: я исполню ее и скажу то что я знаю, то что я видѣлъ.

Я читалъ въ одной книгѣ:

«Бонапарте, прибывъ въ Яффу, приказалъ сдѣлать три отправленiя зачумленныхъ: одно моремъ чрезъ Дамiетту; а два *сухимъ путемъ*, одно чрезъ Газу, другое чрезъ Эль-Аришъ.

Въ этихъ немногихъ строкахъ, сколько словъ столько и ошибокъ.

Какъ можно было отправить ихъ моремъ, когда не имѣлось ни одного судна? И потомъ, откуда было взять съѣстныхъ припасовъ, врачей и охранную для провожанiя ихъ стражу?

Сухимъ путемъ! съ ними выступили остатки армiи: то что могло выступить. Притомъ единственная дорога въ Каиръ идетъ чрезъ Газу и чрезъ Эль-Аришъ. Для чего же было бы дѣлать два отправленiя: одно чрезъ Газу, а другое чрезъ Эль-Аришъ?

Нѣсколько палатокъ поставили на небольшомъ возвышенiи близъ садовъ, окружающихъ Яффу съ Востока. Тотчасъ было приказано подкопаться подъ укрѣпленiя и взорвать ихъ на воздухъ; и 27 Маiя по условленному знаку, мы вдругъ увидѣли городъ открытымъ. Черезъ

часъ послѣ того, Главнокомандующій отправился туда изъ своей палатки съ Бертье, съ нѣсколькими врачами и хирургами и со своимъ обыкновеннымъ Штабомъ; я сопутствовалъ ему: печальное, продолжительное разсужденіе произошло о жребіи, ожидавшемъ зачумленныхъ, которые не имѣли надежды къ исцѣленію и находились при концѣ жизни. Послѣ самыхъ совѣстливыхъ преній, рѣшились ускорить нѣсколькими минутами, посредствомъ усыпительнаго пріема—смерть, неизбѣжную чрезъ нѣсколько времени, но болѣе болѣзненную и болѣе жестокую.

Бонапарте, быстро объѣхавъ ниспровергнутыя стѣны этого небольшаго городка, отправился въ госпиталь: тамъ были изувѣченные, раненые, страждущіе воспаленіемъ глазъ, которые испускали жалобные вопли и зачумленные. Кровати этихъ послѣднихъ находились на право при входѣ въ первую палату. Утверждаю, что я не видалъ, чтобы онъ прикасался хоть къ одному зачумленному. И для чего ему было бы къ нимъ прикасаться? они находились въ послѣднемъ періодѣ болѣзни. Ни одинъ не произносилъ ни слова. Бонапарте очень зналъ, что онъ не безопасенъ отъ зараженія. Неужели и тутъ вмѣшаютъ фортуну? она по истинѣ мало благопріятствовала ему въ послѣдніе мѣсяцы для того, чтобы онъ могъ ввѣ-

риться ея благосклонности. Спрашиваю, сталъ ли бы онъ подвергаться вѣрной смерти для того, чтобы оставить свою армiю посреди степи, нами опустошенной, въ разрушенномъ городкѣ, безъ пособiй и безъ надежды получить оныя? Онъ, столь нужный, столь необходимый, чего нельзя отвергнуть—для его армiи? онъ, коего глава была въ эту минуту, *безъ всякаго сомнѣнiя* блюстительницею жизни всѣхъ тѣхъ, которые пережили послѣднiя бѣдствiя, которые доказали ему своею преданностью и перенесенными ими страданiями и лишенiями, свою непоколебимую храбрость; которые дѣлали все, чего можно было по человѣчеству отъ нихъ требовать, и которые имѣли довѣренность только къ нему.

Бонапарте скоро прошелъ чрезъ палаты, слегка стегая по желтымъ отворотамъ сапогъ своихъ хлыстомъ, который онъ держалъ въ рукѣ. Идучи большими шагами, онъ повторялъ: *Укрѣпленiя разрушены. Фортуна не благопрiятствовала мнѣ въ Сен-Жанъ д'Акрѣ. Я долженъ возвратиться въ Египетъ, дабы предохранить его отъ имѣющихъ прiйти непрiятелей. Черезъ нѣсколько часовъ Турки будутъ здѣсь; всѣ, которые имѣютъ довольно силъ для того, чтобы отправиться съ нами, будутъ перенесены на носилкахъ и на лошадяхъ.* Зачумленныхъ было едва шестьдесятъ человѣкъ.

Все показанное свыше сего числа, преувеличено. Ихъ совершенное безмолвіе, ихъ обезсиленіе и всеобщее разслабленіе, возвѣщали близкую ихъ кончину. Взять ихъ съ собою въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, значило бы очевидно привить заразу къ остаткамъ арміи. Правда что по возвращеніи моемъ въ Европу, я узналъ, что нѣкоторые люди безнаказанно прикасались къ зачумленнымъ, что другіе даже прививали себѣ чуму для того, чтобы излечить зараженныхъ сю. Избавить отъ оной могло только большое покровительство Неба; и дабы нѣсколько прикрыть нелѣпость такой сказки, прибавляютъ, что люди сіи умѣли *избѣгать* опасности и что дѣлавшіе это безъ предосторожностей, умирали. Весь вопросъ дѣйствительно состоитъ въ этомъ. Или привилегированные эти люди принимали строгія предосторожности и тогда геройство ихъ есть не что иное какъ шутовство; или, прикасаясь къ зачумленнымъ безъ предосторожностей, они прививали себѣ чуму, пренебрегая смертью и въ такомъ случаѣ, это сказка.

Зачумленныхъ поручили—такъ писано—главному Аптекарю Рожеру, который, скончавшись въ Египтѣ, унесъ съ собою тайну въ гробъ черезъ три года послѣ отбытія Французской арміи. Но всякой разсудитъ, что оставить Рожера одного въ Яффѣ, значило очевидно обречь

на смерть,—вѣрную, скорую и жестокую,—человѣка полезнаго и здороваго. Ему нельзя было оставить никакой стражи ибо Турки шли за нами по слѣдамъ, и Бонапарте, проходя по палатамъ Госпиталя, основательно говорилъ, что черезъ часъ Турки будутъ въ Яффѣ. Не ужели съ этимъ убѣжденіемъ, онъ оставилъ бы Главнаго Аптекаря въ этомъ городѣ?

Когда историкъ не видѣлъ событія и когда на счетъ онаго существуетъ несогласіе, то надобно склоняться на то, что болѣе вѣроподобно въ противорѣчащихъ показаніяхъ и основываться на предъидущихъ обстоятельствахъ.

Безпрестанно хотятъ завоеваній, славы, блистательныхъ подвиговъ; надобно же дать участокъ и несчастіямъ. Предпочитаютъ громкія названія славы и побѣдъ, миру и благополучію; да не забудутъ что миръ и благополучіе часто должны быть приносимы онымъ въ жертву. Сбираясь упрекать въ жестокомъ поступкѣ вождя, принуждаемаго неудачами и бѣдственными обстоятельствами къ неизбѣжнымъ крайностямъ,—слѣдуетъ прежде произнесенія приговора, хорошенько войти въ его положеніе и по чистой совѣсти спросить у себя, не сдѣлали ли бы мы тогоже. Тогда должно пожалѣть о томъ, который принужденъ свершать то что кажется жестокимъ; но надобно извинить его.

Дабы поддерживать противное тому что я

говорю, необходимо прибѣгать къ предположеніямъ.

Говорили напримѣръ, что зачумленные были посажены на военныя суда; но судовъ не было. Куда же они приплыли? кто ихъ принялъ? Куда ихъ дѣвали? Объ этомъ никто не упоминаетъ.

Другіе, не сомнѣваясь въ томъ, что эти зачумленные умерли въ Яффѣ, говорятъ что аріергардъ, предводительствуемый Клеберомъ, останавливался по приказанію Наполеона на три дня и не прежде продолжалъ путь свой, какъ въ то время, когда смерть положила конецъ страданіямъ этихъ несчастливцевъ, которыя не были сокращены *никакимъ* дѣйствіемъ. Все это несправедливо; аріергарда не оставляли, да сего и нельзя было сдѣлать. Какъ будто забываютъ что городскія стѣны были разрушены, что городъ былъ открытъ какъ деревня и не имѣлъ никакихъ оборонительныхъ средствъ; это значило бы осудить слабый аріергардъ на вѣрную погибель. Даже числа противорѣчатъ этимъ предположеніямъ. Достовѣрно и это можно видѣть изъ офиціяльныхъ донесеній, что мы прибыли въ Яффу 24 Маія, и пробыли тамъ 25, 26 и 27. Мы выступили оттуда 28 числа. Слѣдовательно аріергардъ, который по этимъ показаніямъ вышелъ оттуда 29 числа, не оставался даже и по ихъ предположенію три дня

послѣ армiи для того чтобы дождаться смерти больныхъ. Но онъ дѣйствительно выступилъ 29 Маiя, черезъ день послѣ насъ. Вотъ слова Дежурнаго Генерала, написанныя подъ глазами и по приказанiю Главнокомандующаго въ офицiяльномъ донесенiи:

«Армiя прибыла въ Яффу 5 Прерiаля (24 «Маiя) и пробыла тамъ 6, 7 и 8 (25, 26 и 27 «Маiя). Это время было употреблено для нака«занiя деревень, которыя дурно вели себя. Яфф«скiя укрѣпленiя были взорваны на воздухъ; «вся крѣпостная чугунная артиллерiя кинута «въ море. Раненые отправлены моремъ и су«химъ путемъ; по малому числу судовъ и дабы «дать время для произведенiя отправокъ сухимъ «путемъ, принуждены были отсрочить до 9 «числа (28 Маiя) выступленiе армiи.

«Дивизiя Клебера составляющая арiергардъ, «выступитъ изъ Яффы не ранѣе 10 (29 Маiя).»

Должно замѣтить, что въ этомъ донесенiи ни слова не сказано о *зачумленныхъ*, ни слова о посѣщенiи госпиталя и о прикосновенiи къ зараженнымъ чумою. Объ этомъ не было упомянуто ни въ какомъ офицiяльномъ донесенiи. За чѣмъ это молчанiе? Бонапарте былъ не такой человѣкъ, чтобы умалчивать о такомъ дѣлѣ, на которое онъ прекрасно бы могъ ссылаться, говоря о своей фортунѣ. Если зачумленные были отправлены, то почему же объ нихъ не ска-

зано? Почему умолчано о такомъ важномъ дѣлѣ? Но надобно было бы признаться, что слѣдствія несчастнаго похода принуждали къ этой мѣрѣ. Надобно было сообщать отвратительныя подробности. Сочли лучше молчать.

Мнѣ извѣстно что есть много переиначенныхъ разсказовъ объ этомъ дѣлѣ, въ коемъ можно бы откровенно признаться, доказавъ въ тоже время его непремѣнную и жестокую необходимость. Что касается до меня, я говорю то что я считалъ правдою *тогда* и то что я считаю правдою *теперь*. Я не могу сказать, что я видѣлъ какъ зачумленныхъ опоили: я бы солгалъ. Посему я не могу никого наименовать, не подвергаясь опасности сказать неправду. Но я опредѣлительно знаю что такъ было рѣшено и что такъ *долженствовало* быть рѣшено послѣ разсужденій; что приказъ былъ отданъ и чумные умерли; въ чемъ я ручаюсь дабы это могло послужить къ открытію истины (*). Какъ! то, о чемъ говорили на другой день по выступленіи изъ Яффы во всей Главной Квартирѣ, какъ о положительномъ дѣлѣ; то о чемъ мы разсуждали какъ объ ужасномъ несчастіи; то что было

(*) Но къ чему послужитъ эта истина?—Къ доказательству неизбѣжной необходимости этого дѣла.

Чтобы ни говорили, а правда не состоитъ въ согласіи большаго числа. Всѣ народы вѣрили астрологіи, вліянію луны; но никогда не вѣрили оным немногіе, разсудительные люди.

всѣми разглашаемо въ армiи; то что считалось дѣломъ, коего только разспрашивали о подробностяхъ, даже не помышляя о томъ, чтобы въ немъ сомнѣваться (я ссылаюсь на всѣхъ правдолюбивыхъ людей, тамъ находившихся), — сдѣлалось бы злобною выдумкою для того чтобы омрачить славу героя, который безъ сего предсталъ бы совершенно чистый предъ потомство!

Мнѣнiя *со временемъ* перемѣняются и я утверждаю что безъ необъятнаго могущества, прiобрѣтеннаго Наполеономъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествiя, оно считалось бы теперь историческимъ событiемъ, о необходимости коего только, въ хорошую или въ дурную сторону бы разсуждали.

Очень можетъ быть что тѣ, которые въ то время содѣйствовали этому дѣлу съ наивеличайшимъ убѣжденiемъ въ его необходимости,—въ послѣдствiи наисильнѣе возставали противъ того что послѣ было признано преступленiемъ. Кто знаетъ что они не станутъ когда нибудь хвалиться какъ милосердымъ, человѣколюбивымъ дѣломъ, тѣмъ что они теперь называютъ жестокимъ поступкомъ.

Но послушаемъ самого Наполеона. По написанному на Островѣ Св. Элены, онъ разсказывалъ, *что онъ приказалъ разсмотрѣть какъ лучше поступить. Донесено было что семь*

или восемь человѣкъ (число ничего тутъ не составляетъ) *такъ опасно больны, что они не могли жить больше двадцати четырехъ часовъ; что будучи притомъ заражены чумою, они сообщили бы эту болѣзнь всѣмъ прочимъ солдатамъ. Многіе настоятельно испрашивали себѣ смерти. Думали что человѣколюбиво будетъ ускорить смерть ихъ нѣсколькими часами.* За этимъ слѣдуетъ басня о пяти стахъ человѣкахъ аріергарда, видѣвшихъ какъ они умерли. Онъ прибавляетъ: *Я не сомнѣваюсь, что эта исторія отравленія была разсказана Ден . . . любившимъ поболтать: его дурно поняли и потомъ не то стали повторять.* Наконецъ онъ заключаетъ слѣдующими словами: *Я не считаю, что было бы преступленіемъ дать опіумъ зачумленнымъ. Напротивъ того, это значило бы повиноваться законамъ разсудка. Какой человѣкъ не предпочелъ бы скорую смерть ужасу, оставшись въ живыхъ, подвергнуться страшнымъ мукамъ этихъ варваровъ. Еслибъ сынъ мой, котораго я люблю столько, сколько можно любить своего сына, находился въ такомъ же положеніи, какъ эти несчастные; то по моему мнѣнію тоже бы слѣдовало сдѣлать; и еслибъ это былъ я самъ, то потребовалъ бы, чтобы также со мною поступили.*

Эти самыя разсужденія, сдѣланныя имъ на

островѣ Св. Элены, суть не что иное, какъ повторенie тѣхъ, которыя всякой и самъ онъ дѣлалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ Яффѣ.

Небольшая армiя прибыла въ Каиръ 14 Iюня послѣ двадцати пяти дней самаго труднаго похода и претерпѣвъ наивеличайшiя нужды. Жаръ при переходѣ чрезъ степь между Эль-Аришемъ и Бельбеисомъ, былъ болѣе 33 градусовъ. При опущенiи термометра въ песокъ, ртуть поднималась до 45°; обманчивое отраженie было еще утомительнѣе чѣмъ на равнинахъ Богаиресскихъ. Не взирая на опытность нашу, нестерпимая жажда и совершенное подобie воды, заставляли насъ понуждать нашихъ утомленныхъ лошадей къ этимъ обманчивымъ озерамъ, которыя вскорѣ превращались для насъ въ знойные, соленые пески. Цѣлыхъ два дня плащъ мой былъ покрытъ солью, которая испарялась изъ водъ, оную содержавшихъ. Соленыя воды этихъ степей, коихъ съ жадностью напились лошади, погубили великое число ихъ и онѣ падали за четверть мили отъ водопоя.

Неудача Сирiйскаго похода подала поводъ къ непомѣрнымъ жалобамъ и къ размышленiямъ, возбуждаемымъ нашимъ положенiемъ. «За чѣмъ,» говорили многie, «было ходить противъ армiи, «которая еще не существовала? За чѣмъ, если «предполагалось, что она нѣкогда придетъ для «нападенiя на Египетъ, избавлять ее отъ труд-

«ностей перехода чрезъ степь; и за чѣмъ было «итти осаждать эту армію въ ея укрѣпленіяхъ, «вмѣсто того, чтобы ожидать оную въ доли«нахъ Египта? Развѣ не извѣстно было что «море, долженствовавшее составлять столь важ«ную статью въ этомъ походѣ, было въ союзѣ «съ нашими непріятелями?» На эти основательныя разсужденія конечно нечего было бы отвѣчать, еслибъ истинная цѣль сего похода состояла только въ томъ—какъ возвѣщали воззванія и офиціяльныя донесенія—чтобы уничтожить или ослабить Сирійскаго палача. Но читатели видѣли, что она скрывала одинъ изъ исполинскихъ замысловъ, безпрестанно раждаемыхъ пылкимъ воображеніемъ Наполеона и его неутомимою страстью дѣйствовать.

Бонапарте отправилъ предъ собою въ Каиръ одинъ изъ тѣхъ ложныхъ Бюлетеней, которымъ вѣрили только дураки. *Я приведу съ собою*, говорилъ онъ, *много плѣнныхъ и привезу много знаменъ. Я срылъ до основанія дворецъ Джеззара и стѣны Акры. Не осталось камня на камнѣ; всѣ жители выѣхали изъ города моремъ. Джеззаръ опасно раненъ.*

Признаюсь, что мнѣ тягостно было писать со словъ его это офиціальное извѣстіе, коего каждое слово было ложь. Послѣ всего того что я видѣлъ мнѣ трудно было не сдѣлать ему нѣкоторыхъ замѣчаній; но онъ всегда от-

вѣтствовалъ: *Любезный, ты глупъ: ты ничего тутъ не смыслишь*; и говоря это, онъ подписывалъ Бюлетень свой, долженствовавшiй распространиться по свѣту и служить вдохновенiемъ историкамъ и поэтамъ.

Послѣ двухъ происшествiй въ Яффѣ, послѣ потери такого числа храбрыхъ воиновъ подъ Акрою, послѣ столькихъ неоспоримыхъ бѣдствiй, при всевозможной восторженности,—больно читать во многихъ сочиненiяхъ, что *Сирiйская армiя съ торжествомъ вступила въ Каиръ*; тѣ которые это говорятъ, тамъ не были. Легко посреди прiятностей жизни, описывать въ прекрасномъ видѣ вещи, которыхъ самъ не видалъ.

Приписывали бунтамъ, вспыхнувшимъ во время несчастнаго нашего похода въ Сирiю, возвращенiе наше въ Каиръ: ничто не можетъ быть этого несправедливѣе. Нельзя не шутя назвать бунтами незначительные мятежи *ангела* Эль-Моди въ Богагире и маловажныя возмущенiя въ Шаркiе. Неудача, постигшая насъ предъ Сен-Жанъ д'Акрою, опасенiя или лучше сказать благоразумная предусмотрительность высадки непрiятеля въ Iюлѣ, были достаточны для того чтобы побудить насъ къ возвращенiю въ Египетъ и это возвращенiе не имѣло другой причины. Что мы могли еще сдѣлать въ Сирiи? Терять людей и время; а конечно у Главнокомандующаго не было въ излишествѣ ни того, ни другаго.

✤✤✤

ГЛАВА XVII.

Цесарь и Ксенофонтъ.—Бонапарте Историкъ.—*Собственноручныя* замѣчанія Наполеона о Египтѣ.—Нилъ.—Степь.—Мамелюки.—Арабы.—Способы Египта.—Разливъ Нила.—Наводненія. — Каналы. — Предположенія объ источникахъ Нила.—Беспечность правителей Египта.—Мои пояснительныя замѣчанія.—Оазисы. — Пальмовыя деревья.—Относительное разстояніе важныхъ мѣстъ — Народонаселеніе. — Области.—Улемы.—Глава Улемовъ.—Мечети.—Бѣдные и путешественники. — Деревни и поселяне.—Существенные доходы.—Возможные доходы.—Наложенные Французами поборы —Возвращеніе въ Каиръ. — Жары.—Новыя дѣйствія отраженія.—Ропотъ.—Преувеличенные Бюлетени. — Отвѣтъ Генерала на одно изъ моихъ замѣчаній.—Опроверженіе ложныхъ слуховъ.

Изъ всѣхъ исторических книгъ, оставленныхъ намъ древностью, наисправедливѣе уважають тѣ рѣдкія и драгоцѣнныя сочиненія, ко-

торыя созданы людьми, одаренными въ тоже время и геніемъ изобрѣтающимъ и исполняющимъ великія дѣла и геніемъ, умѣющимъ повѣствовать объ оныхъ. Таковы суть въ первомъ ряду: исторія *Отступленія десяти тысячъ* Ксенофонта и *Коментаріи* Цесаря. Бонапарте, коего имя можетъ безъ лести быть поставлено послѣ именъ этихъ двухъ великихъ мужей, отличался искуствомъ передавать свои мысли. Это мнѣніе, раздѣляемое всѣми, которые имѣли случай довольно долго и довольно часто слышать какъ онъ развертывалъ свои великія идеи, конечно будетъ принято и тѣми которые прочтутъ написанное уже объ немъ мною и главу, теперь мною начинаемую. Я могу такъ говорить ибо это сочиненіе Наполеона, а не мое; я только позволилъ себѣ присоединить нѣкоторыя замѣчанія, могущія служить дополненіемъ его краткихъ, возвышенныхъ обзоровъ.

Въ продолженіе времени, протекшаго съ возвращенія нашего въ Каиръ до отъѣзда къ Пирамидамъ, Бонапарте составилъ нижепомѣщенныя ЗАМѢЧАНІЯ О ЕГИПТѢ. Я оставилъ этому сочиненію скромное имя ЗАМѢЧАНІЙ, потому что онъ самъ такъ ихъ назвалъ. Эти замѣчанія онъ не диктовалъ мнѣ, а написалъ ихъ самъ съ большимъ тщаніемъ. У меня однакожъ находится только часть собственноручнаго манускрипта и мнѣ неизвѣстно, что сдѣлалось съ

остальною частью; но копія, которую я списалъ съ него въ Каирѣ, поправлена во многихъ мѣстахъ рукою Генерала и я могу увѣрить, что тутъ нѣтъ ни одного слова, которое не принадлежало бы ему.

ЗАМѢЧАНІЯ.

I. Египетъ есть не что иное какъ долина Нила отъ Ассуана до моря (*).

II. Обитаема и способна къ воздѣлыванію только та земля, до которой достигаетъ наводненіе, покрывающее оную иломъ, который Нилъ наноситъ съ горъ Абиссинскихъ. Разложеніе сего ила дало углетворъ.

III. Степь производитъ лишь нѣсколько кустовъ, доставляющихъ способы существованія верблюдамъ. Человѣкъ не можетъ жить въ степи.

IV. Ничто не имѣетъ такого сходства съ моремъ какъ степь и съ морскимъ берегомъ, какъ граница Нильской долины. Жители городовъ, тамъ расположенныхъ, подвергаются частымъ набѣгамъ Арабовъ.

V. Мамелюки владѣли деревнями какъ помѣстьями. Будучи хорошо вооружены и имѣя

(*) Абдъ-Эль-Рашидъ-ель-Бакой, Арабскій географъ окончившій свое сочиненіе въ 815 году эгиры, въ 1412 по простонародному счисленію, полагалъ длину Египта отъ Эль-Ариша до Акуана, а широту онаго отъ Эйла до Барги.

добрыхъ коней они отражали Арабовъ, ихъ страшившихся. Однакожъ они были слишкомъ малочисленны для того чтобы охранять эту обширную границу.

VI. Посему каждая граница, каждая дорога охраняется племенами туземныхъ Арабовъ, которые будучи вооружены и имѣя коней, обязаны отражать набѣги иноплеменныхъ Арабовъ; въ слѣдствіе чего они имѣютъ деревни, земли и права.

VII. Такимъ образомъ, когда Правительство твердо, то поселенные Арабы его боятся, пребываютъ въ спокойствіи и тогда Египетъ почти безопасенъ отъ всякихъ чуждыхъ набѣговъ.

VIII. Но когда Правительство слабо, то Арабы бунтуютъ; тогда покинувъ свои земли, они странствуютъ по степямъ и присоединяются для грабежа къ иноплеменнымъ Арабамъ, производя набѣги на сосѣднія области.

IX. Иноплеменные Арабы не живутъ въ степи, ибо степь никого не питаетъ; они обитаютъ въ Африкѣ, въ Азіи или въ Аравіи. Узнавъ о возникшемъ безначаліи, они покидаютъ свои земли, переходятъ въ двѣнадцать или въ пятнадцать дней черезъ степь, располагаются по чертѣ, граничащей со степью и оттуда опустошаютъ внутренность Египта (*).

(*) Арабы вообще, но въ особенности живущіе въ степи, едва знаютъ имя Пророка и Корана. Они говорятъ, что вѣра

X. Степь песчана. Колодцы въ ней рѣдки, не изобильны, и большею частью солоны, солеповаты или напитаны сѣрою. Однакожъ мало дорогъ, на которыхъ черезъ тридцать часовъ пути не встрѣчался бы источникъ.

XI. Употребляютъ верблюдовъ и мѣха для перевозки воды, въ коей имѣютъ нужду. Верблюдъ можетъ свезти на себѣ воды для ста Французовъ на день.

XII. Мы сказали что Египетъ есть не что иное какъ долина Нила, что почва сей долины была вначалѣ одинакова съ тою, которая ее окружаетъ; но что наводненіе Нила и наносимый онымъ илъ содѣлали орошаемую имъ долину одною изъ самыхъ плодоносныхъ и наиболѣе способныхъ для обитанія странъ.

XIII. Нилъ прибываетъ въ Мессидорѣ и наводненіе начинается въ Фруктидорѣ. Тогда вся земля покрыта водою и сообщенія затруднены. Деревни построены на возвышеніяхъ отъ 16 до 18 футъ. Небольшая дорога служитъ сообщеніемъ; а чаще того существуетъ одна только тропинка.

XIV. Нилъ болѣе или менѣе разливается смотря потому сколько шло дождя въ Абиссиніи;

Пророка была учреждена не для нихъ, ибо какъ имъ можно дѣлать омовенія, когда они не имѣютъ воды? Какъ подавать милостыни, когда они не богаты? Зачѣмъ поститься въ Рамазанъ, когда они постятся цѣлой годъ? И зачѣмъ ходить въ Мекку, если Богъ вездѣ существуетъ?

во наводненiе зависитъ и отъ поливательныхъ каналовъ.

XV. Нилъ имѣетъ нынче только два рукава: Розетскiй и Дамiетскiй. Еслибъ запереть эти два рукава такъ чтобы какъ можно менѣе воды изливалось въ море, то наводненiе было бы болѣе и обширнѣе а обитаемыя земли распространились бы.

XVI. Еслибъ каналы были хорошо вычищаемы, лучше содержимы и многочисленнѣе, то можно бы достичь до того, чтобъ вода сохранялась большую часть года на земляхъ, и чрезъ это увеличить долину и способную къ воздѣлыванiю почву. Такимъ образомъ оазисы Шаркiе и часть степи отъ Пелузы, были орошаемы. Весь Богаире, Марiуттъ и области Александрiи были воздѣлываемы и обитаемы.

XVII. При благоразумныхъ распоряженiяхъ, которыя были бы плодомъ хорошаго Правительства, Египетъ могъ бы прiобрѣсть приращенiя отъ осми до девяти сотъ квадратныхъ миль (*).

(*) Сдѣланныя мною въ Египтѣ съ наивеличайшимъ тщанiемъ изслѣдованiя, показали мнѣ, что страна сiя, имѣющая нынѣ только около тысячи квадратныхъ миль обработанной земли, имѣла прежде болѣе двухъ тысячъ миль. Народонаселенiе, не составляющее нынѣ и двухъ милiоновъ жителей превосходило въ древнiя времена восемь милiоновъ. Песокъ захватилъ землю. Его нельзя ничему иному лучше уподобить, какъ раку: онъ подобно ему гложетъ. Небреженiе оросительныхъ каналовъ увеличило зло. Что касается до

XVIII. Вѣроятно что Нилъ прошелъ по Безводной Рѣкѣ, которая отъ Файума, идетъ чрезъ Натронскія озера и впадаетъ въ море за башнею Арабовъ. Кажется что Мерисъ заградилъ этотъ рукавъ Нила, образовавъ симъ знаменитое Озеро, коего даже Геродотъ не знаетъ происхожденія (*).

народонаселенія, то оному бы слѣдовало соотвѣтствовать упадку хлѣбопашества, но нищета еще сильнѣе уменьшаетъ оное. Одинъ видъ дѣтей въ Каирѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ безпрестанномъ уменьшеніи числа жителей. Нигдѣ не случалось мнѣ видѣть этихъ маленькихъ твореній въ столь жалкомъ положеніи: они какъ будто безпрестанно борются со смертью; глаза у нихъ впадшіе, лице загорѣлое, щеки надутыя, брюхо вспученное, оконечности худощавыя и цвѣтъ лица желтый. Сколько разъ съ соболѣзнованіемъ видѣлъ я этихъ маленькихъ несчастливцевъ, валяющихся кучами одинъ на одномъ, сидящихъ на корточкахъ у стѣнъ или подъ воротами въ грязной, вонючей пыли; нагихъ, съ глазами, ртомъ, носомъ и ушами, облѣпленными тысячами мухъ, которые ихъ кусаютъ и которыхъ, въ своемъ разслабленіи они даже не стараются сгонять. И потому смертность дѣтей въ Каирѣ невѣроятна. Если, какъ должно опасаться, она такова же во всемъ Египтѣ, то она бы совершенно истребила народонаселеніе безъ чрезвычайной плодовитости женщинъ, которая нѣсколько возстановляетъ равновѣсіе между жизнью и смертью. Пораженный жалкимъ состояніемъ этихъ дѣтей, я досталъ роспись объ умершихъ въ продолженіе десяти дней, въ самое благопріятное для здоровья время. Вотъ выводъ: мужчинъ 31; женщинъ 35; дѣтей 161, всего 227.

(*) Безводная Рѣка, Баггаръ-Беламе, называется простымъ народомъ Баггаръ-эль-Фаригъ, *Пустая рѣка.*

Въ долинѣ Натронскихъ озеръ находится шесть озеръ, по чертѣ, идущей также какъ и долина отъ Юго-Востока

XIX. Правительство имѣетъ болѣе влiянiя на общественное благосостоянiе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; ибо ходъ временъ, погода и дождь, нисколько не зависятъ отъ безначалiя и тиранiи. Земля можетъ быть также плодоносна и въ Египтѣ. Не прорытая плотина, не вычищенный каналъ, дѣлаютъ пустынею цѣлую область; ибо посѣвы и всѣ земныя произведенiя въ Египтѣ, сообразны съ эпохою и количествомъ наводненiя.

XX. Беспечность управлявшихъ Египтомъ въ продолженiе пятидесяти лѣтъ была причиною, что земли съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приходили въ упадокъ. Степь распространилась по равнинѣ, составя песчаныя насыпи даже на берегахъ самого Нила. Еще двадцать лѣтъ Пра-

на Сѣверо-Западъ. Широта ихъ отъ шести до осми сотъ метровъ между берегами. Онѣ раздѣлены безплодными песками. Первыя два, съ Юга, называются Биркель-эль-Деура, или озера Монастырей; имена остальныхъ четырехъ не представляютъ ничего особеннаго. Эта долина Натронскихъ озеръ, смежна съ другою, именуемою Безводною Рѣкою, которая лежитъ паралельно съ первою, но которая нѣсколько шире оной. Эти двѣ долины раздѣляются только гребнемъ. Бассейнъ долины Безводной Рѣки имѣетъ около 300 миль отъ одного берега до другаго. Надобно сорокъ минутъ для того чтобы спуститься по довольно правильному скату съ вершины песковъ на дно водоема. Идя вверхъ по этимъ параллельнымъ долинамъ, достигаешь Файума; спускаясь въ низъ, дойдешь до моря, оставя въ правой рукѣ область Маиру, которая находится въ четырехъ миляхъ на Западъ отъ Александрiи къ морю.

вительства подобнаго Ибрагимову или Мурадъ-Бееву и Египетъ потерялъ бы третью часть своихъ воздѣлываемыхъ земель. Легко, можетъ статься, было бы доказать, что пятьдесятъ лѣтъ такого Правительства какъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и въ Италіи, могли бы устроить обработываемое пространство и народонаселеніе. Въ людяхъ никогда не будетъ недостатка; ибо ихъ много во всѣхъ концахъ Африки и Аравіи.

XXI. Нилъ, начиная съ Асуана мили на три на Сѣверъ отъ Каира, течетъ однимъ рукавомъ. Съ этого мѣста, называемаго *Коровьимъ Чревомъ*, онъ дѣлится на два рукава, на Розетскій и Даміетскій (*).

XXII. Воды Даміетскаго рукава имѣютъ явное склоненіе ко втеченію въ Розетскій рукавъ. Управленіе наше въ Египтѣ должно содѣйствовать сему склоненію, благопріятствующему Александріи и всѣмъ прямымъ сообщеніямъ съ Европою.

XXIII. Если прорѣзать плотину Фара-у-Ніе, то область Богаире выиграла бы двѣсти деревень и это, вмѣстѣ съ каналомъ, идущимъ изъ Файума, приблизило бы наводненіе и обработываніе земель къ стѣнамъ Александріи. Это

(*) Наибольшая широта долины Нила отъ втеченія сей рѣки въ Египетъ до Каира не простирается до четырехъ миль; наименьшая составляетъ по крайней мѣрѣ милю.

дѣйствiе причинило бы величайшiй вредъ областямъ: Шаркiе, Дамiеттѣ и Мансурѣ; почему должно отложить исполненiе сего до времени, болѣе благопрiятнаго. Но когда нибудь а это должно сдѣлаться.

XXIV. Каналъ, сообщающiй воды Нила въ Александрiю, долженъ быть вырытъ и сдѣланъ такимъ, чтобы по немъ въ продолженiе цѣлаго года можно было плавать. Тогда суда во сто тонновъ будутъ приведены въ возможность ходить по шести мѣсяцевъ въ году изъ Александрiи въ Каиръ и въ Асуанъ.

XXV. Нѣкогда должно устроить плотины поперегъ рукавовъ Дамiетскаго и Розетскаго при *Коровьемъ Чревѣ*. Чрезъ что посредствомъ спусковъ можно будетъ постепенно отводить всѣ воды Нила на Востокъ и на Западъ, удвоивъ тѣмъ наводненiе.

XXVI. При наводненiи Нила, воды доходятъ за шестнадцать миль до Суеца; признаки канала совершенно сохранились и нѣтъ никакого сомнѣнiя, что нѣкогда суда будутъ перевозить товары изъ Суеца въ Александрiю.

XXVII. Мы сказали, что Египетъ, собственно сказать, есть долина Нила. Однакожъ большая часть степей, его окружающихъ, принадлежитъ также къ Египту и въ этихъ степяхъ есть оазисы, подобно какъ на морѣ острова.

Къ Западу, принадлежащія къ Египту степи, простираются на десять или на двѣнадцать дней пути отъ береговъ Нила. Главныя точки суть три оазиса Сира и озера Натронскія. Первый оазисъ находится на три дня пути отъ Сіута. Дорогою нѣтъ воды. Въ этомъ оазисѣ есть пальмовыя деревья, многіе колодцы съ солоноватою водою, нѣсколько способныхъ къ воздѣлыванію земель и тамъ почти постоянно свирѣпствуютъ злыя лихорадки.

XXVIII. Отъ Каира до Тедигата, перваго обработаннаго мѣста, тридцать дней пути, по степи. Около пяти дней не встрѣчаешь воды.

XXIX. Натронскія озера находятся въ двѣнадцати часахъ пути въ степи Тарране. Тамъ есть прекрасныя воды, нѣсколько Натронскихъ озеръ и четыре Кофтскихъ монастыря. Монастыри сіи суть крѣпости: мы помѣстили въ нихъ Греческій гарнизонъ и пушки.

XXX. На Востокъ, принадлежащія къ Египту степи простираются на день пути отъ Эль-Ариша за горы Торъ и Синай. Каттіе есть родъ оазиса: тамъ пять или шесть сотъ пальмовыхъ деревьевъ и вода для шести тысячъ людей и для тысячи лошадей; онъ находится въ пяти миляхъ отъ Салегіе. На дорогѣ встрѣчаешь два раза немного воды. Мы устроили изъ пальмовыхъ деревьевъ укрѣпленіе въ этомъ важномъ оазисѣ.

XXXI. Отъ Каттіе до Эль-Ариша двадцать миль. Эль-Аришъ есть оазисъ. Тамъ была прекрасная деревня, нами разрушенная и пять или шесть тысячъ пальмовыхъ деревьевъ, которыя мы срубили. Количество воды и матеріяловъ, равно какъ важность ея положенія, побудила насъ устроить тамъ крѣпостцу, имѣющую уже надежную оборону. Отъ Эль-Ариша до Газы шестнадцать миль; на этомъ пути, пролегающемъ чрезъ деревню Кан-ю-Нессъ, нѣсколько разъ встрѣчается вода.

XXXII. Торъ и гора Синай отстоятъ на десять дней пути отъ Каира. Торскіе Арабы произращаютъ плоды и дѣлаютъ уголья. Они привозятъ хлѣбъ изъ Каира. Въ этомъ оазисѣ вода хороша и въ изобиліи.

XXXIII. Количество всѣхъ Феллаговъ или Арабовъ, живущихъ на этихъ оазисахъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной степи, не полагая въ томъ числѣ четырнадцати областей,—не составляетъ и тридцати тысячъ душъ.

XXXIV. Долина Нила раздѣляется на Верхній Египетъ, Средній Египетъ и Нижній Египетъ. Верхній Египетъ заключаетъ въ себѣ области Джирже, Манфелу и Миніе. Въ Среднемъ находятся Файумъ, Бени-іусефъ и Каиръ. Въ Нижнемъ Богаире, Александрія, Розетта, Гарбіе, Менуфіе, Мансура, Даміетта, Каліубіе и Шаркіе.

XXXV. Морской берегъ простирается отъ мы-

са Дураццо на день не доѣзжая Эль-Ариша. Первое мѣсто гдѣ мы учредили заведеніе есть Марабу, находящійся въ двухъ миляхъ на западъ отъ Александріи. Александрійскіе порты защищаются великимъ числомъ баттарей и укрѣпленій, доставляющихъ имъ какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, совершенную безопасность отъ всякаго нападенія; крѣпость Кретинъ отлична своею постройкою. Абукиръ, лежащій въ пяти миляхъ на востокъ отъ Александріи, имѣетъ хорошую рейду. Озеро Маадіе, въ которое нѣкогда впадалъ рукавъ Нила, называемый Канопикомъ, не доходитъ за милю до Александріи, за двѣ мили до Розетты а на югъ, за милю до Биркета. Розетское устье имѣетъ отмель, черезъ которую очень трудно переправляться. Отъ Розетты до Бурлоса пять миль. На озерѣ Бурлосѣ есть до сотни лодокъ, называемыхъ джермами и оно имѣетъ сообщеніе съ Мегель-эль-Кебиромъ посредствомъ канала. Устье озера составляетъ очень хорошую гавань, имѣющую отъ 10 до 12 футъ глубины. Даміетское устье защищено крѣпостью Лезбе. Озеро Мензале, простирающееся до древней Пелузы т. е. въ двадцати пяти миляхъ, начинается въ полумилѣ отъ Даміетты. Существуютъ два устья Дибе и Оммъ-Фарежъ. Моецкій каналъ впадаетъ въ это озеро милею ниже *Сана.* Тиие или древняя Пелуза, находится въ четырехъ миляхъ отъ

Каттіе. Мы уже упоминали о Каттіе говоря объ Эль-Аришѣ. Берегъ вездѣ низокъ и дуренъ; повсюду, покрайней мѣрѣ на милю, находятся кучи песку и часто на двѣ или на три мили.

XXXVI. Народонаселеніе Египта состоитъ изъ двухъ миліоновъ пяти сотъ тысячъ жителей. Арабы, поселенные и водворенные подъ защитою Правительства, въ различныхъ областяхъ, составляютъ двѣнадцать тысячъ всадниковъ и сорокъ тысячъ пѣхоты. Есть около осмидесяти тысячъ Кофтовъ, пятнадцать тысячъ Дамасскихъ Христіанъ и шесть тысячъ Жидовъ.

XXXVII. Порта предоставила управленіе Египтомъ двадцати четыремъ Беямъ, изъ коихъ каждый имѣлъ болѣе или менѣе многочисленную военную свиту. Свита сія состояла изъ Грузинскихъ и Черкесскихъ невольниковъ, коихъ они покупали по три тысячи и до четырехъ тысячъ пяти сотъ франковъ и воспитывали ихъ для военнаго ремесла. Противъ нашей арміи тамъ могло быть восемь тысячъ конныхъ Мамелюковъ, на добрыхъ лошадяхъ, хорошо выученныхъ, хорошо вооруженныхъ и очень храбрыхъ, принадлежащихъ царствующимъ Беямъ. Можно было считать вдвое противъ сего, прочихъ Мамелюковъ, поселившихся по деревнямъ или живущихъ въ Каирѣ.

XXXVIII. Паша не имѣлъ никакой власти. Онъ былъ смѣняемъ ежегодно, также какъ и

Кади-аскіеръ, присылаемый Портою. Сверхъ сего было въ Государствѣ семь вспомогательныхъ отрядовъ. Предводители ихъ назывались семью великими Оджіагъ-Ли. Эти отряды такъ уменьшились отъ войны, что отъ оныхъ теперь не остается болѣе тысячи старыхъ, недужныхъ солдатъ, безъ начальниковъ и даже преданныхъ Французамъ.

XXXIX. Шерифы суть потомки племени наслѣдниковъ Магомета, или лучше сказать, потомки первыхъ завоевателей. Они носятъ зеленыя чалмы.

Улемы суть законовѣдцы и духовные, которые нисколько не походятъ на нашихъ судей и священниковъ.

Глава Каирскихъ Улемовъ, называется великимъ Шеикомъ. Онъ столькоже уважаемъ народомъ, какъ нѣкогда Кардиналы въ Европѣ. Они читаютъ молитвы по Мечетямъ, что доставляетъ имъ доходъ и уваженіе.

Главная Мечеть въ Каирѣ, называемая Эль-Азаръ, велика, прекрасна и имѣетъ множество служащихъ въ оной разныхъ особъ, изъ коихъ двадцать четыре главныхъ.

(Съ этихъ поръ замѣчанія Наполеона уже не подъ номерами).

Въ Каирѣ много кофейныхъ домовъ, гдѣ народъ проводитъ большую часть дня въ куреніи табаку.

Бѣдные и путешественники проводятъ въ мечетяхъ ночи и укрываются въ оныхъ отъ жара.

Въ городѣ множество общественныхъ бань, куда женщины ходятъ мыться и разсказывать городскія новости.

Мечети имѣютъ доходы подобно какъ оные имѣли наши церкви.

Деревни Египта суть лены, принадлежащіе тому, кому отдастъ ихъ Государь. Въ слѣдствіе сего поселянинъ обязанъ платить оброкъ помѣщику.

Поселяне суть настоящіе владѣльцы, поелику ихъ уважаютъ и при всѣхъ Революціяхъ и переворотахъ никогда не употребляютъ противъ нихъ насильства.

Изъ сего происходитъ, что въ Египтѣ два рода людей, владѣльцы землями или поселяне и помѣщики, коимъ принадлежатъ лены.

Двѣ трети деревень принадлежатъ Мамелюкамъ за расходы по управленію. Собственно такъ называемая Мири, есть подать довольно умѣренная, которая предназначалась для Порты.

Доходы Республики состоятъ изъ пяти статей.

1. Таможни.

2. Разныя подати, на откупахъ состоящія.

3. Мири, подать Касиефъ и другія.

4. Помѣщичій оброкъ, коимъ обложены двѣ

трети Египта; таможни Суецская, Куоссеирская, Булакская, Александрійская, Даміетская и Розетская давали отъ четырехъ до пяти милiоновъ.

5. Мири, подать Кашефъ и помѣщичій оброкъ простираются до пятнадцати милiоновъ.

Взысканія за обиды, простиравшіяся до двухъ милiоновъ, составляли главный доходъ Мамелюковъ.

И такъ Египетъ, сочтя все, можетъ давать Республикѣ двадцать четыре милiона. Въ мирное время онъ въ состояніи дать до тридцати. Черезъ двадцать пять лѣтъ Египетъ будетъ въ состояніи давать пятьдесятъ милiоновъ. Въ это исчисленіе я не включаю надежды, которыя подаетъ торговля съ Индіею. Но во время войны прекращеніе всякой торговли дѣластъ страну бѣдною и все этимъ отзывается.

Съ нашего прибытія въ Мессидорѣ до слѣдующаго Мессидора, т. е. въ двѣнадцать мѣсяцевъ, получено отъ Египта:

500,000 франковъ налога съ Александріи.
150,000 ———— съ Розетты.
150,000 ———— — Даміетты.
500,000 ———— — Каирскихъ Кофтовъ.
500,000 ———— — Дамаскинцевъ.
1,000,000 ———— — Турецкихъ кофейныхъ торговцевъ.
500,000 франковъ съ разныхъ купцевъ.

500,000 франковъ съ женъ Мамелюковъ.
300,000 ———— монетою.
8,500,000 ———— податей поземельныхъ, съ ремеслъ или таможенъ.

Что составляетъ 12,100,000 франковъ.

Сверхъ сего на деревняхъ остались въ долгу довольно значительныя суммы, которыя военныя дѣла воспрепятствовали собрать.

+++

ГЛАВА XVIII.

Сидней-Смитъ.—Письмо Бонапарте къ Мармонту—Несправедливость Наполеона къ Англійскому Адмиралу.—Письмо Мармонта.—Семейное счастіе.—Мюратъ и Мурадъ-Бей при озерахъ Натронскихъ.—Важность, которую полагалъ Главнокомандующій въ истребленіи Мурадъ-Бея.—Отъѣздъ Наполеона къ Пирамидамъ.—Опроверженіе басней.—Скрытая истина.—Желаніе видѣть Верхній Египетъ.—Приказы.—Быстрота исполненія.—Переговоры съ Англичанами.—Газета.—Внезапная рѣшимость.—Повелѣніе хранить тайну.—Вооруженіе двухъ фрегатовъ—Скрытность.—Объявленіе о поѣздкѣ въ Дельту.—Сближенія.—Скромность Генерала Ланосса.—Мы поѣдемъ во Францію.—Скрываемая радость.—Назначеніе свиданія съ Клеберомъ.—Онъ никого не находитъ.

Вина Сиднея Смита въ томъ, что онъ воспрепятствовалъ взятію Сен-Жанъ д'Акры и завоеванію Сиріи; въ томъ что онъ отвѣтствовалъ хорошими поступками на весьма дурные —посѣяла въ умѣ Наполеона предубѣжденія, ко-

ихъ ничто не могло изгладить и коихъ читатели видѣли несправедливость. Онъ думалъ что клевеща на своего соперника, онъ скроетъ свои собственныя неудачи. Онъ написалъ 2 Iюня къ Мармонту. «Смитъ молодой дуракъ, который «хочетъ составить свое счастiе и почаще выс«тавлять себя. Лучшее средство для его наказа«нiя, состоитъ въ томъ, чтобы никогда не от«вѣчать ему; съ нимъ надобно обходиться какъ «съ Капитаномъ брандерскаго судна. Впрочемъ «это человѣкъ способный на всякiя дурачест«ва и въ коемъ никакъ не должно предполагать «какого либо основательнаго, обдуманнаго за«мысла. Такъ напримѣръ, онъ бы готовъ былъ «сдѣлать высадку съ осмью стами человѣкъ. «Онъ хвалится тѣмъ что онъ былъ переодѣтый «въ Александрiи. Не знаю правда ли это; но «очень можетъ быть, что воспользовавшись по«сылкою переговорщика, онъ входилъ въ городъ «переодѣтый матросомъ.»

Этотъ Контръ-Адмиралъ гораздо болѣе стоилъ, чѣмъ какимъ его изображаетъ его непрiятель. Храбрость, живое воображенiе, великодушное сердце, незьзя назвать безумiемъ.

Въ Каирѣ я нашелъ многiя письма и между ними одно изъ Александрiи отъ Мармонта, который говорилъ мнѣ:

«Посылаю тебѣ, любезный другъ, письмо на твое имя, которое было вложено въ письмѣ

отъ моей жены. Усердно желаю чтобы оно возбудило твое живѣйшее участіе и чтобы ты узналъ добрыя вѣсти о женѣ твоей и о дѣтяхъ.

«Я получилъ письма отъ моей бѣдной Гортензіи; она тоскуетъ и съ нетерпѣніемъ меня ожидаетъ. Дай Богъ, любезный другъ, чтобы я вскорѣ могъ съ честью ее увидѣть. Если чрезъ два мѣсяца намъ не будетъ предстоять никакихъ сраженій и если Генералъ Бонапарте сохранитъ еще прежнее ко мнѣ дружество, то я надѣюсь съ нею сблизиться. Не легкомысленная, вѣтреная страсть заставляетъ меня желать возвратиться во Францію; а разсудительный расчетъ, заставляющій меня опасаться бѣдствій которыя были бы невозвратны. Семейное счастіе, домашній миръ, внутренняя довѣрчивость, любезный Буріеннъ, суть единственныя вещи, достойныя зависти. Я еще обладаю этими благами, но подвергаюсь опасности оныхъ лишиться; и Генералъ Бонапарте, подъ руководствомъ коего бракъ мой свершился, долженъ сдѣлать его счастливымъ.

«Прощай, любезный другъ. Поклонись отъ меня Дюроку и всѣмъ нашимъ товарищамъ. Обнимаю васъ всѣхъ, отъ всего сердца.»

А. МАРМОНТЪ.

Тотчасъ по прибытіи въ Каиръ, Бонапарте извѣстился, что храбрый и неутомимый Мурадъ-Бей идетъ чрезъ Файумъ для присоедине-

нiя къ нѣсколькимъ сборищамъ, учредившимся съ нѣкотораго времени въ Богаирѣ. Судя по всѣмъ вѣроятностямъ, это движенiе Мурадъ-Бея было слѣдствiемъ полученныхъ имъ извѣстiй относительно Константинопольскихъ распоряженiй и высадки, которая дѣйствительно была произведена нѣсколько позже въ Абукирскомъ заливѣ. Муратъ избралъ Натронскiя озера для мѣста собранiя. Мюратъ былъ посланъ къ этимъ озерамъ. Узнавъ о его приближенiи, Бей рѣшился удалиться и пройти степью до высоты Гизы и большихъ Пирамидъ; но я только по возвращенiи нашемъ во Францiю узналъ, что онъ всходилъ на вершину большой пирамиды, дабы для препровожденiя времени посмотрѣть на Каиръ!

Наполеонъ сказалъ на островѣ Св. Элены, что Мюратъ захватилъ бы Мурадъ-Бея, еслибъ сей послѣднiй пробылъ еще двадцать четыре часа при Натронскихъ озерахъ; напротивъ того, Бей потому и отправился назадъ, что онъ узналъ о нахожденiи тамъ Мюрата. Арабскiе шпiоны гораздо лучше служили нашимъ непрiятелямъ, чѣмъ намъ; мы не имѣли друзей въ Египтѣ.

Мурадъ-Бей, узнавъ чрезъ Арабовъ, служившихъ ему вѣстниками, что Генералъ Дезе посылаетъ съ Юга Египта противъ него колонну, что Главнокомандующiй также станетъ его

преслѣдовать на Гизской границѣ и что озера Натронъ и Богаире, заняты превосходными противъ него силами, удалился въ Файумъ. Захватили лишь нѣсколько Арабовъ.

Бонапарте очень заботился объ истребленіи Мурада, котораго онъ считалъ самымъ храбрымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ опаснымъ изъ непріятелей своихъ въ Египтѣ. Узнавъ изъ получаемыхъ извѣстій что этотъ Бей, подкрѣпленный Арабами, расположился по границѣ степи области Гизы, Бонапарте отправился къ Пирамидамъ дабы оттуда направить разные отряды противъ этого искуснаго и опаснаго партизана. Онъ считалъ его столь страшнымъ, что писалъ къ Мюрату, что желаетъ чтобы судьба опредѣлила ему положить вѣнецъ завоеваній Египта истребленіемъ сего непріятеля.

Бонапарте отправился 14 Іюля изъ Каира къ Пирамидамъ, располагая пробыть три или четыре дня на развалинахъ сего древняго Мемфисскаго некрополиса. Ниже увидятъ причину его скораго отъѣзда. Эта поѣздка къ Пирамидамъ, требуемая военными обстоятельствами, подала поводъ къ сочиненію небольшаго романа. Написали будто бы Бонапарте назначилъ тамъ свиданіе Муфтію и Улемамъ и будто бы, входя въ большую пирамиду, онъ воскликнулъ: *Хвала Аллѣ! Богъ одинъ есть Богъ и Магометъ пророкъ его!*—Начать съ того, что Бона-

парте не входилъ въ большую пирамиду: онъ даже не имѣлъ ни этого намѣренія, ни мысли: ужъ конечно я бы за нимъ туда послѣдовалъ, ибо я не покидалъ его ни на секунду въ этой степи. Онъ прикаазалъ нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ войти въ одну изъ большихъ пирамидъ; а самъ стоялъ передъ нею и по выходѣ ему давали отчетъ о томъ что видѣли, т. е. объявляли что ничего не видали. Весь этотъ разговоръ съ Муфтіемъ и съ Улемами есть не что иное какъ нелѣпость: ихъ тамъ вовсе не было и одно только невѣжество могло предполагать что либо общее между пирамидами и вѣрою Мусульманъ. Онѣ видѣли рожденіе этой вѣры—онѣ узрятъ конецъ ея. Притомъ же Главнокомандующій ѣздилъ къ пирамидамъ совсѣмъ не на богомолье, а для военныхъ распоряженій, къ коимъ могло примѣшаться нѣсколько любопытства.

Этотъ разговоръ Бонапарте въ одной изъ Пирамидъ съ Муфтіемъ и съ Улемами, есть чистая выдумка. Его полагаютъ происходившимъ 1 Августа. Мы провели два Августа мѣсяца въ Египтѣ. Въ 1798 году Бонапарте возвращался съ преслѣдованія Ибрагима-Бея; а въ 1799, онъ отправился 10 числа сего же мѣсяца изъ Абукира въ Каиръ. Еще лучше того: Бонапарте писалъ къ Клеберу 15 Іюля:

«Я цѣлый день гонялся по степи далѣе Пира-

мидъ за Мурадъ-Беемъ и 17-го буду въ Теранне.»

Еслибъ странный разговоръ въ Пирамидѣ, о которомъ столько твердили, дѣйствительно происходилъ, то онъ ужъ конечно упомянулъ бы объ немъ въ этомъ письмѣ, и поговорилъ бы о вѣкахъ и о вѣрахъ. Это письмо доказываетъ также, что любопытство было только побочною причиною въ этой поѣздкѣ, требуемой присутствіемъ Мурадъ-Бея.

15 Іюля вечеромъ, прохаживаясь по направленію къ Сѣверу, мы увидѣли на Александрійской дорогѣ скачущаго во весь духъ Араба. Онъ вручилъ Главнокомандующему депешу отъ Мармонта, который тамъ начальствовалъ и которымъ Бонапарте былъ чрезвычайно доволенъ, особенно въ продолженіе опустошеній, производимыхъ тамъ чумою. Турки сдѣлали высадку 11 Іюля въ Абукирѣ подъ прикрытіемъ и подъ покровительствомъ Англійскаго флота. Эта вѣсть о высадкѣ пятнадцати или шестнадцати тысячъ человѣкъ не очень удивила Наполеона, который давно ожидалъ оной. Не то было съ его Генералами, коихъ онъ наиболѣе любилъ и коихъ онъ, можно угадать для чего, успокоивалъ на счетъ этихъ опасеній. Онъ писалъ къ Мармонту, который скорѣе всѣхъ могъ подвергнуться нападеніямъ и долженъ былъ наиболѣе остерегаться: *Армія, долженствовавшая явиться предъ Александріею и*

отправленная изъ Константинополя въ первый день Рамазана, была уничтожена подъ Акрою. Еслижъ однако этотъ сумазбродный Англійскій Начальникъ (Смитъ) *вздумаетъ высадить остатки оной въ Абукирѣ, то я не полагаю, чтобы это могло быть болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.* Онъ писалъ Генералу Дугѣ, начальствовавшему въ Каирѣ: *Англійскій Начальникъ, требовавшій сдачи Даміетты, настоящій сумазбродъ. Соединенная армія, о которой говорили, уничтожена предъ Акрою, куда она прибыла за двѣ недѣли до нашего ухода.* А въ минуту прибытія своего изъ Каира, онъ говорилъ въ письмѣ своемъ къ Дезе: *Теперь мы достигли той эпохи, когда высадки возможны. Я не теряя ни часа, приму свои мѣры. По всѣмъ вѣроятностямъ однакоже въ этотъ годъ высадки не будетъ.*

Могъ ли онъ говорить иначе послѣ того какъ снявъ осаду Акры, онъ истребилъ тамъ *пятнадцать* тысячъ человѣкъ, которые черезъ два мѣсяца послѣ того, были высажены при Абукирѣ?

Конечно для утвержденія въ этой мысли онъ старался внушить всѣмъ, что до поѣздки своей къ Пирамидамъ онъ имѣлъ намѣреніе посѣтить Верхній Египетъ. Ему очень хотѣлось написать свое имя на Сіенитѣ подлѣ именъ древнѣйшихъ завоевателей страны сей, всегда принадлежавшей тому, кто хотѣлъ ее взять. Онъ по види-

мому очень занимался этимъ намѣреніемъ и до отъѣзда своего въ Либійскую степь, безпрестанно дѣлалъ свои распоряженія къ этой дальней и занимательной поѣздкѣ. Онъ всякой день изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ что оставитъ Египетъ не увидавъ его великолѣпныхъ развалинъ. Что касается до меня, то я былъ восхищенъ этимъ намѣреніемъ; но не знаю что то говорило мнѣ что я не увижу стовратыхъ Ѳивъ.

Прочитавъ письмо Мармонта, Бонапарте вошелъ въ свою палатку и началъ диктовать мнѣ до трехъ часовъ утра приказы о выступленіи войскъ и о томъ какъ поступать во время его отсутствія тѣмъ, которые останутся во внутренности земли. Въ эту минуту я увидѣлъ вполнѣ сей пылкій характеръ, раздражаемый препятствіями, эту быстроту, все предупреждавшую. Онъ былъ весь—дѣйствіе и ни минуты не колебался. Шестнадцатаго Іюля, въ четыре часа утра, онъ былъ верхомъ и армія на походѣ. Я долженъ отдать справедливость этому непоколебимому присутствію духа, этой быстротѣ рѣшеній, которая въ эту эпоху его жизни, при важныхъ случаяхъ никогда его не покидала.

Мы прибыли 16 числа вечеромъ въ Уарданъ на сѣверъ отъ Гизы; 19 въ Рагаманіе а 23 въ Александрію, гдѣ все готовилось къ этому достопамят-

ному сраженiю, которое не вознаградило огромныхъ потерь и пагубныхъ послѣдствiй морской битвы тогоже имени; но которое всегда будетъ напоминать Французамъ одинъ изъ ихъ блистательнѣйшихъ подвиговъ.

Послѣ сраженiя, даннаго 25 Iюля, Бонапарте послалъ переговорщика на Адмиральскiй корабль. Сношенiя наши были исполнены вѣжливости, и таковы какихъ можно ожидать между двумя образованными народами. Англiйскiй Адмиралъ вручилъ переговорщику нѣсколько *лакомствъ* на обмѣнъ того, что мы ему послали; и Французскую Франкфуртскую газету 10 Iюня 1799 года. Уже десять мѣсяцевъ какъ мы не получали извѣстiя изъ Францiи. Можно себѣ представить, съ какою поспѣшностiю Бонапарте пробѣжалъ этотъ журналъ. *Ну вотъ!* сказалъ онъ, *мое предчувствiе меня не обмануло; Италiя потеряна!!! Негодяи! всѣ плоды нашихъ побѣдъ погибли! Я долженъ ѣхать.*

Онъ приказалъ позвать Бертьє; далъ ему прочитать извѣстiе, сказалъ что дѣла идутъ дурно во Францiи, что онъ хочетъ ѣхать посмотрѣть что тамъ происходитъ; что онъ поѣдетъ съ нимъ; что на эту минуту тайна извѣстна только ему, Бертье, мнѣ и Гантому, котораго онъ потребовалъ; онъ велѣлъ ему какъ можно лучше хранить ее, не показывать чрезвычайной радости; не перемѣнять ничего въ своихъ при-

вычкахъ; ничего не покупать и не продавать. Въ заключеніе онъ сказалъ что онъ на него надѣется. *Я увѣренъ въ себѣ, я увѣренъ въ Бурiеннѣ.* Бертье обѣщалъ молчать и сдержалъ слово; ему довольно надоѣлъ Египетъ; онъ горѣлъ желаніемъ возвратиться во Францію и опасался чтобы чрезъ нескромность свою всего не разстроить.

Гантомъ является; Бонапарте даетъ ему приказаніе приготовить два фрегата *Мюиронъ* и *Карiеръ* и два маленькихъ судна *Реваншъ* и *Фортуну* со съѣстными припасами на два мѣсяца для четырехъ или пяти сотъ человѣкъ. Онъ приказываетъ ему сохранять тайну о цѣли даннаго ему порученія и поступать съ такою осторожностью чтобы Англійскіе крейсеры объ этомъ не провѣдали. Въ послѣдствіи онъ назначилъ съ Гантономъ путь, котораго должно было держаться. Онъ обо всемъ думалъ.

Бонапарте таилъ и скрывалъ отъѣздъ свой съ наивеличайшимъ тщаніемъ; но не смотря на то, нѣкоторые неопредѣленные слухи объ этомъ распространились. Генералъ Дуга, начальствовавшій въ Каирѣ, откуда онъ отправился съ тѣмъ чтобы отплыть моремъ, писалъ къ нему 18 Августа. *Сiю минуту извѣстился я что сегодня утромъ происходилъ большой шумъ въ Институтѣ, гдѣ громко говорили, что вы по-*

ѣхали съ тѣмъ чтобы отправиться во Францію; что вы берете съ собою Монжа, Бертолетта, Бертье, Ланна и Мюрата. Вѣсть сія въ одну минуту распространилась по всему городу и неудивительно если оная произведетъ дурное дѣйствіе; но надѣюсь что вы опровергнете этотъ слухъ. Бонапарте отправился черезъ пять дней по полученіи этого письма, разумѣется не отвѣчавъ на оное.

Онъ говорилъ арміи истину только въ половину: «Извѣстія изъ Европы заставили меня рѣшиться ѣхать во Францію. Оставляю начальство надъ арміею Генералу Клеберу; армія скоро получитъ обо мнѣ извѣстіе. Не могу сказать ничего болѣе. Мнѣ дорого стоитъ оставить солдатъ, къ коимъ я наиболѣе привязанъ. Но это будетъ только *временно* и Генералъ, коего я имъ оставляю, пользуется довѣренностью правительства и моею.»

Читатели видѣли единственную причину отъѣзда Генерала Бонапарте въ Европу; это очень естественное дѣло, которое исказили самыми странными предположеніями, самыми затѣйливыми догадками. Хотѣли приписать самой простой вещи необычайныя причины. Совсѣмъ неправда, какъ говорили будто бы онъ рѣшился на отъѣздъ еще до Абукирской битвы; онъ вовсе объ немъ не думалъ. Онъ очень былъ бы доволенъ еслибъ высадка не произошла и сталъ бы ожи-

дать извѣстій изъ Франціи для того чтобы рѣшиться. Имѣя въ виду пылкую страсть его къ сохраненію его завоеванія, можно посудить не предпочелъ ли бы онъ спокойствіе Египта сраженію, коего успѣхъ никогда въ передъ неизвѣстенъ и которое, даже бывъ выиграно, стоитъ всегда много людей,—потеря еще болѣе чувствительная въ такомъ положеніи, когда нельзя ожидать подкрѣпленій.

Писали будто бы Бонапарте, еще прежде 25 Іюля, былъ извѣщенъ о происшествіяхъ въ Италіи чрезъ тайную переписку. Ни тайной, ни оффиціяльной переписки не существовало. Мы ужъ десять мѣсяцевъ не имѣли извѣстій изъ Европы.

Столько же противно истинѣ говорить будто бы Бонапарте былъ оффиціяльно извѣстенъ о неблагопріятномъ положѐніи дѣлъ во Франціи и въ Италіи. Кто такой этотъ Бурбаки или Бомбаки, который будто бы пріѣхалъ къ нему отъ Іосифа съ важными вѣстями? А потомъ Госпожа Бонапарте, продавшая сію тайну Фуше за тысячу луидоровъ? Какая это тайна?—И все это основано на Запискахъ *о* Фуше а не *сочиненія* Фуше, которыя суть не что иное какъ жалкій сборникъ толковъ той эпохи.

Спрашиваю, еслибъ Бонапарте получилъ извѣстія, о которыхъ говорятъ съ такою увѣрительностью,—то написалъ ли бы онъ 28 Іюня

Директоріи письмо, въ которомъ описываетъ дѣла, происшедшія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; сталъ ли бы онъ требовать всякаго рода пособій и говорить, что послѣднія извѣстія получены имъ отъ Бельвиля, Консула въ Генуѣ, за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ; письмо, въ которомъ онъ прибавляетъ, говоря о Контръ-Адміралѣ Перре: *Ни кто лучше этого Офицера не можетъ сообщить намъ извѣстія и пособія.*

Должно считать достовѣрнымъ и я утверждаю, что Бонапарте даже и не думалъ объ отъѣздѣ своемъ во Францію отправляясь къ Пирамидамъ, или получивъ извѣстіе о высадкѣ Англо-Турковъ. Мы объявили настоящую причину его рѣшимости: все остальное есть чистая выдумка. Что за страсть находить всегда необыкновенное въ томъ, что очень просто и естественно.

Бонапарте писалъ Директоріи въ концѣ Декабря 1798 года: *Мы не имѣемъ извѣстій изъ Франціи; ни одного курьера съ Іюня мѣсяца: это безпримѣрно даже въ колоніяхъ.* Писатели выдумали, будто бы эти извѣстія получались чрезъ Тунисъ, Алжиръ, Марокко! Богъ знаетъ откуда; но можно ли сказать что либо противъ слѣдующаго обстоятельства. Въ эту эпоху было уже два года, какъ я находился при Бонапарте и ни одна депеша, ни въ какомъ случаѣ, не оставалась мнѣ неизвѣстною. Какъ же всѣ тѣ, о ко-

торыхъ говорили, могли отъ меня ускользнуть.

Почти всѣ тѣ, которые такимъ образомъ говорятъ, для отстраненія дѣлаемаго Наполеону упрека въ побѣгѣ, приводятъ письмо Директоріи отъ 26 Мая 1799 года. Письмо сіе могло быть написано, но оно не дошло; какая же послѣ сего нужда, если оно и существуетъ въ архивахъ?

Сколько вещей было говорено объ этомъ отъѣздѣ и о причинахъ онаго. То что я сказалъ, написано человѣкомъ, который никогда съ нимъ не разставался, которому онъ говорилъ все, который писалъ со словъ его или по его приказанію. Повторяю, что возвратясь изъ Сиріи, мы не имѣли ни какихъ извѣстій о Франціи. Бонапарте писалъ 2 Іюля 1799 Генералу Дезс, коего онъ наиболѣе любилъ, почиталъ и уважалъ, что онъ не имѣетъ извѣстій изъ Европы и ожидаетъ ихъ.

Я никогда не слыхалъ о Бомбаки или о Бурбаки; тѣ которые написали будто бы извѣстія, привезенныя этимъ человѣкомъ Наполеону отъ его братьевъ къ Сен-Жанъ д'Акрѣ, были причиною снятія осады,—написали вздоръ. Еслибъ они находились при этой бѣдственной осадѣ, то они увидѣли бы настоящія тому причины. Какимъ образомъ можно было пріѣхать *одному* въ лагерь подъ Акрою, моремъ или сухимъ путемъ? Ограничимся истиною: случай доставилъ

извѣстія изъ Европы. Единственно это обстоятельство понудило Наполеона рѣшиться и представило ему Египетъ истощеннымъ полемъ сраженія, которое пора было оставить для того, чтобы отправиться играть другую ролю во Франціи. Отправляясь изъ этой послѣдней земли, Бонапарте очень чувствовалъ, что довѣріе къ нему начинало упадать Выше видѣли, что онъ вознамѣрился удалиться и увеличить еще свою славу для того, чтобы болѣе и болѣе обратить на себя взоры и вниманіе свѣта. Онъ большею частью пріобрѣлъ то, чего желалъ; ибо не взирая на слишкомъ существенныя бѣдствія, Французское знамя развѣвалось на берегахъ Нила, и на развалинахъ Мемфиса, и эти два великія имена вмѣстѣ съ именами Пирамидъ и Абукира, тѣмъ не менѣе поражали воображеніе. Видя, что слава оружія не поддерживаетъ болѣе хилую власть Директоріи,—онъ поспѣшилъ отправиться дабы посмотрѣть, нельзя ли будетъ раздѣлить или захватить оную.

Предполагали письма Директоріи; тайныя сношенія; Бонапарте во всемъ этомъ не нуждался! онъ могъ дѣлать что хотѣлъ, ничто ему не препятствовало: таковъ былъ уговоръ его при отъѣздѣ. Онъ повиновался только своей волѣ и еслибъ не потеря флота, то онъ бы можетъ статься ранѣе уѣхалъ. *Захотѣть* и *сдѣлать* было для него одно и тоже. Свобода сія была слѣд-

ствіемъ *словеснаго* уговора его съ Директоріею, которую онъ бы не допустилъ никакими распоряженіями или указами препятствовать его дѣйствіямъ.

Бонапарте, отправясь изъ Александріи 5 Августа, прибылъ 10 числа въ Каиръ. Онъ сначала распространилъ слухъ о поѣздкѣ своей въ Верхній Египетъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ дѣйствительно намѣревался сіе сдѣлать предъ путешествіемъ къ Пирамидамъ и что это намѣреціе было извѣстно арміи и жителямъ Каира. Вдругъ онъ объявилъ, что хочетъ видѣть Менуфъ и объѣхать Дельту. Онъ послѣ поѣдетъ вверхъ по Нилу а теперь спустится въ низъ. Онъ написалъ 18 Августа Каирскому дивану: «Я завтра отправлюсь въ Менуфъ, откуда объѣду Дельту дабы увидѣть самому несправедливости, могущія быть свершаемыми и узнать жителей и землю. Желаю чтобы вы какъ можно чаще извѣщали меня о себѣ и о положеніи дѣлъ.»

До сихъ поръ тайна была довольно хорошо сохранена. Генералъ Ланюссъ, начальствовавшій въ Менуфѣ, куда мы прибыли 20 Августа, угадалъ однакоже оную. «Вы ѣдете во Францію,» сказалъ онъ мнѣ; отрицательной отвѣтъ мой утвердилъ его въ своемъ мнѣніи, что почти заставляетъ меня думать, что Главнокомандующій самъ былъ нескроменъ. Храбрый Генералъ

Ламюссъ завидовалъ нашему жребію, но не жаловался. Онъ изъявилъ живѣйшее желаніе о благополучіи нашего плаванія и не сказалъ никому ни слова.

Мы прибыли 21 Августа къ Биркетскому колодцу. Арабы сдѣлали воду онаго негодною къ употребленію. Главнокомандующій, непремѣнно желая утолить жажду, выжалъ въ стаканъ сокъ нѣсколькихъ лимоновъ. Онъ немогъ проглотить этотъ отвратительный напитокъ иначе какъ крѣпко зажавъ себѣ ноздри и съ большимъ отвращеніемъ.

22 Августа мы находились близъ Александріи; тогда Генералъ объявилъ всѣмъ, взятымъ изъ Каира, что они отправляются во Францію. Радость явилась на всѣхъ лицахъ.

Генералъ Клеберъ, коему Бонапарте предназначалъ начальство надъ арміею, былъ приглашенъ изъ Даміетты въ Розетту, куда ему приказано было пріѣхать *для переговора о весьма важныхъ дѣлахъ*. Бонапарте назначалъ ему для свиданія такое мѣсто, куда вовсе не располагалъ самъ пріѣхать: онъ хотѣлъ избѣгнуть упрековъ и грубой откровенности Клебера. Онъ написалъ къ нему обо всемъ, о чемъ хотѣлъ ему сказать и привелъ причиною неприбытія своего на назначенное мѣсто свиданія, — будто бы страхъ увидѣть съ каждою минутою появленіе Англійскихъ крейсеровъ, побудившій его ускорить тремя

днями отъѣздъ свой. Но Бонапарте очень згалъ писавъ къ нему, что онъ будетъ въ морѣ прежде чѣмъ это письмо получится. Клеберъ горько жаловался на этотъ коварный поступокъ, въ своей перепискѣ. Ниже увидятъ сколь странная судьбина предназначалась перепискѣ Клебера.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

ОБЪ

ИСТРЕБЛЕНІИ ФЛОТА И О ПОВЕДЕНІИ АДМИРАЛА БРЮЙЕСА.

Бонапарте вступилъ въ Александрію 2 Іюля. Черезъ тридцать дней послѣ того, флотъ уже не существовалъ: что же онъ дѣлалъ въ продолженіе этого мѣсяца? какія онъ отдалъ приказанія? что сдѣлалъ Брюйесъ противъ этихъ приказаній? и что бы произошло еслибъ онъ послушался Наполеона?

Разсмотрѣвъ письмо къ Директоріи, мы увидимъ что оно очень различествуетъ съ его приказами и съ перепискою его съ Адмираломъ. 1 Августа, роковой день, засталъ Адмирала въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ ему 3 Іюля приказано было находиться. Весьма несправедливо слагать всю вину на Брюйеса, который, по моему мнѣнію, вовсе не виноватъ и былъ только жертвою обстоятельствъ.

«18 Мессидора (6 Іюля)» говоритъ Бонапарте, «я предписалъ Адмиралу войти въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ въ Александрійскую гавань; еслиже эскадра его не могла туда войти, то выгрузивъ немедленно всю артиллерію и принадлежащія арміи вещи, итти въ Корфу.»

«Адмиралъ не заблагоразсудилъ произвесть выгрузку

въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился (*).

«Онъ сталъ на якорь у Абукира, по удобству тамошней рейды.

«Я отправился изъ Александріи въ полной увѣренности, что черезъ три дня, эскадра войдетъ въ Александрійскую гавань или отплыветъ въ Корфу.»

Вотъ что Бонапарте писалъ Директоріи 6 Іюля, а 9 числа Генералъ-Интендантъ писалъ Адмиралу Брюйесу съ Абукирской рейды:

«Всѣ вообще полагали, что тотчасъ по произведеніи выгрузки, мы отправимся въ Корфу, гдѣ къ намъ присоединятся наши корабли изъ Мальты, Тулона и Анконы для того, чтобы на все быть готовымъ. Главнокомандующій рѣшилъ иначе. Счастіе, сопутствующее всѣмъ его дѣйствіямъ, ознаменуетъ и это. Впрочемъ мы въ странѣ фанатизма и вліяніе онаго колеблетъ нѣсколько мои правила.»

Конечно еслибъ дѣло произошло точно такъ, какъ говоритъ Главнокомандующій, отправившійся изъ Александріи 7 Іюля, то онъ бы могъ по справедливости сказать: «Я отдалъ 6 числа положительный приказъ; я отправился 7; виноватъ ли я въ томъ, что меня не послушались?»

Но 3 Іюля, за четыре дня до отъѣзда своего изъ Александріи, Бонапарте предписалъ повелѣніемъ въ осми пунктахъ, чего онъ желалъ отъ Брюйеса: прямаго приказа не было.

Въ первой статьѣ сего повеленія было сказано: «Адмиралъ Брюйесъ введетъ завтрашній день, 4 Іюля, свою эскадру въ Александрійскую гавань, *если* погода дозволитъ и *если* глубина окажется достаточною.—Статья 2.

(*) Онъ не могъ сего сдѣлать; смотри помѣщенное ниже извлеченіе изъ донесенія Бертье.

Если въ гавани не окажется достаточной глубины, то онъ приметъ мѣры для выгрузки завтрашнiй же день артиллерiи и прочихъ сухопутныхъ вещей.» Седьмою статьею предписано: «Адмиралъ завтрашнiй день донесетъ Главнокомандующему, можетъ ли эскадра войти въ Александрiйскую гавань или въ состоянiи ли она, ставъ на шпрингъ въ Абукирскомъ заливѣ, защищаться противъ превосходящей ее силою непрiятельской эскадры; въ случаѣже если ни того, ни другаго нельзя будетъ сдѣлать, онъ долженъ будетъ, по выгрузкѣ артиллерiи, итти въ Корфу.—Статья 8. Еслибъ непрiятель показался съ силами, очень превосходными, въ такомъ случаѣ буде Адмиралъ не могъ бы войти, ни въ Александрiю, ни въ Абукиръ, то флотъ равномѣрно долженъ итти въ Корфу.»

Вотъ единственный приказъ, полученный Брюэссомъ; эскадра уже не существовала тогда какъ письмо отъ 27 Iюля пришло въ Александрiю. Спрашивается, опредѣлительный ли это приказъ и 6-го ли Iюля онъ былъ данъ? Но даже и предположивъ, что это показанiе справедливо, приказъ сей былъ *неудобоисполнимъ*. Это ниже увидятъ.

Генералъ Бертье, въ своемъ *Описанiи походовъ Генерала Бонапарте въ Египтѣ и въ Сирiи*, которое можно считать офицiяльнымъ, ибо оно написано со словъ Наполеона, выражается такимъ образомъ:

«Военные корабли *не могли* войти въ гавань и оставались на рейдѣ *въ большомъ разстоянiи*, что сдѣлало выгрузку артиллерiи столькоже продолжительною, какъ и *трудною*. Бонапарте согласился съ Адмираломъ Брюэсомъ въ томъ, чтобы флотъ пошелъ стать на якорь при Абукирѣ, гдѣ рейдъ хорошъ и выгрузка удобна и откуда можно имѣть сообщенiе съ Корсикою и съ Александрiею.»

Пусть безпристрастный читатель, отъ чистаго сердца

ищущій истины, сравнить смыслъ и выраженія приведеннаго мною отрывка изъ письма къ Директоріи съ приказомъ, отданнымъ 3 Іюля и съ офиціяльнымъ Описаніемъ Бертье. Должно сказать, что Бонапарте *не писалъ* 6 Іюля къ Адмиралу Брюйесу того, что онъ показываетъ. Но, отправясь 7 числа изъ Александріи, онъ хотѣлъ чрезъ это намекнуть, что отдавъ приказъ 6 числа, онъ уже не долженъ былъ ни за что отвѣтствовать; и не могъ уже быть виноватымъ если ему не повиновались. И не могъ ли онъ думать проѣзжая степью, что въ это самое время флотъ спокойно плыветъ чрезъ Средиземное море? Между тѣмъ достовѣрно, что отправляясь 7 Іюля во внутренность Египта, онъ зналъ что флотъ *не могъ* войти въ старую гавань и что онъ съ его согласія стоялъ на якорѣ при Абукирѣ.

Но выставимъ это дѣло еще яснѣе: Адмиралъ Брюйесъ пишетъ 2 Іюля къ Бонапарте длинное письмо, въ которомъ объявляетъ, что по всему кажется, что входъ въ оба Александрійскіе порта для военныхъ кораблей невозможенъ; что въ томъ положеніи, въ которомъ онъ стоитъ на Александрійскомъ рейдѣ, ему нельзя удержаться и что онъ не можетъ тутъ ждать непріятеля, который, съ равными силами, уничтожилъ бы всю армію, напавъ на нея по частямъ, если онъ бы сталъ ожидать его на этомъ рейдѣ, находящемся на три мили въ морѣ предъ Александріею. Онъ предложилъ Абукирскій рейдъ, прибавивъ что оттуда онъ можетъ переслать ему на лодкахъ и другихъ мелкихъ судахъ артиллерію и прочія вещи, которыя онъ имѣлъ у себя на корабляхъ. Онъ бы очень огорчился, еслибъ неимѣніе рейда заставило его съ нимъ разлучиться.

Можно понять, что выражало это чувство Брюйеса. Предположимъ, весьма возможную битву при Мансурѣ; что

сталось бы съ арміею? былъ ли бы тогда флотъ лишнимъ? и не долженъ ли бы онъ самъ употребить его для исполненія обширныхъ замысловъ, объявленныхъ имъ Директоріи?

Адмиралъ Брюйесъ пишетъ 6 Іюля къ Бонапарте (который находился еще въ Александріи и по словамъ его въ тотъ же день писалъ Директоріи читанное нами), что онъ снимется съ якоря для того, чтобы итти на Абукирскій рейдъ; что Контръ-Адмиралъ Вильнёвъ и Дивизіонный Начальникъ Каза-Біанка, считаютъ проходъ линейныхъ кораблей не возможнымъ, или по крайней мѣрѣ весьма опаснымъ. Онъ усердно желаетъ содѣйствовать его движеніямъ и заключаетъ письмо свое слѣдующими словами:

«Съѣстные припасы самая нужная вещь для эскадры; мнѣ донесли, что на многихъ корабляхъ остается только на двѣ недѣли сухарей. Сверхъ того нужно дровъ, которыхъ очень мало.»

Вотъ отвѣтъ Адмирала отъ 7 Іюля на письмо Главнокомандующаго отъ 6 числа. «Да здравствуетъ Республика! Мнѣ кажется, что *все идетъ чудесно. Благодарю васъ* за взятую вами предосторожность посылкою въ Бекіе Инженерныхъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ. Я условлюсь съ ними, когда стану на якорь . . . .

«Я прикажу искать по всему кораблю ящиковъ, которыхъ вы требуете, и если они не найдутся, то прикажу осмотрѣть всѣ суда моей эскадры.

«Еслибъ нашелся способъ ввести эскадру въ Александрійскую гавань, то меня можно бы блокировать однимъ кораблемъ, и я остался бы празднымъ зрителемъ вашей славы, не въ состояніи будучи принять въ оной ни малѣйшаго участія.»

Чтеніе этихъ бумагъ не доказываетъ ли очевиднѣй-

шимъ образомъ, что Бонапарте отправился 7 числа изъ Александріи, очень хорошо зная:

1-е. Что по всему видна была невозможность войти въ Александрійскую гавань;

2-е. Что ему извѣстно было, что Брюйесъ находится въ Абукирѣ, когда онъ изъ предосторожности отправилъ къ нему Инженерныхъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ для обеспеченія стоянки его на якорѣ;

3-е. Что Наполеонъ зналъ о неимѣніи эскадрою съѣстныхъ припасовъ и дровъ.

4-е. Наконецъ что сожалѣніе, которое имѣлъ бы Брюйесъ о томъ, что останется празднымъ зрителемъ его славы, не въ состояніи будучи принять въ ней участія, показываетъ нѣкоторую осторожность на счетъ ненадежной будущности.

Можно ли согласить эту переписку Брюйеса съ мнимымъ письмомъ отъ 6 Іюля къ сему Адмиралу, о которомъ Бонапарте говоритъ Директоріи. Письмо сіе было написано не ранѣе какъ 20 числа слѣдующаго Августа мѣсяца.

Чтоже съ тѣхъ поръ произошло? . . . Возьмемъ опять письмо его къ Директоріи.

«Съ 18 Мессидора (4 Іюля) до 6 Термидора (24 Іюля) я не получилъ никакого извѣстія ни изъ Розетты, ни изъ Александіи, ни съ эскадры. Тучи Арабовъ, налетѣвшія со всѣхъ концевъ степи, безпрестанно находились въ пяти стахъ туазахъ отъ лагеря. Я получилъ нѣсколько донесеній отъ Адмирала, изъ коихъ съ удивленіемъ увидѣлъ что онъ все еще находится въ Абукирѣ. Я тотчасъ написалъ ему, что онъ долженъ не теряя ни минуты втянуться въ Александрію или итти въ Корфу.»

Я безъ труда вѣрю тому, что Главнокомандующій не получалъ писемъ съ отъѣзда своего изъ Александріи до

24 Іюля; т. е. до вступленія въ Каиръ. Я утвердительно знаю, что до 14 Іюля т. е. до того дня, какъ я сѣлъ на шебеку *Оленя*, онъ не имѣлъ извѣстій изъ Александріи позднѣе какъ отъ 9 числа. Но онъ получилъ письмо Брюйеса отъ 7 числа. Достовѣрно что многочисленные Арабы, видѣнные мною въ Боганрѣ, перехватывали курьеровъ, ѣдущихъ безъ прикрытія и дѣлали переписку невозможною.

Бонапарте говоритъ о нѣсколькихъ письмахъ, полученныхъ имъ отъ Адмирала въ Каирѣ до донесенія отъ 20 Іюля и о которыхъ ниже будетъ рѣчь.

Не должно терять изъ вида, что Наполеонъ и Адмиралъ не получили адресованныхъ къ нимъ писемъ своевременно для того, чтобы оныя могли имѣть хотя малѣйшее вліяніе на поведеніе Адмирала. Должно съ безпристрастіемъ разсмотрѣть приказъ 3 Іюля и бѣдственное состояніе флота.

Правда что Брюйесъ писалъ 13 и 14 Іюля четыре письма Главнокомандующему. Но должно замѣтить, что ни въ одномъ онъ не упоминаетъ о Корфу.

Въ первомъ онъ говорилъ ему послѣ нѣсколькихъ подробностей: «Гарнизоны, оставленные на корабляхъ, очень слабы и составлены изъ солдатъ хворыхъ, молодыхъ и необученныхъ. Кажется какъ будто бы изъ всей вашей арміи намъ выбрали самыхъ дурныхъ.»

Онъ представилъ копію съ отданнаго имъ приказа, касательно распоряженій на случай еслибъ эскадрѣ пришлось вступить въ бой стоя на якорѣ.

Письмо сіе, о которомъ Бонапарте ничего не говоритъ,—доказываетъ сколь неблагоразумно было бы пуститься въ Средиземное море съ флотомъ, такимъ образомъ составленнымъ и терпящимъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

14 Іюля Брюесъ, отправляя письма, полученныя изъ Тулона, заключаетъ такимъ образомъ: «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю риса, дабы сохранить малое количество сухарей, у меня остающихся.» Онъ говоритъ, что не получаетъ приказаній.

Брюесъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ не извиняется въ томъ, что онъ не ушелъ въ Корфу.

Что касается до того, что Бонапарте, по словамъ его, писалъ къ нему о немедленномъ туда отплытіи, то можно себѣ представить, что это письмо отправленное изъ Каира 25 Іюля, не могло прійти раньше 1 Августа.

Главнокомандующій продолжаетъ такимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ Директоріи:

«*Адмиралъ увѣдомилъ меня письмомъ* отъ 2 Термидора (20 Іюля) что многіе Англійскіе корабли приходили осматривать его положеніе и что онъ укрѣплялся въ ожиданіи непріятеля, стоя на шпрингѣ у Абукира. Эта странная рѣшимость очень меня встревожила. Но уже было поздо; ибо письмо его дошло ко мнѣ только 12 Термидора (30 Іюля). Я отправилъ къ нему Адъютанта моего Жюліена съ приказаніемъ не уѣзжать изъ Абукира, пока онъ не увидитъ эскадру подъ парусами. Отправясь 30 Іюля, онъ ужъ не могъ поспѣть во время. Адъютантъ сей былъ убитъ дорогою отрядомъ Арабовъ, которые остановили лодку его на Нилѣ и зарѣзали его со спутниками (*).

Здѣсь помѣщается настоящее письмо Адмирала отъ 2 Термидора (20 Іюля).

На Адмиральскомъ кораблѣ 2 Термидора.

«Фрегатъ *Артемиза*, сопровождавшій Гросъ-Мейстера на острова Мезидскіе, вчера возвратился. Журналъ его

(*) Онъ отправился 1 Августа 1799 и былъ убитъ 2 числа.

не представляетъ ничего любопытнаго. Я нашелъ въ немъ только показаніе одного Императорскаго судна, встрѣтившаго 2 Мессидора (20 Іюня) на Востокѣ отъ Мессинскаго маяка Англійскую эскадру, составленную изъ тринадцати кораблей, одного фрегата и брига; это та самая, которая прошла 10 числа (28 Іюня) предъ Александріею. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ извѣстій. Вижу что чрезъ нѣсколько дней не будетъ у насъ сухарей. Я убавилъ треть винной порціи. Контръ-Адмиралъ Декре былъ въ Розеттѣ, дабы ускорить отправку съѣстныхъ припасовъ, вами мнѣ назначенныхъ. Я получилъ вчера двѣ мортиры, требованныя мною для помѣщенія на рифѣ, къ коему примыкаетъ моя линія. Завтра онѣ будутъ поставлены. *На эскадрѣ нѣтъ ничего новаго, заслуживающаго быть вамъ сообщенымъ.»*

Къ этому письму было приложено донесеніе Адмирала объ усмотрѣнныхъ имъ двухъ военныхъ судахъ, показавшихся съ Запада. Описавъ подробно ихъ движенія, Адмиралъ заключаетъ такимъ образомъ. *Уже часъ по полудни, а ничто не показывается.* Вѣроятно, что эти два судна были отряжены для осмотра отъ Англійскаго флота.

Ужъ вѣрно не позднее полученіе сего письма, какъ утверждаетъ Бонапарте, было причиною потери флота.

Но вотъ еще лучше того.

Бонапарте пріѣзжаетъ въ Каиръ 25 Іюля и 27 пишетъ къ Адмиралу:

«Я извѣстился изъ Александріи, что вы наконецъ нашли желаемый проходъ и что въ эту минуту, вы уже находитесь въ гавани съ вашею эскадрою.

«Вы не должны ни сколько безпокоиться на счетъ съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ для вашей арміи.

«Какъ только я получу отъ васъ донесеніе о томъ,

что вы сдѣлали и въ какомъ находитесь положеніи, то сей часъ *пришлю вамъ* приказъ о томъ, что дѣлать.

«Велите хорошенько стеречь *Кораима:* это бездѣльникъ, насъ обманувшій. Если онъ не заплатитъ требуемыхъ мною у него ста тысячъ ефимковъ, то я прикажу отрубить ему голову (*).»

Изъ сего Наполеонова письма видно: 1-е Что ему неправильно донесли: прохода не было и не Брюйесъ сообщилъ ему это ложное извѣстіе; 2-е Что онъ зналъ о недостаткѣ на эскадрѣ съѣстныхъ припасовъ; 3-е Что онъ ожидалъ извѣстій отъ Брюйеса для того чтобы дать ему приказанія о томъ, что дѣлать; 4-е Что повелѣніе его о крѣпкой стражѣ Александрійскаго Шерифа для исторженія у него ста тысячъ ефимковъ, очевидно доказываетъ, что онъ зналъ о томъ что Адмиралъ не въ Корфу и не въ слѣдованіи туда. И въ этомъ письмѣ отъ 27 Іюля вовсе нѣтъ приказанія о томъ чтобы итти въ Корфу.

Бонапарте пишетъ 30 Іюля: «Я писалъ вамъ 27 числа и сообщаю вамъ всѣ приказанія, отданныя мною о продовольствіи эскадры. Полагаю что теперь пятьдесятъ судовъ со съѣстными припасами уже прибыли. Я отправлю еще судовъ тридцать съ хлѣбомъ для вашей эскадры.

«По всѣмъ дѣйствіямъ Англичанъ должно заключать что они слабѣе насъ числомъ и удовольствуются блокадою Мальты. Какъ бы то ни было, а надобно скорѣе войти въ Александрійскую гавань или, запасшись немедленно рисомъ и хлѣбомъ, мною вамъ посылаемымъ,

(*) Сиди-Могамедъ Эль-Кораимъ изъ семьи Пророка; онъ былъ присланъ изъ Александріи Клеберомъ на Корабль *Востокъ* а оттуда отправленъ въ Каиръ. Исторія его и плачевный конецъ были помѣщены въ этой части.

итти въ гавань Корфу; ибо необходимо, пока все рѣшится чтобы вы находились въ положенiи, могущемъ устрашать Порту.»

Читая это письмо не понимаешь, отъ чего Бонапарте *встревожился*, какъ онъ писалъ Директорiи, если онъ считалъ Англичанъ слабѣйшими въ числѣ и занятыми блокадою Мальты. Изъ него видно также, что онъ желалъ снабдить Брюйеса съѣстными припасами предъ отправленiемъ его въ Корфу.

Письма 27 и 30 Iюля получены уже послѣ 1 Августа. Я упомянулъ о нихъ только для того чтобы показать какiя были намѣренiя Главнокомандующаго, равно какъ и то что онъ совершенно зналъ въ какомъ положенiи находится эскадра.

Изъ письма 30 Iюля видно:

1-е. Что онъ продолжалъ питать ложную увѣренность о найденiи хорошаго прохода; 2-е. Что онъ былъ убѣжденъ въ томъ что эскадра не имѣетъ съѣстныхъ припасовъ, когда онъ посылалъ къ ней съ оными сто туземныхъ лодокъ; 3-е. Что его вовсе не безпокоили Англичане поелику онъ самъ объявляетъ Брюйесу, что они довольствуются блокадою Мальты; 4-е. Что ему извѣстна была невозможность Брюйесу итти въ Корфу, поелику онъ не имѣлъ съѣстныхъ припасовъ и поелику онъ самъ говоритъ что пришлетъ ему продовольствiе для того, чтобы итти туда.

Это плаванiе въ Корфу подвергало флотъ опасности для весьма пустой причины. Не легко было убѣдить Султана, даже съ тринадцатью плохо снаряженными кораблями, въ томъ что мы для него овладѣли Египтомъ, сбирали тамъ подати, налагали налоги и разстрѣливали тѣхъ, которые не платили насильственной дани. Странно

было и думать, что Султанъ повѣритъ что все это дѣлается ему въ угодность и для его пользы.

Возвратимся къ письму къ Директоріи: «26 Іюля Адмиралъ написалъ мнѣ что Англичане удалились и что онъ приписываетъ это недостатку съѣстныхъ припасовъ. Это *правда*, но Брюйесъ прибавляетъ въ томъ же письмѣ: «Мы не получаемъ извѣстій и безпрестанно находимся между страхомъ и надеждою. Я не имѣю никакихъ запасныхъ вещей и *не могу ничего предпринять* не получивъ продовольствія.

«Двѣ мортиры были поставлены на риѳѣ и четыре шестифунтовыя пушки защищаютъ подходъ къ оному; надобно убрать все это *когда вы дадите мнѣ приказъ объ отплытіи.* Впрочемъ рейдъ сей совершенно открытъ и не можетъ защитить корабли противъ превосходнаго числомъ непріятеля.»

Потомъ, говоря о суднѣ которое онъ посылалъ для обозрѣнія и которое переломило мачту, онъ прибавляетъ: «Безъ продовольствія, безъ запаснаго такелажа упадаешь духомъ и отъ бездѣйствія дѣлаешься больнымъ.

Бонапарте говоритъ Директоріи:

«29 Іюля Адмиралъ писалъ мнѣ что онъ извѣстился о побѣдѣ при Пирамидахъ и что нашли проходъ для входа въ Александрійскую гавань. Я получилъ это письмо 5 Августа.»

Вотъ письмо Брюйеса отъ 29 Іюля: «Мы узнали вчера о побѣдѣ вашей надъ Мамелюками и о торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Каиръ и проч:

«Флотъ празднуетъ сегодня морскими играми новое торжество Республики.» Засимъ слѣдуютъ шесть незначительныхъ пунктовъ о движеніи нѣкоторыхъ судовъ въ Средиземномъ Морѣ. Письмо оканчивается такимъ образомъ:

«Александрiйскiй Шерифъ, содержимый у меня на кораблѣ, изъявляетъ живѣйшее желанiе отправиться къ вамъ. Я ожидаю вашихъ приказанiй.»

Во всемъ письмѣ 29 Iюля, нѣтъ ни одного слова объ Александрiйскомъ проходѣ. Бонапарте смѣшалъ это съ тѣмъ, что Брюйесъ писалъ ему въ другомъ письмѣ отъ 26 числа.

«Офицеры, коимъ я поручилъ вымѣрять старую гавань, пишутъ, что *работа ихъ кончена* и что они *пришлютъ мнѣ планъ*. Получивъ оный, я тотчасъ представлю его вамъ, дабы вы назначили, какимъ кораблямъ войти туда.» Брюйесъ ни когда не думалъ, чтобы большiе корабли его эскадры въ состоянiи были войти въ Александрiйскую гавань.

Читатели видѣли, что Брюйесъ, въ томъ же самомъ письмѣ отъ 29 Iюля, въ которомъ Бонапарте предполагаетъ вещи, въ немъ не находящiяся, что съ нимъ очень часто бывало,—говоритъ о Кораимѣ, Александрiйскомъ Шерифѣ; онъ склонился на желанiе его лично оправдаться предъ Главнокомандующимъ и высадилъ его на берегъ 31 Iюля. Онъ былъ отправленъ подъ крѣпкою стражею въ Каиръ. Черезъ двадцать четыре часа, онъ бы взлетѣлъ на воздухъ съ Востокомъ.

Главнокомандующiй писалъ къ Брюйесу въ самый день истребленiя его флота, 1 Августа: «Я прiобрѣлъ новыя доказательства измѣны Кораима; прикажите заковать его и принять всѣ возможныя предосторожности, дабы онъ не ушелъ.»

А 3 Августа, послѣ многихъ вещей, совершенно постороннихъ для эскадры, онъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ: «При семъ прилагается новый приказъ о продовольствiи эскадры.»

Очевидно, что въ эту эпоху, эскадра не была еще

снабжена продовольствіемъ и не могла итти въ Корфу.

Бонапарте продолжаетъ такимъ образомъ письмо свое къ Директоріи: «Мнѣ кажется что Адмиралъ Брюйесъ *не хотѣлъ* итти въ Корфу прежде чѣмъ онъ удостовѣрился въ невозможности втянуться въ Асександрійскую гавань и въ томъ что армія, о которой онъ давно не получалъ извѣстія, находится въ такомъ положеніи, что *не имѣетъ нужды въ отступленіи.* Если въ этихъ роковыхъ обстоятельствахъ онъ сдѣлалъ ошибки, то онъ загладилъ ихъ славною смертью.»

Эта статья дѣйствительно необычайна; но Брюйесъ съ перваго дня былъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя войти въ старую Александрійскую гавань; Бонапарте потому только приказалъ ее измѣрить, что къ нему приступили люди, хотѣвшіе во всемъ знать больше другихъ. Онъ этимъ повелѣніемъ отъ 3 Іюля предписалъ или войти, буде можно въ гавань, или стать на якорь при Абукирѣ.

Брюйесъ—говоритъ его офиціяльное донесеніе, не хотѣлъ итти въ Корфу.

Почему же нѣтъ? онъ, столь преданный Наполеону, находившійся подъ его непосредственнымъ начальствомъ; отъ чего бы онъ отказался? онъ не имѣлъ права не исполнить приказанія. Но очевидно доказано, что онъ *не могъ* сего сдѣлать потому что у него едва день за день ставало съѣстныхъ припасовъ.

Но, спрашиваешь себя,—Бонапарте оставилъ Александрію 7 Іюля; онъ вступилъ со своею арміею въ землю ему неизвѣстную и противъ непріятеля, коего онъ не зналъ силы. Тридцать тысячъ Французовъ подвергнуты всѣмъ опасностямъ случайности. Всѣ сообщенія прерваны и изъ переписки его видно, что 26 Іюля въ Александріи не имѣли никакого извѣстія объ арміи и не

прежде какъ за три дня до Абукирской битвы узнали о выступленіи ея въ Каиръ. Даже и тогда еслибъ способы Адмирала и дозволили ему пуститься со своею эскадрою въ открытое море, развѣ это была большая ошибка, подождать извѣстій объ арміи? Не должно забывать что Брюйесъ не получалъ никакого приказанія послѣ повелѣнія 3 Іюля и можно ли назвать *неповиновеніемъ*, что онъ не отплылъ въ Корфу по этому повелѣнію?

Но послушаемъ Адмирала Бланке-Дюшела, который начальствовалъ *Франклиномъ*. Онъ пишетъ 12 Августа Главнокомандующему. Изобразивъ ему роковую ночь и *всеобщее мнѣніе*, что непріятель не посмѣетъ напасть, а если сіе сдѣлаетъ, то будетъ отраженъ, онъ прибавляетъ:

«Еслибъ вы были къ намъ поближе, Генералъ, то всѣ недоумѣнія, насъ тяготившія, какъ чрезъ *недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и воды*, такъ неимѣніе оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ, равно какъ людей привыкшихъ побѣждать, прекратились бы.

«Адмирала связывало благоговѣйное уваженіе, питаемое имъ къ вашимъ намѣреніямъ, которыя, *лучше понятыя*, хотя и безъ полученія отъ васъ извѣстій, долженствовали бы побудить его къ оставленію этихъ береговъ.

«Изъ двухъ, поставленныхъ на рифѣ мортиръ, было пущено нѣсколько бомбъ, но безъ успѣха.»

Поелику рѣчь идетъ о намѣреніяхъ и о понятіи оныхъ, то слѣдовательно не было опредѣлительнаго приказанія.

Хотя Бонапарте и говоритъ, что флотъ получилъ изъ Розетты въ первыхъ числахъ Термидора запасъ риса на два мѣсяца, но тѣмъ не менѣе справедливо, что эти

письма Брюйеса, и Дюшела доказываютъ что флотъ не имѣлъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ для ежедневнаго продовольствія. Очевидно, что Брюйесъ не могъ *ничего* предпринять не получивъ съѣстныхъ припасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О

ЕГИПЕТСКОМЪ ПОХОДѢ.

Авторъ счелъ нужнымъ помѣстить здѣсь нѣсколько необходимыхъ приложеній, стараясь какъ онъ уже упоминалъ въ этихъ Запискахъ, включать въ разсказъ свой какъ можно меньше того, что могли говорить другіе. Эти бумаги притомъ весьма любопытны и пополняютъ добровольные пропуски автора; это во первыхъ письмо Генерала Бойе къ его семейству, два донесенія Наполеона Директоріи, письмо Пуссіельга о бѣдствіи, постигшемъ Французскій флотъ при Александріи и описаніе Каира.

Къ этимъ бумагамъ, изъ коихъ многія официальны, авторъ приложилъ многія другія, съ коихъ онъ имѣетъ у себя подлинники; это письма, писанныя въ продолженіи Египетскаго похода Мармонтомъ, Таліеномъ, Дюмасомъ и проч.

Въ Великомъ-Каирѣ, 10 Фруктидора.

ЛЮБЕЗНЫЕ РОДИТЕЛИ,

Вступленіе наше въ Каиръ доставляетъ мнѣ случай увѣдомить васъ о себѣ, и какъ мнѣ хочется вполнѣ изобразить вамъ сей походъ столь же странный, какъ удивительный, то я изображу вамъ всѣ наши подвиги со дня отправленія нашего изъ Тулона.

Армія, составленная изъ 30,000 человѣкъ, посаженныхъ на суда частью въ Марселѣ, въ Тулонѣ, въ Генуѣ и въ Чивитта-Веккіѣ, отправилась въ море 30 Флореаля въ сопровожденіи

пятнадцати военныхъ кораблей, четырнадцати фрегатовъ и множества другихъ военныхъ судовъ. Весь флотъ состоялъ изъ четырехъ сотъ парусовъ; со временъ крестовыхъ походовъ, никогда еще такія силы не являлись на Средиземномъ морѣ.

Не думая объ опасностяхъ стихіи, по которой мы плыли и о тѣхъ, которымъ могъ бы насъ подвергнуть грозный на водѣ непріятель, мы направили путь свой къ острову Мальтѣ, куда прибыли 22 Преріаля. Это завоеваніе, весьма важное, стоило намъ мало людей. 24 Мальта сдалась; Орденъ былъ уничтоженъ; Великій Магистръ отправленъ въ Германію съ великолѣпными обѣщаніями: всѣ желанія наши исполнились. Не должно было терять времени, ни слишкомъ заниматься исчисленіемъ выгодъ, доставленныхъ намъ чрезъ овладѣніе Мальтою; Англійская эскадра, состоящая изъ тринадцати большихъ судовъ, подъ начальствомъ Нельсона, находясь въ водахъ Неаполя, наблюдала за нашими движеніями. Бонапарте, извѣстясь о присутствіи непріятеля, едва далъ своей эскадрѣ время налиться водою; онъ приказалъ вступить подъ паруса; и 30 Преріаля армія на эскадрѣ вышла изъ Мальтійской гавани. Мы поставили всѣ паруса дабы достичь второй цѣли нашего похода. 7 Мессидора мы увидѣли островъ Кандію; наконецъ 12 числа наша легкая эскадра усмотрѣла Александрію.

Того же числа въ полдень, эскадра Адмирала Нельсона пришла предъ гавань сего города и предложила Туркамъ стать на якорь въ ихъ гавани и защитить ихъ противъ насъ. Получивъ на это предложеніе отказъ, Англичане подняли паруса и направили путь къ Каиру, между тѣмъ какъ мы, воспользовались ихъ ошибкою и несмѣтливостью, спустились въ почи съ 13 на 14 число къ Марабу или Арабской башнѣ; и на разсвѣтѣ вся армія находилась уже на берегу. Бонапарте, принявъ надъ оною начальство, пошелъ прямо на Александрію черезъ степь, простирающуюся на три мили и не имѣвшую даже воды для освѣженія себя въ этомъ климатѣ, въ коемъ жаръ нестерпимъ.

Не взирая на всѣ эти трудности, мы подошли подъ стѣны; гарнизонъ изъ пяти сотъ Янычаръ защищалъ ихъ. Остальная часть городскихъ жителей бросилась въ укрѣпленія; другіе взобрались на крыши. Расположась такимъ образомъ, они ждали

нашего нападенія: ударили тревогу; солдаты наши съ яростью бросились на стѣны и влѣзли на оныя, не смотря на упорное сопротивленіе осажденныхъ. Многіе Генералы ранены и въ томъ числѣ Клеберъ. Мы потеряли около 150 человѣкъ, но храбрость наша преодолѣла упорство Турокъ. Повсюду опрокинутые, они бѣгутъ въ мечети подъ защиту своего Бога и Пророка. Мужщины, женщины, старики, молодые и дѣти, всѣ умерщвлены. Черезъ четыре часа солдаты перестаютъ свирѣпствовать; спокойствіе водворяется въ городѣ; многія укрѣпленія сдаются; я самъ принудилъ къ сдачѣ одно, въ которомъ засѣли 700 Турокъ. Довѣренность воцаряется наконецъ въ городѣ и на другой день все было спокойно.

Здѣсь должно сдѣлать маленькое отступленіе, дабы объяснить вамъ цѣль, приведшую насъ въ эти страны и побудившую Наполеона овладѣть Египтомъ.

Франція, потерявъ чрезъ разныя событія войны сей и революціи свои колоніи, свои конторы, неизбѣжно увидѣла бы упадокъ своей торговли и народъ, столь промышленный, принужденнымъ бы наконецъ нашелся покупать изъ вторыхъ рукъ самые необходимые предметы своей торговли. По многимъ вѣроятностямъ, Правительству кажется невозможнымъ возвратить свои колоніи, или покрайней мѣрѣ получить отъ нихъ тѣ выгоды, которыя мы имѣли, послѣ свершившихся ужасовъ, и разрушенія, совокупно съ декретомъ уничтоженія.

Дабы вознаградить себя за потерю, которая кажется почти существенною Правительство, обратило взоры на Египетъ и на Сирію, страны которыя своимъ климатомъ, добротою почвы и плодородіемъ, могутъ сдѣлаться житницами торговли Франціи, ея запаснымъ магазиномъ, а въ послѣдствіи времени, складочнымъ мѣстомъ торговли ея въ Индіи: неоспоримо что овладѣвъ этою землею и устроясь въ ней, мы можемъ далѣе простерть наши виды и въ послѣдствіи уничтожить Англійскую торговлю въ Индіи, обратить ее къ нашей пользѣ и сдѣлаться властелинами торговли даже въ Африкѣ и въ Азіи.

Всѣ эти причины побудили, по моему мнѣнію, Правительство отправить экспедицію въ Египетъ.

Эта часть Оттоманскихъ владѣній управляется въ продолженіи нѣсколькихъ уже вѣковъ особеннымъ родомъ людей, называ-

ваемыхъ Мамелюками, которые подъ предводительствомъ Беевъ, не признаютъ владычества Султана, господствуя самовластно и тирански надъ народомъ и надъ землею, которые въ рукахъ образованнаго Правительства, сдѣлались бы источникомъ богатствъ.

Съ этими то Мамелюками должно воевать для овладѣнія Египтомъ: число ихъ простирается почти до 8,000 всадниковъ; у нихъ двадцать четыре Бея, ими предводительствующіе. Вамъ необходимо узнать нѣсколько каковы эти солдаты, какъ они ведутъ войну, какое имѣютъ оружіе и какое ихъ происхожденіе.

Всякій Мамелюкъ купленъ. Они всѣ съ горы Кавказа и изъ Грузіи. Много есть Нѣмцевъ, Русскихъ, и даже нѣсколько Французовъ. Вѣра ихъ Магометанская. Пріученные съ юности къ военному ремеслу, они удивительно какъ искусны въ верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ изъ ружей и пистолетовъ, въ метаніи стрѣлъ и во владѣніи палицею и саблею, они съ разу перерубаютъ голову изъ намоченной хлопчатой бумаги.

Каждый Мамелюкъ имѣетъ двухъ, трехъ и даже четырехъ слугъ. Они сопровождаютъ его пѣшіе, даже въ битвахъ. Оружіе коннаго Мамелюка состоитъ изъ двухъ большихъ ружей, которые слуги его несутъ по сторонамъ. Онъ стрѣляетъ изъ нихъ по одному только разу; потомъ берется за двѣ пары пистолетовъ у него прицѣпленные; послѣ сего пускаетъ искусно восемь стрѣлъ, находящіяся у него въ колчанѣ а за тѣмъ дѣйствуетъ палицею для нанесенія ударовъ. Наконецъ двѣ сабли служатъ ему послѣднимъ средствомъ. Онъ схватываетъ конскіе повода въ зубы; беретъ въ каждую руку по саблѣ, бросается на непріятеля и рубитъ на право и на лѣво: горе тому кто не отразитъ его ударовъ. Съ этими то людьми намъ предстоитъ сражаться. Теперь я войду въ подробности битвъ, которыя мы съ ними имѣли.

Учредивъ въ Александріи Правительство и обеспечивъ сообщенія въ тылу нашей арміи, Бонапарте приказалъ взять на пять дней продовольствія для арміи и приготовился итти двадцать миль степью для того чтобы достигнуть устья Нила и подняться вверхъ по берегу сей знаменитой рѣки до Великаго Каира, составляющаго первую цѣль его дѣйствій. 18 Мессидора

армія выступаетъ въ походъ, и идетъ небольшими переходами вверхъ по рѣкѣ сей встрѣчая нѣсколько отрядовъ Мамелюковъ, которые при нашемъ приближеніи обращаются въ бѣгство. Наконецъ 24 числа Генералъ Бонапарте узнаетъ что Беи идутъ противъ него соединенными силами и что на другой день онъ будетъ ими атакованъ. Онъ учреждаетъ боевой порядокъ своего похода и принимаетъ надлежащія предосторожности.

Бонапарте посылаетъ меня съ тремя канонерскими лодками для обозрѣнія. Я предшествую арміи тремя милями съ этою небольшою флотиліею, приставая ко всѣмъ расположеннымъ по берегамъ Нила деревнямъ дабы получить свѣдѣнія о Мамелюкахъ. Въ иныхъ меня встрѣчаютъ ружейными выстрѣлами, въ другихъ жители выходятъ ко мнѣ на встрѣчу, принимаютъ меня хорошо и предлагаютъ мнѣ съестные припасы. Въ одной изъ нихъ случилось со мною дѣйствительно смѣшное и странное происшествіе. Мѣстный Шейкъ, собравъ для встрѣчи меня всѣхъ жителей, приблизился ко мнѣ и спросилъ по какому праву Христіяне пришли завоевывать землю принадлежащую Султану. Я отвѣчалъ ему что воля Бога и Пророка его Магомета привела насъ. Но, возразилъ онъ, Король Французскій конечно извѣстилъ нашего Султана объ этомъ поступкѣ. Получивъ отъ меня утвердительный на то отвѣтъ, онъ спросилъ меня о здоровьѣ нашего Короля. Я отвѣчалъ ему что онъ очень здоровъ. Послѣ сего онъ поклялся мнѣ своею чалмою и бородой, что я нахожусь у друзей. Я воспользовался расположеніемъ этихъ людей и собралъ всѣ возможныя о Мамелюкахъ свѣдѣнія; послѣ чего, продолжая путь мой я поплылъ вверхъ по Нилу и сталъ ночью на якорѣ противъ деревни Шебренки, расположенной на берегу Нила, при коей собрались Мамелюки и гдѣ произошло первое дѣло.

Я послалъ ночью мое донесеніе Главнокомандующему и сообщилъ ему всё, что я могъ развѣдать о Мамелюкахъ.

На другой день на разсвѣтѣ, поднявшись на мачту моей канонерской лодки, я усмотрѣлъ шесть Турецкихъ шлюбокъ, на меня идущихъ; въ тоже время ко мнѣ подоспѣла на помощь полугалера. Я сталъ противъ этихъ судовъ на шрингъ; и въ четыре съ половиною часа началась между двумя небольшими флотиліями пальба, продолжавшаяся пять часовъ времени; не

взирая на превосходство непріятеля числомъ, я крѣпко держался. Однакожъ онъ наступалъ на меня и я мигомъ потерялъ полугалеру и одну изъ канонерскихъ лодокъ; но дѣло шло не о томъ, чтобы сдаться: надобно было побѣдить. Въ продолженіе этой неизвѣстности, армія наша подошла и я освободился. Одна изъ Турецкихъ шлюбокъ взлетѣла на воздухъ.

Въ то время какъ флотиліи дрались, Мамелюки, наступая на нашу армію, блуждали вокругъ оной, не въ состояніи будучи для приведенія ея въ разстройство произвесть натискъ. Должно предполагать, что удивленные порядкомъ, въ коемъ шли наши колонны, они отложили до другаго дня судьбу своей Имперіи и достоянія. Этотъ день кончился бездѣлицою; Мамелюки потеряли не болѣе двадцати или тридцати человѣкъ: но мы извлекли изъ онаго большую выгоду внушивъ необычайное понятіе о нашей тактикѣ непріятелю, который совсѣмъ оной не знаетъ сражаясь только превосходствомъ оружія, искуствомъ и ловкостью, безъ порядка, безъ построеній, не умѣя даже строить взводовъ, дѣлая свои натиски на непріятеля нестройными толпами.

Мамелюки отступили допустивъ насъ безпрепятственно итти до Великаго Каира, гдѣ произошло главное дѣло. 3 числа на разсвѣтѣ армія наша находилась въ трехъ миляхъ отъ Каира и въ пяти отъ славныхъ и знаменитыхъ Египетскихъ пирамидъ. Въ этомъ-то промежуткѣ Мамелюки, подъ предводительствомъ Мура́дъ-Бея, могущественнѣйшаго изъ Беевъ, насъ ожидали. До трехъ часовъ по полудни, время прошло въ сшибкахъ: наконецъ наступилъ часъ; наша армія, оперпись правымъ крыломъ о пирамиды, лѣвымъ къ Нилу близъ деревни Эмбабе, замѣтила что непріятель дѣлаетъ движеніе. Дѣйствительно двѣсти Мамелюковъ двинулись противъ праваго крыла, предводительствуемаго Генералами Дезе и Ренье. Никогда не видалъ я столь яростнаго натиска; давъ волю быстрымъ конямъ своимъ, они потокомъ хлынули на дивизіи врѣзавшись между оными; наши солдаты, стоя твердо и непоколебимо, подпустили ихъ на десять шаговъ и тутъ встрѣтили ихъ бѣглымъ огнемъ, сопровождаемымъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Въ одно мгновеніе болѣе полутораста Мамелюковъ пало; остальные ищутъ спасенія въ бѣгствѣ: они однакожъ опять идутъ на приступъ и встрѣчены такимъ же образомъ. Совершенно наконецъ опрокинутые

нашею храбростью, они устремились на лѣвое наше крыло дабы вторично испытать свое счастiе.

Успѣхъ нашего праваго крыла ободрилъ Наполеона; Мамелюки наскоро укрѣпили деревню Эмбабе, находящуюся на лѣвомъ берегу Нила и поставили тамъ тридцать пушекъ со своими слугами и нѣсколькими Янычарами для защиты подхода къ оному. Генералъ приказываетъ сдѣлать къ этимъ укрѣпленiямъ приступъ и двѣ дивизiи идутъ на оный, не смотря на страшную пальбу. Въ ту минуту какъ солдаты наши устремляются на оные, шесть сотъ Мамелюковъ выходятъ изъ укрѣпленiй, врѣзываются въ наши ряды и начинаютъ рубить; но вмѣсто успѣха, они находятъ себѣ смерть; триста убитыхъ мгновенно остаются на полѣ сраженiя: другiе, желая спастись, бросаются въ Нилъ и всѣ погибаютъ. Пришедъ тогда въ отчаянiе, они повсюду бѣгутъ, зажигаютъ флотъ свой, взрываютъ на воздухъ всѣ суда, оставляютъ намъ свой лагерь и болѣе четырехъ сотъ, навьюченныхъ багажемъ верблюдовъ.

Такимъ образомъ кончился день сей пораженiемъ непрiятеля, который думалъ искрошить насъ, полагая что легче срубить головы тысячѣ Французамъ, чѣмъ перерубить тыкву и арбузъ (Азiятское выраженiе). Армiя достигла въ тотъ же вечеръ Гизы, жилища Мурадъ-Бея, главнаго изъ Мамелюковъ. На другой день мы переправились чрезъ Нилъ на плоскодонныхъ судахъ и городъ Каиръ сдался безъ сопротивленiя.

Здѣсь оканчивается повѣствованiе о нашихъ военныхъ дѣйствiяхъ: опишу теперь бѣдствiя, претерпѣнныя нами на походахъ: я представлю вамъ краткое изображенiе земли, нами пройденной и жителей.

Начнемъ съ Александрiи. Городъ сей, изъ древности своей сохранилъ только имя; всѣ достопамятности его погребены и неизвѣстны народу, который едва знаетъ о томъ, что онѣ существовали. Представьте себѣ безстрастное существо, встрѣчающее событiя, такъ какъ они приходятъ, ничему неудивляющееся, которое, держа въ зубахъ трубку, не имѣетъ другаго занятiя кромѣ того чтобы сидѣть на скамьѣ передъ своими дверьми или передъ домомъ какого либо вельможи; проводитъ такимъ образомъ день свой, очень мало заботясь о своемъ семействѣ, о дѣтяхъ, о матеряхъ, которыя бродятъ съ лицемъ, закрытымъ чер-

нымъ лоскутомъ и предлагаютъ прохожимъ въ продажу дѣтей своихъ; мужчинъ полунагихъ, коихъ тѣло походитъ на мѣдь, и кожа отвратительна, и которые шарятъ въ грязныхъ лужахъ глодая и пожирая подобно свиньямъ то что они тамъ находятъ; домы высотою не болѣе двадцати футъ, съ плоскими крышами, коихъ внутренность есть конюшня, а наружность четыре стѣны. Вотъ Александрійскіе домы. Прибавьте что вокругъ сего скопища нищеты и ужасовъ, находятся основанія самаго знаменитаго города въ древности, самые драгоцѣнные памятники искуствъ.

Выѣхавъ изъ этого города и направивъ путь вверхъ по Нилу, вы встрѣчаете и проѣзжаете степь, голую какъ ладонь, гдѣ на каждыхъ четырехъ или пяти миляхъ находится дурной колодезь солоноватой воды. Представьте себѣ армію, принужденную проходить чрезъ эти безводныя равнины, не представляющія солдату никакого убѣжища отъ царствующихъ въ оныхъ нестерпимыхъ жаровъ; солдата, несущаго на себѣ пять дней продовольствія, въ ранцѣ и въ суконной одеждѣ: черезъ часъ пути, истомленный жаромъ и тяжестью несомыхъ имъ вещей, онъ облегчается, и бросаетъ съѣстные припасы, думая только о настоящемъ, не заботясь о будущемъ. Приходитъ жажда, а воды нѣтъ; приходитъ голодъ, а хлѣбъ брошенъ. Такимъ то образомъ среди ужасовъ, представляемыхъ этою картиною, солдаты погибали отъ жажды, отъ изнеможенія, отъ жара; другіе, видя страданія своихъ товарищей стрѣлялись, а иные съ оружіемъ и съ вещами бросались въ Нилъ и утопали въ волнахъ.

Каждой день похода представлялъ намъ подобное зрѣлище; и неслыханная вещь, которой не легко повѣрить, въ продолженіе семнадцатидневнаго похода, цѣлая армія не имѣла хлѣба. Солдаты питались тыквами, арбузами, курами и немногими овощами, которыя можно было сыскать. Такова была пища всѣхъ, начиная съ Генерала и до послѣдняго солдата. Даже часто Генералъ по суткамъ голодалъ когда солдаты, прибывъ первые въ деревню, разграбляли все и часто приходилось довольствоваться остатками послѣ его невоздержности.

Безполезно говорить о томъ что мы пили. Мы живемъ здѣсь подъ закономъ Магомета: онъ запрещаетъ вино; за то даетъ намъ въ изобиліи воду Нила.

Говорить ли вамъ о странѣ, лежащей по обоимъ берегамъ Нила? дабы дать вамъ о ней настоящее, точное понятiе, надобно топографически описать рѣку сiю.

Двумя милями ниже Каира, она раздѣляется на два рукава: одинъ идетъ къ Розеттѣ, а другой къ Дамiеттѣ; между этими рукавами лежитъ Дельта, страна чрезвычайно плодоносная, орошаемая Ниломъ: на оконечностяхъ двухъ рукавовъ находятся полоса обработанной земли, имѣющая лишь милю ширины, иногда больше, иногда меньше: минуйте ее и вы вступите въ степи, примыкающiя къ Ливiи и къ долинамъ, простирающимся до Чермнаго моря. Отъ Розетты до Каира, страна очень населена и производитъ много рису, пшеницы, чечевицы, кукурузы: деревни прилѣплены одна къ другой; постройка ихъ весьма плоха: это не что иное какъ смятая руками и ногами глина, въ коей продѣланы отверстiя. Дабы получить объ оныхъ полное понятiе, вспомните снѣжныя кучи, сгребаемыя у насъ дѣтьми: печурки, ими устроиваемыя очень походятъ на Египетскiе чертоги; земледѣльцы, называемые обыкновенно Феллагами, чрезвычайно трудолюбивы: они довольствуются очень малымъ и живутъ въ нечистотѣ, приводящей въ ужасъ: я видалъ что они выпивали воду, оставляемую въ корытахъ моими лошадьми и верблюдами.

Вотъ сей Египетъ, столь прославленный историками и путешественниками; не взирая однакоже на всѣ эти ужасы, на претерпѣнныя армiею нужды и бѣдствiя, я соглашаюсь въ томъ, что эта страна есть самая способная для доставленiя Францiи колонiи, коей выгоды будутъ неисчислимы, но для сего надобно время и люди. Я замѣтилъ что не съ солдатами можно заводить колонiи, а особенно съ нашими. Они ужасны въ бою, ужасны по одержанiи побѣды, безспорно самые неустрашимые воины въ мiрѣ, но они не созданы для дальнихъ походовъ: они приходятъ въ уныние отъ рѣчей;—легкомысленные, слабодушные сами ихъ произносятъ. При проходѣ мимо ихъ Генераловъ, они говаривали: «Вотъ они, палачи Французовъ»; и множество подобныхъ выраженiй.

Чаша наполнена, я выпью ее до дна: у меня есть постоянство, здоровье, твердость, которая надѣюсь меня не оставитъ и съ этимъ я достигну конца.

Поговоримъ также о Великомъ Каирѣ. Городъ сей, столица безпредѣльнаго Царства (какъ его называютъ здѣшніе ученые) содержитъ въ себѣ 400,000 душъ. Видъ его есть огромная кишка› набитая домами, взгроможденными одинъ на другой безъ порядка› безъ методы; чернь подобная Александрійской, безъ свѣдѣній; наконецъ тамъ царствуетъ верхъ невѣжества и съ изумленіемъ смотрятъ на того, кто умѣетъ читать и писать; но городъ сей, не взирая на то, есть складочное мѣсто и средоточіе значительной торговли; туда приходятъ карованы изъ Мекки и изъ Индіи. (Въ первомъ письмѣ я буду имѣть случай говорить вамъ объ этихъ караванахъ).

Я видѣлъ вчера представленіе Дивана, составленнаго Генераломъ Бонапарте: онъ составленъ изъ девяти человѣкъ. Я видѣлъ девять автоматовъ, одѣтыхъ въ Турецкое платье: чалмы и одежды ихъ были пышны; но что касается до ума, свѣдѣній, генія и талантовъ, то я ничего вамъ не говорю: эта статья у Турокъ всегда оставляется въ пробѣлѣ. Нигдѣ нѣтъ столько невѣжества, нигдѣ нѣтъ столько богатства, и нигдѣ нѣтъ столь большаго злоупотребленія власти.

Довольно объ этомъ предметѣ: я хотѣлъ только сдѣлать вамъ мое описаніе; я конечно многое пропустилъ; донесеніе Генерала Бонапарте сіе дополнитъ. . . . .

БОЙЕ.

Главная квартира въ Александріи 18 Мессидора VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ.

ГРАЖДАНЕ ДИРЕКТОРЫ,

Армія отправилась изъ Мальты 1-го Мессидора и прибыла 13 на разсвѣтѣ предъ Александрію. Англійская эскадра, какъ сказываютъ весьма сильная, приходила туда за три дня предъ нашими и привезла пакетъ въ Индію.

Вѣтеръ былъ очень свѣжъ и море сильно волновалось: я однакожъ счелъ необходимымъ тотчасъ сдѣлать высадку. День прошелъ въ пріуготовленіяхъ къ оной. Генералъ Мену со сво-

сю дивизiею вышелъ первый на берегъ близъ Марабу за полторы мили отъ Александрiи.

Я съѣхалъ на берегъ съ Генераломъ Клеберомъ и другою частью войскъ въ одиннадцать часовъ вечера: мы тотчасъ двинулись къ Александрiи. На разсвѣтѣ усмотрѣли мы колонну Помпея: отрядъ Мамелюковъ и Арабовъ началъ было тревожить наши передовые посты; но мы пошли быстро въ передъ съ дивизiями Генераловъ, Бона на правой сторонѣ, Клебера въ срединѣ а Мену на лѣвой, къ разнымъ точкамъ Александрiи: стѣны Арабскаго города были унизаны людьми.

Генералъ Клеберъ пошелъ отъ Помпеевой колонны на приступъ къ стѣнѣ, между тѣмъ какъ Генералъ Бонъ осаждалъ Розетскiя ворота; Генералъ Мену блокировалъ треугольный замокъ съ частью своей дивизiи, между тѣмъ какъ остальная часть оной пошла на приступъ къ другой стѣнѣ. Онъ первый вступилъ въ городъ, получивъ семь ранъ, изъ коихъ къ счастiю ни одна не опасна.

Генералъ Клеберъ, при подножiи стѣны, указывалъ своимъ Гренадерамъ мѣсто гдѣ взобраться на оную, какъ въ самое это время былъ пораженъ пулею въ лобъ, повергшею его на землю: рана его хоть и весьма опасна, но не смертельна. Гренадеры его дивизiи, удвоивъ храбрость свою, проникли въ городъ.

Четвертая Полу-Бригада подъ предводительствомъ Генерала Мармонта, выбила топорами Розетскiя ворота и вся дивизiя Генерала Бона вступила въ обитель Арабовъ.

Гражданинъ Массъ, Командиръ тридцать второй бригады убитъ а Генералъ-Адъютантъ Ескаль опасно раненъ.

По овладѣнiи нами городомъ, непрiятель удалился въ треугольную крѣпость, въ маякъ и въ новый городъ; каждый домъ былъ для него цитаделью; но прежде окончанiя дня, городъ успокоился; оба замка сдались на договоръ и мы совершенно овладѣли городомъ, двумя крѣпостями и двумя Александрiйскими воротами.

Тѣмъ временемъ степные Арабы налетѣли отрядами въ тридцать и въ сорокъ человѣкъ, тревожили нашъ тылъ и нападали на отсталыхъ. Они непереставали безпокоить насъ въ продолженiе двухъ дней: но вчера мнѣ удалось заключить съ ними договоръ не только дружескiй, но даже союзный. Тринадцать

главныхъ вождей были вчера у меня. Я сѣлъ посреди ихъ и мы имѣли продолжительный разговоръ. Согласясь въ главныхъ статьяхъ мы стали вокругъ стола осудивъ на адскій пламень того изъ насъ, кто нарушитъ условія, состоявшія въ слѣдующемъ

Съ ихъ стороны, чтобы не тревожить нашего тыла; доставлять намъ всѣ зависящія отъ нихъ пособія; и присылать мнѣ людей, которыхъ я потребую для того чтобы итти на Мамелюковъ.

Я же обязался возвратить имъ, по овладѣніи Египтомъ тѣ земли, которыя имъ прежде принадлежали.

Молитвы отправляются по прежнему въ мечетяхъ и домъ мой всегда наполненъ Иманами или Кадіями, Шейками, мѣстными начальниками и Муфтіями, главами вѣры.

Старая Александрійская гавань можетъ помѣстить въ себѣ самую многочисленную эскадру; но въ проходѣ къ оной есть мѣсто, имѣющее только пять брассовъ воды, что заставляетъ моряковъ думать что семидесяти четырехъ пушечнымъ кораблямъ нельзя будетъ войти туда.

Эскадра пойдетъ сегодня въ Абукиръ для выгрузки находящейся на оной остальной нашей артиллеріи.

Это обстоятельство чрезвычайно препятствуетъ моимъ намѣреніямъ.

Корабли Венеціянской постройки могутъ войти туда и *Дюбуа* и *Коссе* уже втянулись.

Дивизія Генерала Дезе прибыла въ Демангуръ прошедъ четырнадцать миль безплодною степью, очень ее утомившею. Дивизія Генерала Ренье должна прибыть туда сего вечера.

Дивизія Генерала Дуги въ Розеттѣ; Дивизіонный начальникъ Перре командуетъ легкою флотиліею и постарается подняться вверхъ по Нилу съ частью судовъ своихъ.

Прошу у васъ Контръ-Адмиральскаго чина для Гражданина Гантома, Начальника Штаба эскадры, Офицера чрезвычайно достойнаго, столькоже отличающагося своимъ усердіемъ какъ опытностью и свѣдѣніями.

Я назначилъ Гражданина Леруа Морскимъ Интендантомъ въ Александріи.

Я сдѣлалъ въ арміи разныя производства, о которыхъ пришлю вамъ списокъ какъ только армія нѣсколько устроится.

При взятіи Александріи у насъ сорокъ человѣкъ убито и отъ осмидесяти до ста ранено.

Прошу у васъ чина Эскадроннаго Командира для Гражданина *Сулковскаго*, отличнаго Офицера, который два раза былъ сброшенъ непріятелемъ съ бреши.

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

Главная квартира Каиръ 6 Термидора VI года Французской Республики.

БОНАПАРТЕ, ЧЛЕНЪ НАЦІОНАЛЬНАГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ.

ГРАЖДАНЕ ДИРЕКТОРЫ,

19 Мессидора армія выступила изъ Александріи, а 20 прибыла въ Дмангуръ очень пострадавъ въ степи отъ чрезвычайнаго жара и недостатка воды.

СРАЖЕНІЕ РАМАНЕССКОЕ.

22 Мы достигли Нила при Раманіе и соединились съ Дивизіею Генерала Дуги, которая пришла ускоренными маршами изъ Розетты.

Дивизія Генерала Дезе была атакована отрядомъ изъ семи или осьми сотъ Мамелюковъ которые, послѣ сильной пальбы и потери нѣсколькихъ человѣкъ, отступили.

СРАЖЕНІЕ ШЕБРЕИССКОЕ.

Я извѣстился однакоже что Мурадъ-Бей со своею арміею, составленною большею частью изъ конницы, и имѣя восемь или десять кононерскихъ лодокъ, а на Нилѣ баттареи, ждетъ насъ у деревни Шебреиссы. 24 вечеромъ мы выступили съ тѣмъ чтобы къ нему подойти. 25, на разсвѣтѣ мы находились предъ нимъ.

У насъ было только двѣсти человѣкъ конницы, разслабленной и изнуренной переходомъ. Мамелюки имѣли великолѣпный отрядъ всадниковъ, покрытыхъ золотомъ, серебромъ; вооружен-

ныхъ лучшими Лондонскими ружьями и пистолетами, отличными саблями и сидящихъ на прекраснѣйшихъ коняхъ въ мірѣ.

Армія была построена подивизіонно въ каре, имѣя багажъ въ срединѣ, артиллерію въ баталіонныхъ интервалахъ; а баталіоны стояли второй и четвертый за первымъ и третьимъ; пять Дивизій арміи были расположены уступами, фланкируя одна другую и будучи фланкируемы двумя деревнями, нами занимаемыми.

Гражданинъ Перре Флотскій Дивизіонный Начальникъ, съ тремя канонерскими лодками, съ шебекою и съ полугалерою пошелъ въ атаку противъ непріятельской флотиліи. Сраженіе было очень упорно; съ обѣихъ сторонъ выстрѣлено болѣе полуторы тысячи пушечныхъ зарядовъ. Дивизіонный Начальникъ Перре былъ раненъ ядромъ въ руку и чрезъ свою распорядительность, чрезъ свою непоколебимость успѣлъ взять обратно три канонерскія лодки и полугалеру которую захватили было Мамелюки и зажечь судно ихъ Адмирала. Граждане Монжъ и Бертолетъ, находившіеся на шебекѣ, показали въ опасныя минуты большое мужество. Генералъ Андреосси, начальствовавшій высадными войсками, отлично дѣйствовалъ.

Конница Мамелюковъ скоро наводнила всю долину, и объѣхавъ наши крылья, старалась открыть у насъ въ тылу и на флангахъ слабое мѣсто для того, чтобы прорваться; но повсюду она встрѣтила сильный отпоръ и перекрестный огонь: они нѣсколько разъ покушались пойти въ атаку, но не могли рѣшиться. Нѣкоторые храбрецы выѣзжали было въ натискъ но были встрѣчены огнемъ стрѣлковыхъ взводовъ, высланныхъ предъ интервалы баталіоновъ. Наконецъ, простоявъ день на половину пушечнаго выстрѣла, они отступили и исчезли.

Потерю ихъ можно считать до трехъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Мы шли восемь дней, лишенные всего и въ самомъ знойномъ климатѣ цѣлаго свѣта.

Утромъ 2 Термидора мы усмотрѣли Пирамиды.

2 числа вечеромъ мы находились въ шести миляхъ отъ Каира и я узналъ что двадцать три Бея, со всѣми ихъ силами укрѣпились въ Эмбабе, поставя въ своихъ укрѣпленіяхъ болѣе шестидесяти пушекъ.

БИТВЫ ПРИ ПИРАМИДАХЪ.

3 числа на разсвѣтѣ мы встрѣтили ихъ авангардъ, который былъ нами оттѣсненъ отъ деревни до деревни. Въ два часа по полудни мы дошли до ретраншаментовъ непріятельской арміи.

Я приказалъ дивизіямъ Дезе и Ренье занять позицію на правой сторонѣ между Джизе и Эмбабе такимъ образомъ, чтобы пресѣчь непріятелю сообщеніе съ Верхнимъ Египтомъ, долженствовавшимъ служить ему естественнымъ мѣстомъ для отступленія. Армія была построена такимъ же образомъ какъ въ Шебренскомъ сраженіи.

Усмотрѣвъ движеніе Генерала Дезе, Мурадъ Бей рѣшился на него ударить. Онъ послалъ одного изъ своихъ храбрѣйшихъ Беевъ съ отборнымъ отрядомъ, который съ быстротою молніи налетѣлъ на двѣ Дивизіи. Допустивъ его на пятьдесятъ шаговъ, наши встрѣтили его градомъ пуль и картечь, положившихъ великое число непріятелей на полѣ битвы. Они бросились въ промежутокъ между двумя Дивизіями, гдѣ были встрѣчены двойнымъ огнемъ, довершившимъ ихъ пораженіе.

Воспользовавшись этою минутою, я приказалъ Дивизіи Генерала Бона, находившейся у Нила, итти на приступъ къ укрѣпленіямъ, а Генералу Віалю, начальствующему Дивизіею Генерала Мену,—врѣзаться между напавшимъ на насъ отрядомъ, и укрѣпленіями, съ тройною цѣлью:

Дабы воспрепятствовать сему отряду войти въ оныя.

Дабы преградить отступленіе тому, который въ оныхъ находился.

И наконецъ, если будетъ нужно, дабы напасть на сіи укрѣпленія съ лѣваго фланга.

Генералы Віаль и Бонъ, подошедъ на надлежащее разстояніе, построили первые и третьи Дивизіоны каждаго баталіона въ колонны къ атакѣ, между тѣмъ какъ второй и четвертый Дивизіоны, оставаясь построенными въ трехшереножное каре, шли для поддержанія колоннъ къ атакѣ.

Колонны къ атакѣ Генерала Бона, предводительствуемыя храбрымъ Генераломъ Рампономъ, бросились на укрѣпленія съ обыкновенною ихъ стремительностью не взирая на огонь многочисленной артиллеріи, какъ въ самое это время Мамелю-

ки сдѣлали натискъ. Они вскачь выѣхали изъ укрѣпленій, такъ что наши колоны едва имѣли время остановиться, выстроить во всѣ стороны фронтъ и встрѣтить ихъ штыками и градомъ пуль. Въ одну минуту все поле покрылось непріятелями. Наши войска вскорѣ овладѣли укрѣпленіями. Обращенные въ бѣгство Мамелюки, толпою бросились къ лѣвому своему флангу. Но тамъ стоялъ Генералъ Віаль. Баталіонъ егерей, подъ огнемъ коего они принужденными нашлись пройти въ пяти шагахъ, произвелъ между ними ужасное пораженіе; великое число ихъ побросалось въ Нилъ и потонуло.

Болѣе четырехъ сотъ верблюдовъ, навьюченныхъ багажемъ, досталось намъ во власть: я полагаю потерю Мамелюковъ въ двѣ тысячи человѣкъ отборной конницы; великое число Беевъ было ранено или убито; Мурадъ-Бей раненъ въ щеку. Наша потеря простирается отъ двадцати до тридцати человѣкъ убитыми и сто двадцать раненыхъ. Въ туже ночь Каиръ былъ очищенъ непріятелемъ; всѣ его канонерскія лодки, корветты, бриги и даже фрегатъ, сожжены и 4 числа наши войска вступили въ Каиръ. Въ продолженіе ночи, чернь сожгла домы Беевъ и произвела многія буйства. Каиръ, содержащій въ себѣ болѣе трехъ сотъ тысячь жителей, имѣетъ самую дурную чернь, въ цѣломъ свѣтѣ.

Послѣ множества битвъ и сраженій, данныхъ войсками, мною предводительствуемыми, превосходному въ числѣ непріятелю,— я не сталъ бы хвалить ихъ стойкость и хладнокровіе въ этомъ случаѣ, еслибъ дѣйствительно этотъ, совершенно новый родъ войны, не требовалъ отъ нихъ терпѣнія, противоположнаго Французской пылкости. Еслибъ они предались сему послѣднему чувству, то они бы не одержали побѣды, которая могла быть достигнута только чрезъ большое хладнокровіе и терпѣніе.

Конные Мамелюки показали большую храбрость; они защищали свое достояніе и у каждаго изъ нихъ наши солдаты находили по триста, по четыреста и по пяти сотъ золотыхъ луйдоровъ.

Вся пышность этихъ людей состоитъ въ ихъ лошадяхъ и вооруженіи; домы ихъ жалки. Трудно найти землю болѣе плодоносную и народъ болѣе плохой, болѣе невѣжествующій и загрубѣлый. Они предпочитаютъ нашу солдатскую пуговицу

шести франковому сьемку. Въ деревняхъ, они даже не знаютъ ножницъ. Домы ихъ построены изъ глины; весь домашній скарбъ ихъ состоитъ изъ соломенныхъ тюфяковъ и изъ двухъ или трехъ глиняныхъ горшковъ; они вообще ѣдятъ и потребляютъ очень мало. Имъ неизвѣстно употребленіе мельницъ, такъ что мы почти всегда располагались биваками на обширныхъ хлѣбныхъ поляхъ, не въ состояніи будучи достать себѣ муки. Мы кормились только скотиною и овощами. Небольшое количество зеренъ, обращаемое ими въ муку, они растираютъ каменьями; и въ нѣсколькихъ большихъ деревняхъ есть мельницы, приводимыя въ движеніе быками.

Мы безпрестанно были тревожимы тучами Арабовъ, которые суть наивеличайшіе воры и мошенники въ мірѣ, убивающіе и Турокъ и Французовъ, всѣхъ, кто ни попадется. Бригадный Генералъ Мюнрёръ, равно какъ многіе Адъютанты и Офицеры Генеральнаго Штаба были умерщвлены этими злодѣями. Скрывшись за плотинами и во рвахъ, они внезапно оттуда выскакиваютъ и горе тому, кто отдалится на сто шаговъ отъ колонны! Генералъ Мюнрёръ, не смотря на представленія караульныхъ, по предопредѣленію которое я часто замѣчалъ въ людяхъ, близкихъ къ своему послѣднему часу, непремѣнно захотѣлъ одинъ отправиться на пригорокъ, лежащій въ двухъ стахъ шагахъ отъ лагеря; за онымъ находились три Бедуина, которые его умертвили. Республика сдѣлала тѣмъ большую потерю: это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ Генераловъ, мнѣ извѣстныхъ.

Въ этой землѣ очень мало наличныхъ денегъ, много хлѣба, рису, овощей и скота; Республика не можетъ сыскать болѣе удобнаго, болѣе плодоноснаго мѣста для заведенія колоніи. Климатъ очень здоровъ, ибо ночи прохладны; не смотря на пятнадцать дней похода, не смотря на всякаго рода утомленія, совершенный недостатокъ вина и всего, что можетъ облегчить усталость, у насъ нѣтъ больныхъ; солдаты нашли себѣ большое пособіе въ арбузахъ, коихъ здѣсь очень много.

Артиллерія въ особенности отличилась. Прошу васъ о производствѣ въ Дивизіонные Генералы Бригаднаго Генерала Доммартена.

Я произвелъ въ Бригадные Генералы, Бригаднаго Командира д'Естепа, начальствующаго четвертою Полу-Бригадою. Генералъ

Цюкущекъ отлично исполнилъ важныя порученія, мною ему данныя.

Генералъ-Интендантъ Сюси отправился на нашей Нильской Флотиліи для того чтобы доставить намъ съѣстныхъ припасовъ изъ Дельты: видя что мы уходимъ впередъ и желая находиться близъ меня въ день битвы, онъ бросился въ канонерскую лодку и, не взирая на предстоявшія ему опасности, отдѣлился отъ флота: лодка его сѣла на мель и на него напало множество непріятелей; онъ показалъ величайшую храбрость: будучи опасно раненъ въ руку, онъ успѣлъ своимъ примѣромъ одушевить экипажъ и избавить лодку отъ опасности, коей она было подверглась.

Я подробно сообщу вамъ обо всѣхъ, которые отличились и о сдѣланныхъ мною производствахъ.

Прошу васъ произвесть въ Контръ-Адмиралы Дивизіоннаго Начальника Гражданина Перре, одного изъ отличнѣйшихъ по храбрости флотскихъ Офицеровъ.

Прошу васъ выдать въ награду 1200 франковъ женѣ Гражданина Ларрея, главнаго Врача арміи; онъ оказалъ намъ въ степи величайшія услуги своею дѣятельностью и усердіемъ: онъ кажется мнѣ отлично способнымъ для начальства надъ походными госпиталями.

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

Е. Пуссіельгъ, Контролёръ Восточной арміи и Главноуправляющій Финансами.

Розетта въ Египтѣ, 17 Термидора VI года.

Мы были свидѣтелями, милая моя, одной изъ самыхъ кровопролитныхъ и самыхъ несчастныхъ морскихъ битвъ, которыя съ давнихъ вѣковъ происходили. Мы не знаемъ еще всѣхъ обстоятельствъ; но тѣ которыя намъ извѣстны, ужасны.

Французская эскадра, составленная изъ 13 линейныхъ кораблей, изъ коихъ одинъ трехъ дечный о 120 пушкахъ и 3 осмидесяти пушечные, стояла на якорѣ на шпрингѣ въ дурномъ Абукирскомъ или Канопскомъ заливѣ, единственномъ, который существуетъ по всему Египетскому берегу. Въ продолженіе уже

осми дней, часто показывались Англiйскiе корабли и фрегаты, приходившiе обозрѣвать положенiе нашей эскадры, такъ что она съ каждою минутою ожидала нападенiя. Отъ Розетты до Абукира прямою дорогою не далѣе четырехъ съ половиною миль; съ Розетскихъ высотъ мы явственно видѣли нашу эскадру. 14 числа сего мѣсяца, въ пять съ полови ою часовъ вечера, мы услыхали пушечные выстрѣлы: это было начатiе боя. Взобравшись на террасы самыхъ высокихъ домовъ и на другiя возвышенiя, мы ясно увидѣли 10 Англiйскихъ кораблей; прочихъ было не видно. Пальба была очень сильна до 9½ часовъ вечера; а въ это время при темнотѣ ночи распространилось зарево, показывавшее что одинъ изъ кораблей горитъ. Тогда пушечная пальба усилилась. Въ десять часовъ, горѣвшiй корабль взлетѣлъ на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ, который былъ слышимъ въ Розеттѣ подобно какъ Гренельской взрывъ слышали въ Парижѣ. За этимъ бѣдствiемъ послѣдовали ужасный страхъ и глубокое безмолвiе въ продолженiе десяти минутъ. Между усмотрѣнiемъ взрыва и звукомъ онаго, для насъ прошло двѣ минуты Пальба возобновилась, продолжалась безпрерывно до трехъ часовъ; тутъ она совершенно замолкла, но въ пять часовъ опять возобновилась съ бо́льшею противъ прежняго силою. Я отправился на башню, находящуюся въ милѣ отъ Розетты и называемую Абулъ-Мандуръ: оттуда я увидѣлъ явственно сраженiе. Въ восемь часовъ утра я усмотрѣлъ горящiй корабль; черезъ полчаса я вдругъ увидѣлъ взлетѣвшiй на воздухъ другой корабль, который прежде не горѣлъ: взрывъ онаго былъ таковъ же какъ и наканунѣ. Горѣвшiй корабль отошелъ отъ берега; огонь непримѣтно уменьшился и мы предположили что его успѣли потушить.

Въ продолженiе сего времени пальба усиливалась: огромный корабль, лишенный трехъ мачтъ своихъ, сталъ у берега на мель; другiе также потеряли свои мачты, но эскадры казалось смѣшались и мы не могли различить Англичанъ отъ Французовъ, ни знать которая сторона одержала побѣду. Огонь сохранилъ всю свою живость до двухъ часовъ по полудни 15 числа. Тогда мы увидѣли что два корабля и два фрегата, поставя всѣ паруса свои, поплыли къ востоку: мы узнали на всѣхъ оныхъ Фран-

цузскій флагъ. Ни одинъ изъ остальныхъ кораблей не сходилъ съ мѣста и огонь прекратился.

Около шести часовъ вечера, я возвратился въ Абулъ-Мандурскую башню дабы разсмотрѣть положеніе эскадръ: оно было тоже самое какъ въ два часа. Четыре поднявшіе паруса корабли, находились предъ устьемъ Нила. Мы не знали что думать. Прошло двадцать четыре часа а никто не явился для сообщенія намъ подробностей и мы не могли получить извѣстія, сухимъ путемъ по причинѣ Арабовъ, собравшихся между Розеттою и Абукиромъ; а водою по причинѣ затрудненія выйти изъ устья Нила при Богазѣ.

Ты можешь посудить о нашемъ нетерпѣніи, о нашей тоскѣ. Это молчаніе было для насъ дурнымъ признакомъ. Пришлось провести въ этомъ недоумѣніи еще ночь съ 15 на 16 число. Наконецъ 16 числа утромъ, судно, вышедшее ночью изъ Александріи, привезло намъ нѣкоторыя подробности, но неблагопріятныя: чрезъ него узнали мы что по словамъ нѣсколькихъ Офицеровъ Французской эскадры, уѣхавшихъ на шлюбкѣ въ Александрію, Адмиралъ Брюйесъ, при самомъ началѣ сраженія, получилъ три тяжкія раны, одну въ голову и двѣ въ тѣло; что онъ хотѣлъ оставаться при своемъ мѣстѣ на ютѣ, но что четвертымъ выстрѣломъ, онъ былъ пораженъ поперегъ тѣла; что Флагъ-Капитанъ Казабіанка былъ въ тоже время убитъ ядромъ и тогда замѣтили что корабль горитъ; что не могли потушить его и наконецъ онъ взлетѣлъ на воздухъ въ десять часовъ вечера. Они прибавляли, что наша эскадра совершенно разстроена, что четыре корабля ушли, но что остальные потеряны.

Возвратясь на башню, я нашелъ все въ томъ же самомъ положеніи, какъ было вчера и сего дня утромъ. Изъ усматриваемыхъ поврежденій эскадры можно было заключить что Англичане, хотя и одержавшіе верхъ, много пострадали когда они не могли преслѣдовать наши корабли, ушедшіе 15 числа.

Два дня уже всѣ эти корабли въ бездѣйствіи и кажутся уничтоженными.

Сегодня утромъ получены изъ Александріи извѣстія, подтверждающія наши потери. Контръ-Адмиралъ Декре и Вице-Адмиралъ Блаке-Дюшела, убиты.

Громовержецъ дрался послѣднiй. Начальствовавшему онымъ Дюпети-Туару оторвало ядромъ обѣ ноги. Спасшiеся корабли суть *Вильгемъ Тель* и . . . . . . , фрегаты *Дiана* и *Юстицiя*. Говорятъ, что третьягодня взлетѣла на воздухъ Артемиза. . . .

ПУССIЕЛЬГЪ.

ОПИСАНIЕ КАИРА.

Каиръ, столица Египта, лежитъ па восточпомъ берегу Нила въ мирiаметрѣ отъ того мѣста, гдѣ рѣка сiя начинаетъ раздѣляться и образовать такъ называемую Дельту, по Арабски *Етрифъ*. Городъ сей по несчастiю построенъ далеко отъ Нила, что лишаетъ его большой выгоды, ибо каналъ изъ онаго проведенный, имѣетъ воду только во время наводненiя.

Каиръ есть одинъ изъ величайшихъ городовъ въ свѣтѣ; онъ дѣлится на три части. Булакъ, старый Каиръ и новый Каиръ.

Противъ Каира, къ западу отъ Нила, видны развалины Мемфиса, что иногда давало поэтамъ поводъ называть Каиръ Мемфисомъ.

На тойже сторонѣ Каира и довольно близко находятся развалины древняго Вавилона.

Каиръ имѣетъ около полутора мирiаметра въ окружности, т. е. почти столькоже какъ Парижъ, взятый по чертѣ булеваровъ; онъ имѣетъ восемь километровъ отъ сѣвера къ югу и около четырехъ отъ востока къ западу.

Каиръ былъ построенъ подлѣ древней столицы Египта, которую называли тогда Масръ или Форстатъ. Саладинъ обнесъ оба эти города стѣнами. Масръ называется нынѣ старымъ Каи-

ромъ; а между онымъ и новымъ Каиромъ построили третій городъ Булахъ.

Городъ Великій Каиръ основанъ Жогаромъ, полководцемъ Моаза, происходившимъ отъ Принцевъ Керуанскихъ; онъ назвалъ его Ельгагера, что значитъ Побѣдоносный, а мы ужъ превратили это названіе въ Каиръ. Жогаръ построилъ въ немъ дворецъ для жительства Государя. Столицею Египта былъ прежде Фостатъ, основанный въ двадцатый годъ Эгиры завоевателемъ Амру; онъ построилъ его на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ располагался лагеремъ, отправляясь осаждать Александрію. Имя Фостатъ значитъ по Арабски *шатеръ*: къ нему прибавили названіе Масра, какъ тогда именовался Мемфисъ и какъ Арабы всегда называли столицу Египта.

Мѣстоположеніе Великаго Каира не столь выгодно какъ мѣстоположеніе Фостата: удаленіе отъ Нила не есть единственное неудобство, тамъ ощущаемое; безплодный Мокаттамскій хребетъ окружаетъ его съ востока и когда не дуетъ сѣверный вѣтръ, то отъ онаго отражается на городъ удушливый жаръ; тамъ дышутъ палящимъ воздухомъ и надобно ждать ночи для того, чтобы насладиться какою либо прохладою.

Улицы Каира, также какъ Александрійскія, грязны, узки, кривы и немощены; отъ чего толпа людей, верблюдовъ, ословъ и собакъ, поднимаетъ на нихъ несносную пыль. Домы, подобно какъ въ большей части Турецкихъ городовъ, дурно построены; но въ противность Восточному обычаю, нѣкоторые изъ нихъ въ два и въ три этажа; большая часть оныхъ построена изъ глины и изъ дурно обожженныхъ кирпичей; другіе изъ мягкаго камня, добываемаго съ Мокаттамской горы; на верху каждаго изъ нихъ находится терраса также каменная или кирпичная; всѣ они походятъ на тюрьмы, ибо мало имѣютъ оконъ въ наружу: свѣтъ получаютъ они со внутреннихъ дворовъ гдѣ смоковныя деревья доставляютъ пріятную зелень; отверстіе на сѣверъ или въ крышѣ сдѣланное, сообщаетъ прохладительный воздухъ. Подъ тиранскимъ владычествомъ Мамелюковъ опасно было слишкомъ много имѣть просвѣтовъ: старались дать домамъ своимъ плохую наружность для того, чтобы не возбудить ихъ алчности. Окна не имѣютъ ни стеколъ, ни створчатыхъ рамъ, но сквозныя рѣшетки, стоющія иногда дороже нашихъ стеколъ.

Хотя всѣ вообще домы въ Каирѣ дурно расположены, однакожъ они имѣютъ обширныя залы, гдѣ вода льется въ мраморные бассейны: штучные полы изъ мрамора и изъ цвѣтнаго фаянса, покрыты цыновками и тюфяками; а сверхъ оныхъ богатымъ ковромъ, на который садятся поджавъ ноги; вокругъ стѣнъ устроены софы съ подушками, а на два метра отъ пола устроены полки, уставленныя Китайскимъ и Японскимъ фарфоромъ; стѣны, впрочемъ голыя, исписаны изреченіями Корана и цвѣтными арабесками, коими также украшались входы жилищъ Беевъ.

Домы украшены садами и неправильными бассейнами, въ которые входитъ вода изъ канала когда Нилъ разливается. При этомъ разливѣ вода затопляетъ Каирскія площади, составляющія тогда озера, изъ коихъ самое большое имѣетъ до ста шаговъ въ діаметрѣ: такова площадь Десбекеирская: находясь въ срединѣ города, она окружена прекраснѣйшими домами. Восемь мѣсяцевъ въ году это обширный прудъ, наполненный водою; остальные четыре мѣсяца это очень пріятный садъ. Когда въ бассейнѣ вода, то по немъ плаваютъ на лодкахъ: дѣлаютъ фейерверки и даютъ концерты.

Изъ числа Мечетей, коими городъ Каиръ наполненъ, ибо ихъ около трехъ сотъ, нѣкоторыя возвышаются какъ цитадели. Такова Мечеть Султана Гассана, обширное зданіе съ огромнымъ куполомъ и коего фасадъ отдѣланъ драгоцѣннымъ мраморомъ. Почти всѣ эти Мечети имѣютъ очень высокіе минареты; и этого рода колокольни, построенныя съ большою легкостью и окруженныя галереями, чрезвычайно какъ разнообразятъ повсюду одинаковый видъ города, коего всѣ кровли устроены террасами. Съ нихъ то публичные крикуны приглашаютъ народъ къ молитвамъ въ часы, предписанные закономъ, т. е. при восхожденіи солнца, въ полдень, въ три часа, при закатѣ солнца и часа черезъ два послѣ того. Восемь сотъ голосовъ (ибо употребленіе колоколовъ ненавистно Туркамъ) раздаются въ одно мгновеніе во всѣхъ частяхъ города и напоминаютъ человѣку обязанности его къ Богу. Жиды имѣютъ много синагогъ въ Каирѣ.

Каирскій замокъ, построенный великимъ Саладиномъ, стоящій на крутой скалѣ и окруженный толстыми стѣнами, съ огромными башнями, былъ очень крѣпокъ до изобрѣтенія пороха; но такъ какъ надъ нимъ господствуетъ сосѣдняя гора, то онъ.

не выдержалъ бы двухъ часоваго огня, съ устроенной на оной батареи. Замокъ сей имѣетъ болѣе километра въ окружности; въ него входятъ двумя крутыми, высѣченными въ скалѣ дорогами. Изъ сей-то крѣпости, шестью плохими пушками наведенными на чертоги Пашп, Беи заставляли его изъ оныхъ удаляться, какъ только они ему сіе приказывали.

Внутренность замка заключаетъ въ себѣ дворцы Египетскихъ Султановъ, почти развалившіеся. Обрушившіеся куполы, груды обломковъ, позолоты и картинъ, коихъ краски выстояли противъ времени, прекрасныя мраморныя колонны, еще стоящія, но большею частью безъ капителей, — вотъ что осталось отъ ихъ древняго великолѣпія. Видны однакожъ еще слѣды многихъ дворцевъ, садовъ, безподобныхъ портиковъ, бань и пышныхъ площадей; мраморъ и колонны въ большомъ количествѣ. Мечеть, построенная Саладиномъ, удивляетъ какъ своею огромностью, такъ и странностью своей архитектуры.

Водопроводъ, снабжающій замокъ водою, имѣетъ сто двадцать аркъ.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ въ этомъ замкѣ, есть колодезь Іосифа, высѣченный въ скалѣ; онъ имѣетъ двѣсти восемдесятъ футъ глубины и сорокъ два фута окружности: колодезь сей раздѣленъ на двѣ части для удобнѣйшаго доставанія воды. Чрезвычайно отлогая лѣстница устроена подлѣ наго, отдѣляясь отъ колодца шестидюймовою стѣнкою, въ коей продѣланы отверстія для освѣщенія: по спускѣ до низа первой части, находили площадку съ бассейномъ; гдѣ быки вертятъ колесо съ глиняными шайками, поднимающими воду изъ нижняго колодца; другіе быки, поставленные на верху поднимаютъ оную такимъ же способомъ изъ сего бассейна. Вода сія, идущая изъ Нила чрезъ песокъ напитанный селитряною солью, нѣсколько солоновата; а потому ее употребляютъ для питья, только въ случаѣ осады или по другой необходимости. Этотъ колодезь устроенъ Арабами; Египтяне говорятъ что онъ сдѣланъ Саладиномъ.

Каирскій Паша жилъ въ большомъ зданіи, не имѣющемъ ничего замѣчательнаго и коего окна выходятъ на площадь, называемую Кара-Майданъ; присутственная зала, въ коей диванъ сбирался по три раза въ недѣлю, стольже длинна, но уже, чѣмъ

зала Парижской Палаты: говорятъ что она обагрена кровью Беевъ, умерщвленныхъ по приказанію Порты.

На концѣ Кара-Майдана стоитъ Монетный дворъ, гдѣ дѣлается множество мединсовъ и цехиновъ: они выбивались съ клеймомъ Шейка-ель-Беледа или Правительствующаго Бея.

Въ Янычарскомъ кварталѣ представляются развалины Саладинова Дворца: тамъ виденъ диванъ Іосифа, коего куполъ и часть стѣнъ обрушились; тамъ уцѣлѣли еще стоящія тридцать колоннъ изъ краснаго гранита, коихъ стержни изъ одного куска, имѣютъ около сорока пяти футъ высоты: кажется что онѣ взяты изъ древнихъ памятниковъ.

Великій Каиръ былъ, до пятнадцатаго столѣтія, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ; онъ былъ складочнымъ мѣстомъ Европы и Азіи: торговля его простиралась отъ Гибралтарскаго пролива во внутренность Индіи. Открытіе мыса Доброй-Надежды и нашествіе Оттомановъ отняли у него большую часть его блеска и богатства.

Каиръ, коего народонаселеніе простирается до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, лежитъ въ песчаной странѣ; когда воздухъ не освѣжаемъ дождями, то жаръ становится нестерпимъ; но въ Мессидорѣ, Термидорѣ и Фруктидорѣ бываетъ вѣтеръ, очень оный умѣряющій. Такъ какъ зима никогда не бываетъ холодна и какъ ее, лучше сказать, вовсе не знаютъ, то деревья сохраняютъ свою зелень въ продолженіе цѣлаго года.

Изъ Каира чрезъ Александрію вывозятъ кожи, Египетскую шерсть, хлобчатую бумагу, воскъ, алой, ладанъ, мирру, кофе, перья бѣлыя и черныя, слоновьи зубы и гумилакъ. Европейцы посылаютъ туда на обмѣнъ сукна, позолоту, шелковыя ткани, желѣзо, свинецъ, и разныя мелочные товары. Въ Каирѣ множество фабрикъ и между прочимъ такія, на которыхъ дѣлаютъ Турецкіе ковры.

Гаванью Великому Каиру служитъ Булакъ, находящійся отъ столицы въ двухъ километрахъ и заключающій въ себѣ великолѣпныя общественныя бани и магазины: противъ домовъ его стоятъ на якорѣ тысячи судовъ разнаго вида и всякой величины; въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ Булака находится замокъ Гелле, приходящій въ развалины и вѣроятно получившій свое имя отъ Геліополиса, отъ коего онъ недалекъ. Тамъ-то

Беи, окруженные блистательною свитою, встрѣчали новаго Пашу, дабы торжественно препроводить его въ темницу, изъ коей они часто изгоняли его предшественника.

ПЕРЕПИСКА

ЧАСТНАЯ И ОФИЦІЯЛЬНАЯ.

На фрегатѣ Діанѣ, 17 Преріаля VI года (5 Іюня 1798).

Посылаю къ тебѣ, любезный Буріеннъ, всѣ мои депеши, надѣясь что ты, по дружбѣ своей, отправишь ихъ съ первымъ судномъ. Если Сент-Илеръ находится еще въ Тулонѣ, то адресуй ихъ на его имя и попроси его, чтобы онъ тотчасъ разослалъ ихъ чрезъ почту.

Къ намъ пришелъ фрегатъ; онъ конечно возвратится и отвезетъ тебѣ, любезный другъ, всѣ увѣренія въ моей дружбѣ и память обо всѣхъ нашихъ товарищахъ. Можетъ быть онъ привезъ мнѣ письма? Я былъ бы очень счастивъ; и увѣренъ что ты прислалъ ихъ, еслибъ получилъ на мое имя и зналъ объ отходѣ сего судна. Прощай, любезный Буріеннъ, отъ всей души обнимаю тебя.

МАРМОНТЪ.

Ты совсѣмъ меня забылъ, любезный другъ; вспоминай иногда обо мнѣ; я какъ изгнанникъ, твоя дружба должна меня утѣ-

шать. Ты конечно имѣешь ко мнѣ письма: я въ этомъ увѣренъ. Освѣдомься у гражданина Гантома, Начальника Морскаго Штаба о судахъ, которыя будутъ къ намъ отправлены. Прощай, любезный другъ, я ужасно какъ скучаю.

Мое почтеніе Генералу.

М . . . . . .

АНГЛІЙСКАЯ АРМІЯ.

Главная квартира Мальта, 25 Преріаля VI года.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.

Приказъ Главнокомандующаго:

Статья 1. Въ церквахъ, принадлежащихъ Грекамъ,—Католическимъ Священникамъ не отправлять Богослуженія.

2. Обѣдни, которыя Католическіе Священники до сего служили въ Греческихъ храмахъ, можно служить въ другихъ церквахъ.

3. Жидамъ, которые пожелаютъ учредить синагогу, будетъ оказано покровительство.

4. Комендантъ объявитъ благодарность Грекамъ за поведеніе ихъ во время осады.

5. Всѣ Греки острововъ Мальты и Гозо, равно областей Итаки, Корциры и Егейскаго Моря, которые сохранятъ какія либо сношенія съ Россіею, будутъ осуждены къ смерти.

6. Всѣ Греческія корабли, идущіе подъ Русскимъ флагомъ и взятые Французскими судами, будутъ потоплены.

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

На фрегатѣ Діанѣ, 25 Флореаля VI года.

Мы ужъ сходили въ походъ, любезный Буріеннъ, съ тѣхъ поръ какъ я съ тобою разстался. Я выдержалъ морскую качку очень хорошо и не смотря на сильную непогоду былъ здоровъ, какъ на берегу, кромѣ того, что имѣлъ больше обыкновеннаго апетитъ. Мы встрѣтили четыре фрегата, и такъ какъ они могли быть Англійскіе, то мы сдѣлали всѣ приготовленія къ бою. Они оказались Испанскими и мы вложили мечь въ ножны. Сдѣлай одолженіе, любезный другъ, отправь приложенное письмо и пришли съ подателемъ сего если имѣешь что либо на мое имя. Надѣюсь, любезный Буріеннъ, на твою всегдашнюю снисходительность и дружбу. Если ты будешь такъ милъ, что вспомнивъ обо мнѣ напишешь хотя строчку, то ты утѣшишь несчастнаго въ изгнаніи, которое однакожъ по возможности пріятно, ибо Контръ-Адмиралъ Декре и Офицеры его любезны какъ нельзя больше. Сообщи мнѣ какія нибудь извѣстія; обними за меня всѣхъ нашихъ товарищей; напомни обо мнѣ Генералу и прими увѣренія во всегдашней моей къ тебѣ дружбѣ.

А. МАРМОНТЪ.

Въ Булакѣ, близъ Каира, 9 Термидора VI года.

КЛЕБЕРУ.

. . . .

Ты не можешь себѣ вообразить какъ утомительны были наши переходы на пути въ Каиръ; мы приходили всегда въ три или въ четыре часа по полудни, перенеся весь жаръ большею частью безъ съѣстныхъ припасовъ, будучи принуждены довольствоваться тѣмъ что оставили предшествовавшія намъ Дивизіи въ ужасныхъ деревняхъ, ими ограбленныхъ, и тревожимые во

всю дорогу шайками разбойниковъ, называемыхъ Бедуинами, которые убивали нашихъ Офицеровъ и солдатъ, отстававшихъ на двадцать пять шаговъ отъ колонны. Адъютантъ Генерала Дуги, по имени Жероре, былъ умерщвленъ вчера отправясь съ приказаніемъ къ отряду Гренадеръ на ружейный выстрѣлъ отъ лагеря: эта война право хуже Вандейской.

Оберъ-Интенданту Сюси прострѣлили руку на Флотиліи, плывшей въ Каиръ. Ты бы могъ возвратиться на канонерскихъ лодкахъ и на джермахъ, ушедшихъ за багажемъ войскъ въ Александрію. Пріѣзжай, пріѣзжай и пріѣзжай!

весь твой,

ДАМАСЪ.

Гражданину Баррасу, Члену Французской Исполнительной Директоріи, въ Парижѣ.

Розетта, 17 Термидора VI года.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Александріи, я говорилъ тебѣ, любезный Директоръ только объ успѣхахъ Республиканскаго оружія; нынѣ обязанность моя гораздо тягостнѣе. Директорія конечно уже извѣщена о несчастной развязкѣ битвы, которую наша эскадра имѣла 15 числа сего мѣсяца съ Англійскимъ флотомъ.

Нѣсколько часовъ мы имѣли надежду остаться побѣдителями; но когда корабль *Востокъ* взлетѣлъ на воздухъ, то безпорядокъ распространился въ нашей эскадрѣ. По сознанію самихъ Англичанъ, всѣ наши корабли хорошо дрались; многія непріятельскія суда лишились мачтъ, но наша эскадра почти совершенно уничтожена. Ты довольно хорошо меня знаешь для того чтобъ быть увѣреннымъ въ томъ, что я не буду отголоскомъ клеветы, которая спѣшитъ сбирать самые нелѣпые слухи; я наблюдаю и удерживаюсь еще отъ произнесенія рѣшительнаго заключенія.

Всѣ здѣсь въ ужасномъ унынiи; я завтра ѣду съ этимъ извѣстiемъ въ Каиръ къ Бонапарте. Оно тѣмъ болѣе его огорчитъ чѣмъ менѣе ему бы слѣдовало ожидать онаго: онъ конечно прiищетъ средства, если не для того, чтобы исправить столь великую потерю, то покрайней мѣрѣ для предупрежденiя чтобы сiе бѣдствiе не сдѣлалось пагубнымъ для армiи, имъ предводительствуемой.

Что касается до меня, то это несчастное событiе возвратило мнѣ всю мою твердость. Я почувствовалъ, что въ эту минуту должно соединить всѣ усилiя дабы восторжествовать надъ всѣми препонами, которыя противопоставятъ намъ судьба и недоброжелательство.

Да не произведетъ сiя ужасная вѣсть пагубныхъ послѣдствiй во Францiи. Касательно себя я очень безпокоюсь; но возлагаю надежду на Республику, которая всегда столь хорошо намъ служила.

Прощай, любезный Баррасъ; я напишу къ тебѣ изъ Каира гдѣ надѣюсь быть черезъ четыре дня.

ТАЛIЕНЪ.

СОСТАВЪ И ЗАНЯТIЯ ЕГИПЕТСКАГО ИНСТИТУТА.

Египетскiй Институтъ раздѣлялся на четыре отдѣленiя: Математика, Физика, Политическая Экономiя, Литература и Изящныя Искуства.

Монжъ былъ сдѣланъ Президентомъ; Бонапарте Вице-Президентомъ; Фурiе Секретаремъ, а Коста Адъюнктомъ.

Членами были:

По Математикѣ:

Граждане: Андреосси, Бонапарте, Коста, Фурiе, (непременный Секретарь Института), Жираръ, Ланкре, Леперъ, Леруа, Малюсъ, Монжъ, Нуе и Гено.

По Физикѣ:

Граждане: Бошанъ, Бертоллетъ, Буде, Шампи отецъ, Конте, Делиль, Дескотиль, Дежепетъ, Доломіё, Дюбуа отецъ, Жоффруа Ларрей и Савиньи.

По Политической Экономіи:

Граждане: Корансе, Дюга, Фовеле де Буріеннъ, Жокотенъ, Пуссіельгъ, Ренье и Тальенъ.

По Литературѣ и Изящнымъ Искуствамъ:

Граждане: Денонъ, Дютертръ, Леперъ, Норри, Парсеваль—Гранмезонъ, Протенъ, донъ Рафаель, Редутте, Риго, Ригель и Рипо.

Институтъ имѣлъ прекрасное помѣщеніе; ботаническій садъ, для онаго заводимый, много обѣщалъ. Еслибъ время дозволило, то намѣревались устроить при ономъ звѣринецъ и завести общественную библіотеку. Устроили бы также обсерваторію, съ которой, при тамошнемъ безоблачномъ небѣ, можно бы съ пользою для астрономіи дѣлать наблюденія надъ планетами; физическій кабинетъ, химическую лабораторію и залы древностей.

Эти различныя заведенія вѣроятно опять бы водворили въ сей древней странѣ науки, оттуда намъ полученныя и изгнанныя невѣжествомъ.

Бонапарте предложилъ разсмотрѣть слѣдующіе вопросы:

1. Какіе есть способы уменшить расходы для топлева арміи?

2. Есть ли средства замѣнить чѣмъ либо хмѣль при вареніи пива?

3. Какими средствами можно освѣжить и очистить воду Нила?

4. Какія мельницы удобнѣе строить—вѣтреныя или водяныя?

5. Находятся ли въ Египтѣ способы для дѣланія пороха?

6. Въ какомъ положеніи находится въ Турціи порядокъ судопроизводства и образованіе?

Особыя Комиссіи были назначены для разсмотрѣнія каждаго

изъ этихъ вопросовъ. И таковойже одной поручено представить планъ окончательнаго образованія Института.

11 *Фруктидора, первое засѣданіе.*

Андреосси читалъ Записку о пріуготовленіи пороха въ Египтѣ. Селитра находится тамъ въ изобиліи, можно даже снабжать оною Францію; но въ сѣрѣ недостатокъ. Можно приготовлять уголь по мѣрѣ надобности изъ волчана. Впрочемъ Каиръ снабженъ порохомъ и въ этомъ отношеніи не должно безпокоиться.

Монжъ читалъ Записку объ *отраженіи*, оптическомъ феноменѣ, который въ морѣ и въ степяхъ представляетъ предметы, изображающіеся на небѣ, скрывая отъ взоровъ воду и землю, ихъ поддерживающія.

Назначены двѣ Коммиссіи—одна для составленія сравнительныхъ таблицъ мѣрамъ Франціи и Египта; другая для изданія Французско-Арабскаго словаря.

16 *числа, второе засѣданіе.*

Бертолетъ читалъ Записку объ образованіи нашатырной соли въ такихъ веществахъ, въ коихъ и не подозрѣвали существованія оной.

Записку о лучшемъ способѣ молотьбы хлѣба; предпочтеніе отдано машинамъ, дѣйствующимъ водою.

Бертолетъ отдалъ отчетъ о разложеніи имъ, найденнаго въ Каирскомъ замкѣ пороха, содержащаго въ себѣ только по двѣ съ половиною унціи селитры на фунтъ; онъ полагалъ что его слѣдовало уравнять для того, чтобы извлечь изъ сего селитру.

Записка Монжа о разныхъ древнихъ памятникахъ и о камнѣ, изъ котораго построенъ Каиръ.

21 *числа, третье засѣданіе.*

Записка о бюстѣ Изиды, найденномъ на берегахъ Нила Сулковскимъ.

Записка Сея о тростникѣ, о шафранѣ, и о соломѣ маиса, касательно употребленія оныхъ вмѣсто дровъ; сравненіе ихъ между

собою. Шафранъ доставляетъ топлево двадцатью процентами дешевле Французскихъ дровъ.

Объявленіе о постройкѣ вѣтреной мельницы Комиссiею, коей сiе было поручено.

Записка Жоффруа о строусѣ и доказательства о неимѣнiи сею птицею необходимыхъ условій для летанiя.

Бонапарте приглашаетъ Институтъ заняться изданiемъ календаря, который бы заключалъ раздѣленiя времени, по Французскому и по Египетскому способу.

Фурiе читалъ Записку о разрѣшенiи Алгебраическихъ уравненiй и предложилъ общій способъ извлеченiя корней для уравненiй всѣхъ степеней.

Парсевалъ читалъ переводъ отрывка изъ Освобожденнаго Іерусалима.

Деженеттъ читалъ Записку о болѣзняхъ, которыя невозможно смѣшивать съ чумою.

Второй дополнительный день, четвертое засѣданiе.

Бошанъ представилъ Календарь, готовый къ напечатанiю.

Бертолеттъ прочиталъ, сперва письмо Лапласа о повѣркѣ новыхъ мѣръ, а потомъ Записку о прiуготовленiи индиго въ Египтѣ.

Парсевалъ читалъ отрывокъ изъ Освобожденнаго Іерусалима.

Фурiе читалъ Записку о машинѣ для поливанiя земли.

Такова перечень занятій Института, учреждавшагося въ Египтѣ до эпохи перваго Вандемiера VII года. Къ этому отчету я присоединю списокъ ученыхъ и художниковъ, находившихся при Египетской армiи.

Геометрiя:

Фурье, Коста, Корансе, Шарбо, Девилье, Вiаръ, Венсанъ и Сей.

Астрономія:

Данго, Нуе, Кено и Мешенъ сынъ.

Механики:

Монжъ, Конте, Мезіеръ, Сесиль, Эне, Эне сынъ, Кассаръ, Ленуаръ сынъ, Сиро, Куврёръ, Гассеоранцъ младшій, Фавіе и Дюбуа.

Часовщики:

Леметръ, Томасъ и Брегетъ сынъ.

Химія:

Бертолетъ, Декотиль, Самюель, Бернаръ, Реніо, Шампи, Потье и Пиніа.

Минералогія:

Доломіе, Кордіе, Розіеръ, Непве, Викторъ и Дюпюи.

Ботаника:

Туенъ, Нектуръ, Делиль, Кокберъ сынъ и Мильберъ.

Зоологія:

Жоффруа, Савиньи, Дюшарнуа, Жераръ и Редутте.

Хирургія:

Дюбуа, Лабатъ, Ласниіеръ, Дюбуа сынъ, Пуксвиль и Бессіеръ.

Аптекари:

Буде, Рогенъ и Руйе.

Антикваріи:

Леблонъ, Пурліе и Рипо.

Архитекторы:

Норри, Бальзакъ и Протенъ.

Рисовщики:

Дютертръ, Риго и Бодуенъ.

Гражданскіе Инженеры:

Леперъ, Жираръ, Бодаръ, Граціенъ, Сен-Жени, Дебодръ, Дюваль, Фей, Ланкре, Февръ, Жолуа, Тевено, Шаброль, Раѳено, Арноле, Гіацинтъ, Панюзенъ и Шези.

Географы:

Лаѳеліадъ, Ледюкъ, Левекъ, Буржуа, Фори, Беназе, Карабёѳъ, Дюллонъ, Жомаръ, Лесенъ, Ларошъ, Бертръ, Потіе, Гролисъ, Буше и Шомонъ.

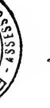
Типографщики:

Марсель, Пёнтисъ, Галанъ Бодуенъ, Ложье, Еберґартъ, Бессонъ, Буланже, Бойе, Жарденъ, Риве, Вери, Дюбуа, Грансарѣ, Марле, Летіу и Кастера.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ

И

ПЕРВАГО ТОМА.

RL 1234640
031466

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

Стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

Стр.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XVIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

